

финалист премий
«большая книга»
и «НОС»

сергей
кузнецов
**ЖИВЫЕ
И Взрослые**

роман в трех книгах
издается впервые

«это — не мои стены,
не моя граница,
не мои законы»

LIVE
BOOK

Сергей Кузнецов

Живые и взрослые (сборник)

Издательство "Livebook/Гаятри"

2013-2018

УДК 82-31
ББК 84(4РОС)

Кузнецов С. Ю.

Живые и взрослые (сборник) / С. Ю. Кузнецов — Издательство
"Livebook/Гаятри" , 2013-2018

ISBN 978-5-907056-07-7

Трилогия «Живые и взрослые» – захватывающая и динамичная смесь триллера, хоррора, фэнтези и подросткового романа. Граница удерживает хрупкое равновесие между миром живых и миром мертвых. Так было не всегда: живые жили вместе с мертвыми, пока большая, кровопролитная война их не разделила. По обе стороны процветают шпионаж и настороженное недоверие. Ника, Гоша, Лёва и Марина были уверены: мертвые – жестоки и опасны, а Граница – великое благо, созданное великим народом, но очевидцы вспоминают совсем другое. Так кто прав и как быть, если вдруг встретишь мертвеца?

УДК 82-31
ББК 84(4РОС)

ISBN 978-5-907056-07-7

© Кузнецов С. Ю., 2013-2018
© Издательство "Livebook/
Гаятри" , 2013-2018

Содержание

Книга первая	6
Часть первая	6
Часть вторая	51
Часть третья	97
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Сергей Кузнецов

Живые и взрослые (сборник)

© Сергей Кузнецов, текст, 2013–2018

© ООО «Издательство «Лайвбук», оформление, 2018

* * *

Книга первая

Живые и взрослые: начало

Моей дочери Ане

Часть первая

Детские секреты

1

– Ты с ума сошла, – шипит мама, – ты что, вот так собираешься идти в школу? Первого сентября? В таком виде?

Марина улыбается.

– В каком таком виде? – говорит она. – В нормальном виде, в праздничном, как и положено. Разве нет? Ты же сама говорила, что они – для праздника.

– Я говорила? – от возмущения мама чуть повышает голос – и, спохватившись, повторяет уже тише: – Я говорила?

По утрам они стараются не шуметь: папа часто приходит перед рассветом. Что делать, такая работа: дипломатические приемы всегда начинаются после захода солнца.

– Ты говорила, ты, – отвечает Марина, – когда я летом на теплоходе хотела пойти в них на дискотеку.

– Прекрати демагогию, – снова шипит мама, – ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду!

– Не понимаю.

Они стоят в коридоре большой двухкомнатной квартиры. Коридор слишком широкий, и мама только изображает, будто не дает Марине пройти. Конечно, ничего не стоит отодвинуть мамину руку и пройти в прихожую. Некоторое время Марина смотрит на маму, потом пожимает плечами, приносит с кухни табуретку и садится.

– Хорошо, – говорит она, – первое сентября пройдет без меня. Рыба вызовет тебя в школу и спросит, почему твоя дочь прогуляла первый день занятий.

– Не Рыба, а Валентина Владимировна, – говорит мама, – так нельзя говорить о старших. Тем более – о завуче школы.

– Ну да, – кивает Марина, – вот ей и объяснишь, почему ты не пустила меня в школу. Кстати, знаешь – я всегда мечтала прогулять первое сентября...

На самом деле Марина врет. Как раз первое сентября она всегда любила. Наверное, потому, что шесть лет назад именно ее выбрали, чтобы дать в руки сверкающий на солнце серебряный звонок с голубым бантом, посадить на шею самого высокого старшеклассника и на его плечах обойти по кругу звезду в центре двора – под оглушительный и счастливый звон первого в жизни школьного звонка.

Конечно, иногда Марине хотелось прогулять урок-другой – особенно географию или химию. Но первого сентября Марина всегда хотела в школу. Да что говорить – еще вчера она и представить не могла, что будет вместо линейки сидеть в коридоре, скрестив ноги в преступных белых джинсах. В мамином, между прочим, деньрожденном подарке.

Мама вздыхает:

– Почему ты не хочешь одеть нормальную школьную юбку?

– Я тебе уже объяснила, – скучающим голосом говорит Марина, – она мне мала. Ты сама говоришь, что я выросла за лето. Юбка мне теперь вот до сюда, – и она проводит ладонью где-то посередине между бедром и коленом.

– Не преувеличивай, – говорит мама.

– Я проверяла, – отвечает Марина. – Что, ты думаешь, я на ровном месте решила в джинсах идти?

– Ты представляешь, как Рыба будет ругаться? – спрашивает мама. – Ладно бы – просто брюки. Так нет – джинсы, и не просто джинсы – а белые джинсы. *Мертвые* белые джинсы.

– Все хорошие джинсы – мертвые, – пожимает плечами Марина, – это и Рыба знает. С этим даже ты спорить не будешь. И вообще: купила бы мне нормальную школьную юбку – я была бы уже в школе.

Марина украдкой смотрит на массивные часы, подарок отцу на сорокалетие. Серебряный круг, в нем – такая же звезда. Марину страшно раздражают эти часы – точно такие же висят у них в школе, да и вообще во всех государственных учреждениях. Только папины часы – из настоящего серебра, а школьные – дешевые, алюминиевые. Почему-то Марина уверена, что маме часы тоже не нравятся, хотя мама об этом никогда не говорит.

Часы показывают без десяти восемь.

Мама и Марина смотрят друг на друга. В шахматах это называется пат, с тоской думает девочка, ни у кого нет хода. И в этот момент за маминой спиной открывается дверь родительской комнаты, выходит черно-белая кошка Люси, следом за ней – папа, заспанный, в тяжелом халате, подаренном дядей Колей. Халат, разумеется, тоже *мертвый*, как все дяди-Колины подарки.

– Ну чего вы шумите, – сонно спрашивает он, – я домой в четыре вернулся, можно дать поспать человеку хотя бы немного?

Ну что же, раз папа уже не спит, мама может кричать с чистой совестью:

– Ты посмотри, как она собирается идти в школу! Первого сентября! В мертвых джинсах!

– Ну, юбка ведь ей мала, – зевая говорит папа, – что же делать? У нас есть другие брюки? Наши, не мертвые?

– Все наши в грязном, – быстро говорит Марина, – стиралка поломалась, а мастер придет только на той неделе.

– В твоём возрасте я руками стирала, – говорит мама.

– А в твоём возрасте майор Алурун уже командовал диверсионным отрядом, – ни к месту говорит Марина.

Папа смеется:

– Ладно, диверсантка, беги в школу. Только в первый ряд не лезь.

– Ну да, – говорит мама, – ты такой добрый, все ей разрешаешь – в школу к Рыбе не тебе ведь идти...

Тут Марина не может удержаться:

– Не к Рыбе, а к Валентине Владимировне. Ты же сама объясняла: нельзя так говорить о старших.

– Это тебе она старшая, а мы с ней почти сверстницы. Ладно, – вздыхает мама, – беги. Может, она и не заметит...

Марина мчится, разбрасывая ногами алые кленовые листья. В детстве она так играла – будто это *тинги*, которые окружили ее на поле боя, а она пробивалась к своим. Она видела тинги только через щелочку прикрытой двери – в фильмах, которые родители смотрели у себя в комнате. Поэтому ей тогда и казалось, что тинги похожи на осенние листья – кроваво-красные,

пятипалые. Это уже потом Павел Васильевич рассказал: настоящий тинг – это отрубленная человеческая кисть, наделенная единственным желанием: превращать живое в мертвое.

Кратчайшая дорога к Марининой школе идет мимо «пятнашки» – спортшколы за высоким деревянным забором. Забор подновляют каждый год, но в сентябре пятнашки первым делом отдирают пару-тройку досок, чтобы удобней было совершать набеги. Обычно первого сентября Марина предпочитает обходить спортшколу стороной – после того как в четвертом классе прибежала на праздничную линейку перепачканная и растрепанная. Хотя она и вышла победительницей (двое девчонок-пятнашек позорно ретировались с поля боя, признав убийственную силу Маринино мешка со сменкой), Рыба вызвала в школу родителей и долго отчитывала маму за закрытыми дверями своего кабинета. От этого Маринин авторитет в классе взлетел до недосягаемых высот, но ей пришлось пообещать маме избегать драк – и она старается держать слово хотя бы первого сентября.

Но сейчас до начала линейки всего несколько минут, и Марина, надеясь, что пятнашек уже заперли во дворе, вихрем мчится мимо злополучного забора. И тут, когда «пятнашка» почти осталась позади, раздается свист и что-то небожно, но ощутимо ударяет Марину в плечо. Не останавливаясь, она оборачивается: над досками мелькает коротко стриженный затылок.

Наверное, Вадик, со злостью думает Марина. Первый заводила и мелкий пакостник. Ну, ничего, увидимся еще!

На бегу Марина грозит забору кулаком и мчится дальше.

До начала линейки осталось две минуты.

Гоша, конечно, никаких Марининых джинсов не заметил, зато Лёва сразу восторженно присвистнул:

– Клевые. *Оттуда?*

– Ага.

Лёва кивает: он так и думал.

– Ой, как Петрова вырядилась, – говорит Оля Ступина, скривив хорошенькое личико первой ученицы, старосты и любимицы Рыбы. – Наших вещей ей недостаточно, ей мертвые подавай!

– Да тебе просто завидно, – говорит Марина.

– Ну нет, – вздергивает носик Оля, – я мертвое никогда не надену, ни за что. Те, кто мертвое носит, – те в зомби превращаются.

Это, конечно, глупость. Даже пятиклашки знают, откуда берутся зомби. Точнее, пятиклашки считают, что они знают, – потому что на самом деле, как объяснил Павел Васильевич, однозначного ответа на этот вопрос нет даже у ученых. Существует несколько теорий, какая верная – никому не известно. Впрочем, одежда, музыка и кино тут точно не при чем: когда об этом зашла речь, Павел Васильевич только рассмеялся.

Линейка уже закончилась, и семиклассники потянулись в школу. Марина, в своих метвых джинсах, старается затеряться в толпе. Главное, чтобы Оля не настучала. На всякий случай Марина показывает ей кулак и делает страшные глаза.

Оля, разумеется, одета как положено: юбка, фартук с голубоватыми кружевами, две косички с огромными бантами, на груди – серебряная звездочка в круге. Вроде такая же, как у всех остальных учеников, – но у Оли она словно специально начищена, словно нарочно выставлена напоказ. Марине даже противно смотреть: можно подумать, Оля в самом деле понимает, что стоит за этим значком. Конечно, на День Победы и День Проведения их староста пафосно читает со сцены правильные стихи о боях, погибших, *защищая границы звезды*, – но Марина ей ни на секунду не верит.

В прошлом году они проходили «Дочь полка» – и во время урока Павел Васильевич увлекся, стал вспоминать войну. Марина слушала, не отрываясь, – а Оля что-то рисовала на

вырванной из тетрадки клетчатой страничке, потом сунула в учебник. На перемене Марина подкралась и вытащила: листочек был весь покрыт цветами и принцессами в роскошных нарядах.

Марину тогда передернуло: как можно рисовать такую пошлятину, да еще во время рассказа о Великой войне? А потом нос воротит от мертвых джинсов!

Марина сидит у окна, на третьей парте. Весь пятый класс и половину шестого она сидела вместе с Леной Ковалевой, но после Нового года родители Лены получили квартиру в новом микрорайоне, Лена перешла в другую школу, и Марина осталась одна. Если честно, ей это очень нравилось. На свободное место она клала сумку, а все тетрадки и учебники вываливала на стол: так оказалось намного удобней прятать книжки, которые Марина тайком читала во время уроков.

Впрочем, сегодня, кроме учебников, у нее нет других книг – все-таки первое сентября. Марина достает из сумки дневник, новый учебник химии и чистую тетрадку. Из окна пятого этажа хорошо видны алые и желтые кроны деревьев. Среди них черным прямоугольником – крыша «пятнашки», чуть дальше, за проспектом, теснятся дома (один из них – Маринин), на горизонте многоярусной башней – силуэт Министерства по делам Заграничья, одной из пяти городских высоток. Там работает дядя Коля и часто бывает Маринин папа. Правда, это министерство взрослые почему-то чаще называют просто *Учреждение*.

– Здравствуйте, дети! – раздается громовой голос.

Это – коронный прием Рыбы: бесшумно войти в класс и тут же оглушить всех приветствием.

– Здравствуйте, Валентина Владимировна! – семиклассники поднимаются.

Другие учителя давно не требуют, чтобы школьники здоровались хором и вставали в начале урока – но Рыба ведет себя так, словно они по-прежнему первоклашки.

– Садитесь, – говорит она.

Марина садится и тут же снова утыкается в окно.

– Гляди, кто это? – слышит за спиной Лёвин шепот.

– Новенькая, что ли? – предполагает Гоша.

В самом деле – у доски рядом с Рыбой стоит худенькая девочка с двумя тощими, торчащими в стороны косичками. Школьная форма сидит на ней нескладно, в руке она держит портфель из магазина «Мир детей», в другой – матерчатый мешок со сменкой. Наверное, еще не знает, что мешок надо оставлять в раздевалке.

– Это – Вероника Логинова, – говорит Рыба, – она будет учиться в вашем классе. Садись, Вероника.

Вероника растеряно обводит глазами класс и идет к пустующей последней парте.

– Нет, не туда, – указывает Рыба. Новенькая вздрагивает и оборачивается. – На третью парту, к Петровой.

Новенькая подходит к Марининой парте и на мгновение замирает над соседним стулом: на нем по-прежнему лежит сумка.

– Извини, – тихим шепотом говорит она, и Марина ставит сумку на пол.

– Ты чем-то недовольна, Петрова? – спрашивает Рыба.

– Я счастлива, Валентина Владимировна, – не сдержавшись, отвечает Марина.

– Ну, тогда иди к доске, – говорит Рыба, – посмотрим, все ли ты забыла за лето.

Ну вот, думает Марина, интересно, будет слышно в соседнем классе, как она разорется, когда увидит мои джинсы?

2

Лёва любит приходить в класс раньше всех: тогда есть время немножко почитать перед уроком. Но сегодня дома Шурка копалась дольше обычного, Лёва даже накричал на нее – за что тут же получил от бабушки. Короче, пришлось идти кратчайшей дорогой – мимо «пятнашки». Шурка ныла и говорила, что боится, но Лёва уверенно соврал, что пятнашки второклассников не обижают, есть, мол, такой договор – драться только с четвертого класса.

– Джентельменское соглашение, – сказал он, – типа дуэльного кодекса у мушкетеров.

Про мушкетеров Лёва рассказывал Шурке весь прошлый год – так она быстрее шла в школу. Где-то в районе Нового года он спохватился, что скоро перескажет всю книжку, и стал сочинять новые приключения. Хотя мушкетеры жили задолго до Проведения Границ, Лёва напихал в свою версию романа армию мертвых гвардейцев, тингов, *ромерос* и *фульчи* – и в результате загнал сюжет в такой тупик, что с трудом вырулил к благополучному финалу, призвав на помощь мушкетерам мертвую Констанцию.

На самом деле Лёва подозревает, что у него получилось даже лучше, чем у Дюмаса. Он даже боится, что Шурка будет разочарована, когда сама прочтет «Четырех мушкетеров». Впрочем, по Лёвиным расчетам, сестра доберется до этой потрепанной книжки на его любимой полке только через пару лет – а к тому времени либо сама все забудет, либо Лёва убедит ее, что она что-то напутала.

С третьего по шестой класс Дюмас был любимым писателем Лёвы. Но этим летом он прочитал «Стеклянный кортик» и «Мальтийскую птицу» – и теперь бредил поиском сокровищ, запрятанных мертвыми во время Проведения Границ. В промежутках между рисованием вымышленных карт и размышлениями над картами настоящими Лёва перечитывал эти две великих книги, пытаясь перенять у героев их манеру говорить – коротко и веско.

Отведя Шурку на второй этаж, Лёва спешит в свой класс. Обычно он берет ключ в учительской – но сегодня его опередили. Лёва глядит на часы в коридоре (своих у него нет): вроде еще совсем рано. Интересно, кто сегодня первый? Если вдруг Гоша, не удастся спокойно почитать, а если Оля Ступина – ну и пусть, пошлю ее к черту, вот и все дела.

Нет, не Гоша и не Оля, а – вот уж не ожидал! – новенькая, Вероника. Сидит на третьей парте, сложила руки, смотрит перед собой.

– Привет, – говорит Лёва.

– Привет, – отвечает Вероника. Голос у нее тусклый, бесцветный, никакой.

В проходе стоит портфель – у Лёвы два года назад был такой же, пока тетя из Грачевска не прислала в подарок сумку (у ее Миши случайно оказалась лишняя).

– Меня зовут Лёва, – говорит он, доставая «Мальтийскую птицу».

– Меня – Ника, – говорит девочка и прибавляет: – Но лучше зови меня Вера.

– Хорошо, – кивает Лёва, открывая книжку. Он еще успевает удивиться: и почему Вера – лучше? Ведь Ника – красивое имя, редкое... Но тут же забывает обо всем – как всегда, когда перед ним лежит книга. В особенности «Мальтийская птица».

Сейчас он читает ту самую главу, где герои догадываются, что секрет птицы вовсе не в том, что она сделана из серебра. На самом деле под слоем краски – обычная бронза. Но почему же целая банда мертвых и их приспешников охотится за этой статуэткой?

Конечно, перечитывая книгу в пятый раз, Лёва хорошо помнит разгадку: в птице есть тайник, который открывается, если надавить ей на глаза. В тайнике – план, указывающий место, куда мертвые спрятали свои сокровища, пока Граница еще не сомкнулась на севере.

Как ни странно, в романе не рассказывается подробно, что это были за сокровища, – но в этом и нет нужды. Все знают: мертвые владели огромными богатствами, да и сейчас намного богаче живых. Мертвые вещи можно сразу распознать: они ярче, изящней и прочней, чем те,

что производят живые. Белые джинсы Марины. Ручка Гоши. Даже туфли Зиночки – математички Зинаиды Сергеевны, – в которых она пришла в прошлом году на День Проведения. В тот раз Рыба кричала даже громче, чем первого сентября на Марину, – и хотя дело происходило в учительской, вся школа узнала, что Зиночка посмела явиться на праздник – и не на какой-нибудь, а на День Проведения! – в мертвых туфлях.

Туфли в самом деле были очень красивые – Лёва, наверное, заметил их первым в классе.

У самого Лёвы никогда не было мертвых вещей. Когда-то он спросил маму почему, и мама сказала, что мертвые вещи бывают либо у тех, кто работает с мертвыми – у *экзорсистов*, ученых шаманов, могильщиков, *орфеев* и прочих сотрудников Министерства по делам Заграничья, – либо у тех, кто нашел клад или унаследовал мертвые вещи еще с дограничных времен. Сейчас Лёва, конечно, знает: мертвые вещи можно просто купить. В магазинах, правда, их почти нельзя поймать, да и стоят они так дорого, что с небольшой учительской зарплаты Лёвины родители могли бы купить разве что пластинку жевательной смолы – типа той, что однажды дал пожевать Гоша.

Пластинка была ярко-зеленая (как многие мертвые вещи) и пахла летом. Гоша разломил ее надвое, и они долго и сосредоточено жевали. Потом Гоша сказал: бывают такие специальные пластинки, пожуешь – и станешь зомби. И Лёва стал шевелить руками, как зомби в фильмах про войну, и они ржали без остановки целых полчаса, а потом всё обсуждали: может, это была специальная «ржачная» смола?

Если бы мама и папа узнали об этом, они были бы недовольны. Ну, наказывать не стали бы, но отругали бы точно. Мама всегда говорила, что терпеть не может, когда в школу носят мертвые вещи. Ладно взрослые – им мертвые вещи иногда нужны по работе, – а вот детям они точно ни к чему.

Лёва когда-то все хотел спросить, откуда берутся детские мертвые вещи, например, игрушки или та же смола, – но сейчас он думает: мама не любит вещи вообще – неважно, живые или мертвые. Недаром одно из самых страшных ругательств для нее – *вещист*, человек, который ставит вещи выше книг, музыки и прочего искусства.

Лёва согласен с мамой: книги, конечно, лучше любых вещей. Но ему все-таки хочется добыть себе что-нибудь мертвое, красивое. Как Маринины белые джинсы.

Может быть, поэтому ему так нравится читать «Стеклянный кортик» и «Мальтийскую птицу» – книги, где такие же дети, как он сам, находят дограничные сокровища.

Класс постепенно наполняется. Цокая каблучками, подходит староста Оля.

– Привет, Рыжий, – говорит она, – все читаешь?

– Угу, – отвечает Лёва.

Он не любит Олю. Если честно, ее вообще мало кто любит, кроме двух-трех подружек-вредин и Рыбы, которая еще в четвертом классе предложила сделать Олю старостой. Кажется, даже Павел Васильевич, их классный, был от этого не в восторге, но каждый год повторялось одно и то же: Рыба приходила, предлагала Олю, весь класс дружно голосовал. Только в прошлом сентябре Гоша вдруг спросил: а мы можем выдвинуть другую кандидатуру? Лёва тогда замер от неожиданности – даже он не ожидал такого от своего друга. Рыба, однако, не растерялась, усмехнулась и спросила: *Ты, что ли, Ламбаев, хочешь? Тройку по химии исправь сначала!* – и Оля снова стала старостой.

Может, в этом году предложить Марину, неожиданно думает Лёва. Она, конечно, не отличница, но троек у нее нет. Уж точно будет лучше, чем Оля. Отличная идея!

Лёва отрывается от «Мальтийской птицы» и, подняв голову, видит Олю, стоящую рядом с новенькой девочкой, сидящей все так же неподвижно, скрестив перед собой руки.

– А я знаю, ты раньше в «пятнашке» была, – говорит Оля.

– Да, правда, – тихо говорит новенькая, – меня тетя туда отдала.

– Говорят, ты там хуже всех училась? – громко говорит Оля.

Ну, это вряд ли, думает Лёва. Хуже всех в «пятнашке» учится – это надо постараться. Пятнашки – они тупые, всем известно.

– Нет, у меня пятерки почти по всем предметам были, – говорит новенькая.

– А правда, тебя там звали Ника-Кика? – все так же громко говорит Оля.

– Да, – отвечает девочка, и Лёве кажется, будто у нее чуть дрожит голос.

Что же Оля все-таки за сволочь, думает Лёва, чего к новенькой привязалась? Мало ли как кого дразнили! Лёва-корова, Лёва-рёва подумаешь! И тут он понимает, почему девочка просила звать ее Верой.

Если бы Оля была мальчишкой, можно было бы встать и двинуть ей как следует! Лёва, правда, не мастак драться, ну, по такому случаю он бы попробовал. Но бить девочек как-то нехорошо, это и папа говорил, и во всех книжках написано. Значит, бить нельзя – надо что-то сказать, что-то такое резкое, краткое, весомое, как умеют герои «Мальтийской птицы».

Но, как назло, ничего краткого и весомого Лёве на ум не приходит. Поэтому Оля идет к своей парте, Ника остается сидеть неподвижно, а Лёва возвращается к поиску сокровищ.

По дороге домой Лёва снова вспоминает утреннюю сцену. Надо было сказать Оле: *Отстань от нее!* – вот, было бы коротко и весомо. Или: *Чего привязалась?* – тоже хорошо.

Черт, всегда самые удачные слова приходят в голову, когда уже поздно. Ну, ничего, еще раз Оля к новенькой полезет – он ей задаст!

Лёва открывает дверь ключом, который висит у него на резинке – чтобы не потерять. Родители придут только вечером, а Шурка уже час как должна быть дома. Интересно, она разогрела себе обед или, как обычно, ждет старшего брата?

– Шурка! – зовет он сестру.

Из маленькой комнаты доносится тихий всхлип.

– Это еще что такое? – солидно говорит Лёва.

Шурка сидит на полу, перед ней лежит сонная Мина, спрятав под панцирь лапы и голову. Шурка шмыгает курносый носом.

– Что случилось? – спрашивает Лёва.

И тут Шурка начинает рыдать, всхлипывать, бормотать бессвязно, слезы текут по круглым щекам, припухшие губы жалобно дрожат. Лёва приносит ей с кухни воды и, когда Шурка успокаивается, снова спрашивает, что случилось, – и все начинается сначала. Только с третьей попытки Лёве удастся понять, что Шурка пошла домой мимо «пятнашки»: *Ведь ты сам сказал: второклассники не дерутся.* Но к ней пристали взрослые ребята, выкинули сменку из мешка, напихали туда листьев, попытались надеть на голову – и все время смеялись, и дразнились, и говорили, что в Шуркиной школе только слабаки учатся, а когда Шурка сказала, что у нее есть страшный брат и он их побьет, они стали смеяться еще больше и сказали, что знают ее старшего брата – рыжий очкарик, слабак и трус, он даже побоится к ним близко подойти, и правильно сделает, потому что если сюда придет, они ему ого-го как накостыляют, – и все это Шурка говорит, не прекращая всхлипывать и шмыгать носом, а Лёва почему-то вспоминает Нику, как она неподвижно сидит, сложив руки, глядя перед собой, вспоминает, как задрожал голос, когда она ответила Оле «да», и Лёва думает, что, наверное, пятнашки правы, он в самом деле трус и слабак, потому что никогда ни во что не вмешивается, только книжки читает, и ни мушкетеры, ни герои «Мальтийской птицы» не подали бы ему руки. И тогда Лёва обнимает сестру и говорит: *Дураки они все, Шурка, ну их на фиг,* а она всхлипывает и спрашивает: *Ты их побьешь, правда?* И Лёва отвечает: *Побью, конечно!* – и вдруг понимает, что это правда, что на этот раз так и будет – он пойдет к спортшколе, вызовет на бой их главаря и набьет ему морду: за плачущую Шурку, за испоганенный мешок со сменкой, за всех детей, которые боятся ходить мимо «пятнашки».

И еще – за новенькую Нику, за дурацкое прозвище, дрожащий голос, неподвижный взгляд. За то, что он промолчал сегодня утром.

3

– Двадцать три, – считает Гоша, – двадцать четыре, двадцать пять...

Гоша подтягивается каждый раз по дороге во Дворец Звездочек. Еще в прошлом году он заметил эту яблоню с низко нависающими ветвями. Сначала он просто подпрыгивал и касался пальцами шершавой коры – а за лето вытянулся и уже легко мог в прыжке уцепиться за ветку. Подтянуться дальше было делом техники. Иногда получалось двадцать раз, иногда – двадцать три, сегодня вот – двадцать пять. Если честно, Гоше все равно сколько: прыгать, подтягиваться, бегать и драться для него так же просто и естественно, как для Лёвы – читать книжки, а для Марины – разбрасывать носком туфли красные осенние листья.

Книжкам Гоша предпочитает кино. Лучше всего – про войну, типа «Неуловимого». Здоровское кино! А главную роль там играет Илья, Гошин двоюродный брат. Гоша гордится этим, но никому не рассказывает: не хочет, чтобы все называли его братом того самого Яшки, который *эй, пацан, покажи класс*.

«Эй, пацан, покажи класс!» – коронная фраза из «Неуловимого», ее все знают, даже кричат во время драки, когда своих подбадривают.

Да, фильмы про войну хорошие, но еще лучше – про драки, про технику *об-гру*, специально разработанную после Проведения Границ для отражения атак мертвых. Об-гру означает «оборона голыми руками», и настоящий мастер об-гру может один справиться с целым отрядом вооруженных мертвецов, не говоря уже о каких-нибудь зомби, тингах или фульчи, которых в об-гру-фильмах герои расшвыривают во все стороны десятками.

Два года Гоша занимается об-гру во Дворце Звездочек, даже заработал себе двойной серебряный браслет – так называется третья ступень обучения. На самом деле это не совсем браслет, просто две переплетенных серебряных нити, которые можно носить на запястье. Однажды Рыба увидела у него эти нити и устроила страшный скандал: она кричала, что на самом деле об-гру – это мертвая техника, что ее нельзя адаптировать для живых, что она не позволит в ее школе носить всякие мертвые браслеты! Гоша попытался заикнуться про Дворец Звездочек, но в ответ услышал, что во Дворце Звездочек он может делать что угодно, хоть из окна прыгать, а в школе должен вести себя как положено. Сегодня мальчики начнут носить браслеты, а завтра девочки явятся в сережках и бусах!

Вот ведь глупость! В других школах старшеклассники давно уже ходят с сережками, а Рыба все вылавливает в коридорах девчонок и требует показать уши: есть дырка или нет.

– С чего она взяла, что об-гру – мертвая техника? – спросил он тогда Лёву, своего друга и соседа по парте.

– Ну, на самом деле мертвая техника только положена в основу об-гру, – объяснил Лёва, – точнее, какая-то техника из Восточного Заграничья. А еще говорят, мастера об-гру верхних ступеней используют специальную практику: перед началом боя представляют, что они – мертвые. И поэтому, мол, они сражаются бесстрашно.

– По-моему, это бред какой-то, – сказал Гоша, – я об этом никогда не слышал. И, кстати, с чего это взяли, что мертвые сражаются бесстрашно? То-то они в войну от нас драпали – только пятки сверкали!

Гоша сам себе удивился: как это он полез спорить с Лёвой? Обычно он во всем с ним соглашается – еще бы, Лёва столько книг прочел, столько всего знает! Но все-таки назвать об-гру мертвой техникой – это полная чушь.

Если и есть в этом мире что-то безусловно и однозначно живое, так это об-гру. Гоша в этом полностью уверен.

На счете двадцать пять он прыгает на землю, хватая сумку, лежащую в побуревших за последнюю неделю листьях, и бежит в сторону Дворца Звездочек – сегодня соревнование, он боится опоздать.

Гоша вбегает в просторный вестибюль Дворца. Старушка-вахтерша поднимает глаза от вязания и видит, как невысокий коренастый мальчик передает в гардероб куртку. Взяв номерок, Гоша бежит на второй этаж, к раздевалкам спортивных секций. Опаздывает, наверное, думает вахтерша и снова начинает считать петли.

Она не знает, что сегодня районные соревнования по об-гру: во Дворце более пятидесяти спортивных секций, попробуй уследи за всеми!

Гоша обожает соревнования, всю жизнь обожал.

В первом классе он устроил турнир класса по плевкам жеваной промокашкой через трубочку – на дальность и кучность. Турнир проходил на большой перемене, и когда Татьяна Михайловна вернулась в класс, вся доска была покрыта прилипшими комками бумаги. На вопрос «кто это сделал?» Гоша вскочил самым первым. Потом поднялось полкласса, но в школу вызвали именно его родителей: уж больно довольное было у Гоши лицо, когда он крикнул: *Я!* Только через пару лет Гоша сознался маме: он был уверен, учительница спрашивает, кто победил, – и вскочил за заслуженной наградой.

Весной третьего класса Гоша придумал состязание брызгалок: надо было из окна второго этажа попасть в установленную во дворе мишень. Мишенью был Гошин собственный портфель, а победителем стал Лёва – первый и последний раз за всю историю школьных состязаний: он сообразил, что дальность и сила струи зависят от диаметра дырочки в брызгалке больше, чем от силы нажатия. Правда, приза победителю, как всегда, не полагалось – наоборот, по итогам соревнования Лёва отдал Гоше два учебника взамен вымокших.

– Все равно я их уже наизусть знаю, – сказал он.

В первом туре против Гоши выступает невысокий светловолосый мальчик. Гоша легко парирует несколько первых ударов и переходит в контрнаступление. В прыжке пяткой толкает соперника в грудь, приземлившись, проводит подсечку. Противник падает, но, едва коснувшись лопатками набивного мата, тут же вскакивает. Гоша отбивает еще несколько ударов, уклоняется в сторону и, схватив соперника за отворот белой хлопковой формы, бросает через бедро.

Гоша слышит крики зрителей. Судья останавливает поединок и поднимает вверх его руку. Вот и хорошо: значит, во второй тур он уже прошел.

В раздевалке Гоша наливает из бесплатного автомата стакан шипучей газировки. Пузырьки щекочат ноздри. Гоша задерживает дыхание и считает про себе до двадцати.

На самом деле он не слишком волнуется – это не серьезный турнир, так, районное соревнование. Когда папа спросил его утром, надо ли прийти поболеть за него, Гоша только головой помотал: пусть работает. Если бы мама была в городе, она бы, наверное, все равно пришла – но мама сейчас в экспедиции, вернется только на той неделе. Так что сегодня у Гоши даже нет собственных болельщиков – если, конечно, не считать других ребят из его секции.

Судья объявляет состав пар второго тура. Гоша хмурится: ему досталась какая-то Лёля Остапенко.

Девчонка.

Соревноваться с девчонками у Гоши всегда выходило плохо.

Два года назад они поспорили с Мариной, кто быстрее съедет по перилам с пятого этажа. Результатом стало самое скандальное состязание, в каком Гоша когда-либо принимал участие.

Схему соревнований разработал Лёва: стартовать по единому сигналу – школьному звонку, по двое наблюдателей на площадках пятого этажа, еще двое карулят на первом. Наблю-

датели кричат, как только ноги участника коснутся пола на первом этаже. Пятая группа наблюдателей располагается в центре раздевалки – они-то и должны определить победителя, зафиксировав, с какой стороны раздастся первый крик.

Лёва также предложил провести заезд во время урока, когда на трассе – то есть на лестнице – не будет посторонних. Две недели ждали подходящего случая, потом заболела математичка Зиночка, и в расписании образовалось «окно». Через пятнадцать минут после начала урока Лёва закоротил провода – зазвенел звонок. Соперники заскользили вниз, и на площадке третьего этажа Гоша влетел ногами прямо в грудь Дмитрия Даниловича, злобного географа, вышедшего из класса, чтобы узнать, что случилось со звонками. Дмитрий Данилович, – или Дэдэ, как зовут его ребята, – мужчина низкорослый и легкий, а Гоша уже успел разогнаться... в общем, удар сбил географа с ног, словно Гоша провел прием об-гру.

Разумеется, через пять минут Рыба кричала, что исключит Гошу из школы, но еще через пять в ее кабинет влетела Марина. Она сказала, что именно ей принадлежит идея соревнований, да заодно и вся их организация. Марину почему-то все еще считали пай-девочкой, к тому же «дочкой таких родителей!» – и скандал как-то сам по себе утих, а гонки на перилах стали одной из школьных легенд.

А вот продолжение истории известно куда меньше: через неделю Лёва, Гоша и Марина поздно вечером проникли в школу и довели соревнования до конца. На этот раз обошлись без наблюдателей на старте, а финиш был перенесен в центр раздевалки, где сидел Лёва.

Победительницей принято считать Марину, хотя Гоша утверждает, что выиграла она только на финальном этапе – в спринтерском забеге по коридору первого этажа.

Так или иначе, в результате Марина заполучила одного верного друга и двух недоброжелателей – Рыбу и географа, а Гоша хмурился каждый раз, когда его соперницей оказывалась девчонка.

На этот раз – пятнадцатилетняя Лёля Остапенко.

Черноволосая, коротко стриженная. Выше Гоши на полголовы. Двигается легко, словно танцует. Да, в самом деле – серьезный противник.

Едва касаясь ногами мата, Гоша приплясывает вокруг Лёли. Девочка выжидает, словно приглашая атаковать.

Гоша кричит – хэ! – и наносит удар. Выпад, еще выпад! Раз за разом Лёля отбивает Гошины атаки. Мальчик не успевает опомниться, как она переходит в контрнаступление. Гоша пытается закрыться и уже через полминуты уходит в глухую оборону.

Девочка отскакивает назад, словно хочет перевести дыхание. Гоша атакует – хэ! – и тут же пропускает удар левой ногой с разворота. Падает на одно колено, едва успевает парировать следующий выпад, но следующий Лёлин удар сбивает его с ног.

Свисток судьи. Поединок окончен.

Да, не везет Гоше с девчонками!

Через два часа Гоша с другими ребятами штурмом берет гардероб. Получив куртку, замечает Лёлю: девочка вылетела в четвертьфинале, а сейчас сидит на соседней банкетке, шнурует высокие ботинки. На ней – черная куртка с серебряными молниями и расколотыми сердцами. *Ух ты!* – думает Гоша, она, значит, смертница.

Смертники появились несколько лет назад. Они носят черную одежду, украшенную контрастными серебряными рисунками, многие прокалывают себе уши и даже носы. Говорят, что смертники хотят быть мертвыми – одеваться как мертвые, слушать мертвую музыку, смотреть мертвое кино и вообще – жить как мертвые. В газетах пишут: все это – результат мертвой пропаганды, следствие спецопераций мертвых спецслужб. Рыба называет смертников предателями, но Гоша думает, что, если бы смертники были предателями, их бы давно арестовали.

Хотя все-таки странное желание – быть мертвым.

Впрочем, мертвое кино Гоше тоже нравится, чего уж там.

До сегодняшнего дня Гоша ни разу не видел смертников – вот он и смотрит на Лёлю во все глаза. Девочка поднимает голову и встречается с ним взглядом.

– Привет, – говорит Гоша. – Здорово ты меня!

Лёля фыркает, перекидывает через плечо черную сумку с об-грушной формой и направляется к выходу. Старушка-вахтерша смотрит на нее осуждающе.

Девочка проходит совсем близко, и Гоша видит: в правом ухе у нее целых пять сережек – серебряные колечки, одно над другим, и каждое следующее меньше предыдущего.

Ух ты, думает он. А вот в нашей школе недолго бы она с такой красотой проходила!

4

Доска покрыта треугольниками и кругами. Зиночка тянется на цыпочках, ищет свободное место, не находит, берет влажную губку и быстрыми движениями стирает несколько чертежей.

– Теперь докажем следующую лемму... – говорит она.

Зиночка – самая молодая учительница в школе, всего три года после института. Поэтому изо всех сил старается выглядеть взрослой и солидной – а получается не очень. Туфельки на каблучках, полосатая кофточка, худые ручки – одним словом, Зиночка, какая уж тут Зинаида Сергеевна!

Сквозь выпуклые стекла очков Лёва смотрит на белые линии на черной доске. Круги, треугольники, формулы. Косой луч осеннего солнца чертит на парте свои прямые и углы. Лёва грызет кончик шариковой ручки. Значит, докажем вот эту лемму...

Когда Зиночка предложила остаться после уроков – подготовиться к Олимпиаде по математике, – вызвались только Лёва с Никой. Гоша спешил на тренировку по об-гру, да и вообще не слишком любит математику. Марина, конечно, могла бы составить Лёве компанию, но сегодня у нее какие-то свои дела.

И вот они в классе вдвоем: Лёва, Ника и Зиночка. Перед началом занятий Зиночка подошла к Нике, что-то сказала шепотом. Лёва только расслышал: ...понимаю, как тебе трудно... и... всегда можешь поговорить со мной... Про что это Зиночка? Про Олю, что ли?

Ника сидит на своем обычном месте, а Лёва пересел на первую парту. Ему кажется, он затылком чувствует внимательный взгляд девочки – хотя на самом деле Ника тоже смотрит на доску.

Белые круги, треугольники, формулы.

Плоский мир планиметрии – очень понятный мир. Из аксиом рождаются теоремы. С помощью простой логики из нескольких очевидных предположений можно получить бесконечное множество истинных утверждений, узнать правду о треугольниках, квадратах и кругах. Здесь можно найти ответы на любые вопросы – если быть внимательным и терпеливым.

В жизни – всё не так. Никакая формула не поможет Лёве узнать, кто из пятнашек обидел Шурку. Никакие логические цепочки причин и следствий не подскажут, как он может отомстить за сестру. Линии и точки, буквы и цифры – тут они бессильны.

Приоткрывается дверь, на секунду появляется взлохмаченная голова с большими залысинами. Это Дэдэ, коротышка географ.

– А, Зиночка, вы заняты... – говорит он.

– Нет-нет, – отвечает Зиночка, – я сейчас. Подумайте пока над этой задачей, – и, кивнув Нике и Лёве, быстро выходит из класса.

Лёва поворачивается к девочке.

– Знаешь, как решать?

– Мне кажется, если провести медианы, то станет понятней, – отвечает Ника.

– Почему это? – и Лёва, взяв тетрадку, пересаживается на Маринино место у окна.

Обычно Лёва видит только согнутую Никину спину – теперь смотрит на нее сбоку. Она совсем некрасивая: крупный нос, алые пятна на щеках, две тонкие косички торчат в разные стороны.

– Вот, посмотри. Очевидно: эти два треугольника подобны... – говорит Ника и тычет в листок пальцем с обкусанными ногтями.

Лёва вспомнил, как несколько дней назад на перемене Оля и ее подруги стали напротив Ники и, передразнивая, начали делать вид, будто грызут ногти. Они мерзко хихикали и, куда бы Ника ни шла, догоняли и преграждали ей дорогу. В конце концов Ника убежала, разрыдавшись. Какая все-таки гадина эта Оля, и как все-таки стыдно, что он никак не может защитить Нику.

А что он может сделать? Мальчишки никогда не лезут в девчоночьи дела. Вот Марина могла бы вступить за Нику – но она не обращает на новенькую никакого внимания. Наверное, злится, что их посадили вместе.

Следы на песке повторяют очертание тела полоза, да и сухая коряга похожа на змею. Лёва прижимается лбом к теплomu стеклу террариума.

– Всегда хотел, чтобы у меня была змея, – говорит он.

– Ну, черепаха тоже пресмыкающееся, – отвечает Ника.

После занятий у Зиночки они вышли из школы вместе. Нике надо было зайти в зоомагазин – купить мотыля для рыбок. Лёва тут же вспомнил: он давно собирался купить Мине новый корм. И вот уже полчаса они переходят от клетки к клетке.

В одной лежит старый кот – кажется, вообще не шевелится, но иногда то приоткроет один глаз, то вытянет лапу, выпустит когти. Что он, такой старый, делает в зоомагазине?

– По-моему, похож на Павла Сергеевича, – говорит Лёва, – тоже старый, заслуженный, с боевым прошлым.

– А Павел Сергеевич воевал? – спрашивает Ника.

– Конечно, – отвечает Лёва. – В октябре, на День Победы, он всегда рассказывает. Про зомби, про то, как Границу проходили. Ну, сама услышишь. Он клево рассказывает.

– У меня тетя воевала, – говорит Ника, – про войну я наслушалась. Серебряные пули, стрелять прямо в голову... ну и так далее.

– Ага, – кивает Лёва, – как в фильме «Веревка для колокола».

Светло-серый сурикат стоит над песчаной норкой, неподвижно, как столбик. Только глазки бегают и подрагивают лапки.

– Похож на географа, – говорит Лёва.

– По-моему, географ противней, – отвечает Ника.

– Не то слово, – кивает Лёва. – На уроках – это еще полбеда! А в походах, говорят, он совсем зверствует.

– Это как?

– Ну, гоняет самыми сложными маршрутами, самыми бессмысленными. Там даже нет ничего интересного – ни красот, ни исторических памятников. Просто чтобы поиздеваться.

– Может, он ищет что-то? – спрашивает Ника.

– Что ищет? – смотрит на девочку Лёва. – Мертвые клады?

– Мертвые клады там, где привидения, – уверенно говорит Ника. – В старых домах, на заброшенных шахтах. Он лазает по заброшенным шахтам?

– Вроде бы нет, – отвечает Лёва, – и по старым домам тоже. Да и нет сейчас никаких привидений!

– У меня рядом со старой школой заколоченный дом есть, – говорит Ника, – всем известно, что там привидения.

– Врешь!

– Не вру! Девчонки туда лазали и видели – говорят, прям как в кино! Такое белесое облачко...

– Как в кино, ага, – говорит Лёва, – скажешь тоже!

– Не хочешь – не верь, – обижается Ника.

– Ладно тебе, – говорит Лёва. Он уже жалеет, что не согласился с Никой сразу, но теперь поздно переигрывать. Поэтому он продолжает: – Слушай, а может, ДэдЭ – шпион? И у него есть места, где он должен передать секретную информацию... ну, про оружие или еще про что-нибудь. Там его ждут мертвые резиденты – и он идет туда походом, чтобы не привлекать внимание!

– А зачем ему при этом столько школьников? Почему бы ему просто не пойти в поход одному?

– А может, дети нужны, чтобы открывать какие-то проходы... типа как ключи от дверей. Мы же ничего не знаем о том, как проходить через Границу, даже Маринкин папа не знает. Это строго секретная информация.

– Ты думаешь, он расставляет детей каким-то специальным образом и от этого открывается проход через Границу?

– Не знаю, – задумчиво говорит Лёва. – Но представь – он в самом деле шпион, а мы его разоблачим? Вот будет клево! Как в «Стеклянном кортике»!

В осенних сумерках ярко сияют белые линии на асфальте. Черный ботинок Ники перекрывает меловую прямую, задевает ножку цифры четыре. Лёва ставит ногу на семерку. После Зиночкиных занятий расчерченные на мостовой «классики» кажутся продолжением математических задач.

– Слушай, – говорит Лёва, – ты не обращай на Олю внимания. Не парься. Она всех цепляет, да и вообще – страшная гадина.

Ника молчит. Идет рядом, в правой руке – портфель и мешок со сменкой.

Наверное, не надо было говорить про Олю, думает Лёва. Может, Нике неприятно вспоминать. И так они достают ее каждую перемену.

– Я хотел, чтобы Марина была старостой, – говорит Лёва, – но она отказалась. Сказала: *ломает*.

– А что, Марина лучше, что ли? – спрашивает Ника.

– Конечно, – говорит Лёва, – Марина клевая... ну, умная, и вообще...

Несколько лет назад Лёва думал, будто влюблен в Марину. Впрочем, общались они так же, как и раньше: иногда втроем с Гошей шли из школы, иногда Лёва звонил Марине узнать уроки, пару раз бывал у нее в гостях – вот, собственно, и всё. Одно время думал нарисовать у себя на сумке сердце и написать «Марина», но как-то забыл об этом. А потом влюбился в девочку из соседнего подъезда – а с Мариной просто дружил.

– Мы с Гошей с ней дружим, – говорит Лёва.

– А ты дружишь с Гошей? – с интересом спрашивает Ника.

Ей нравится Гоша, догадывается Лёва, вот оно в чем дело! Ну да, он сильный, девочкам такие нравятся. Недаром папа все говорит, что надо заниматься спортом. Ника, наверное, поэтому со мной и пошла, про Гошу расспросить.

Настроение сразу портится. Почему-то Лёва вспоминает Мину – старую мудрую черепаху. Некрасивую и никому не нужную.

– Ну да, дружу, – говорит он.

Они как раз дошли до подъезда Никиного дома. Девочка открывает дверь, Лёва уже собирается сказать «ну, пока» – и тут Ника спрашивает:

– Зайдешь?

– Когда-то они были разноцветные, но потом все стали вот такие, одинаковые. Ну, понимаешь, внутривидовое скрещивание.

Лёва кивает. Они стоят в комнате Ники у небольшого, литров на тридцать, аквариума. Серые, неотличимые друг от друга рыбки плавают туда-сюда в мутноватой воде.

– Они мне нравятся, – говорит Ника. – Они молчаливые. И взаимозаменяемые: если одна умрет, а другая на ее место родится, даже не заметно будет. А еще их не жалко.

Почему-то Лёва чувствует неловкость. Хочет спросить: зачем заводить домашних животных, если не любишь их? Вот Мина – если она умрет, он будет переживать. И мама с папой будут, не говоря уже о бабушке. А как Шурка будет плакать – страшно представить. К счастью, черепашки живут долго.

– А ты раньше в «пятнашке» училась? – спрашивает он, чтобы сменить тему.

– Да, меня тетя туда отдала, – говорит Ника, – сказала, мне надо заниматься спортом. Правда, спортсменка из меня не получилась, это точно.

– Ты потому оттуда и ушла?

– Ну, не только, – Ника по-прежнему смотрит на рыбок. – Ты вот говорил, чтобы я на девчонок наплевала, не парилась, – так я привычная. Знаешь, как в «пятнашке» меня травили? То в мешок со сменкой напихают грязи, то портфель в туалете в бачок засунут...

– У меня две недели назад сестру младшую побили, – говорит Лёва, – ну, когда она мимо «пятнашки» проходила.

– Это Вадик, наверное, – говорит Ника, – он всегда заводи́ла в таких делах: подстеречь кого-нибудь и ребят натравить. Однажды он мне клея на стул налил, чтобы я приклеилась.

– И что?

– Ну, юбку пришлось выбросить. Тетя страшно ругалась.

– А родители твои в школу не пошли после такого?

Ника постукивает пальцами по стеклу аквариума. Серые рыбки одна за другой проплывают сквозь ее отражение.

– Не пошли, – говорит она, – их нет. Погибли в аварии в прошлом году.

Лёва замирает. Как же так? Никины родители – мертвые?

Нет, конечно, он всегда понимал: мертвые – это бывшие живые, чьи-то друзья, бабушки или дедушки... Но вот недавно ты знал этих людей, твоих маму и папу, любил их, они любили тебя, а теперь – они мертвые, по ту сторону Границы, и вместе с другими мертвецами угрожают живым... Нет, невозможно!

– Ты только не говори об этом никому, хорошо? – просит Ника. – А то, знаешь, думают, что если у меня родители – мертвые, то я какая-нибудь смертница или даже хуже.

Мертвые родители... Он попытался представить мертвых – таких, какими их показывают в кино, но только с лицами мамы и папы... нет, невозможно, нет, нет...

– Дай мне слово, самое-самое страшное слово, – говорит Ника и поворачивается к Лёве: – Жизнь родителей поклянись, что никому не скажешь.

– Клянусь, – говорит Лёва, – жизнью родителей, да.

Как хорошо, что они еще живые, думает он, как хорошо.

5

За стеклом белый снег падает на черные деревья. Несколько снежинок ложатся на оконный откос – и Марине кажется: она видит, как они медленно тают, превращаясь в едва заметные мокрые пятнышки.

Первый октябрьский снег, обещание долгой зимы. Но все равно еще рано доставать лыжи, не пришло время снежных крепостей, скольжения по льду замерзших прудов, упругих снежков, летящих в лица врагов и в вечерние окна друзей: эй, выходи, давай играть! Марина

знает: снег не раз растает и снова выпадет, и только потом – зима, мороз, елки сверкают на улицах, на ветках – гирлянды и шары, на верхушке – серебряная звезда, заключенная в круг.

Но это еще не скоро. А сейчас остается смотреть в окно и гадать: дождется ли первый снег конца уроков или сгинет, едва коснувшись земли, как снежинка на откосе окна?

– А Марина Петрова, я вижу, все смотрит в окно, – говорит Дэдэ. – Наверное, она лучше учителя знает тему сегодняшнего урока, не так ли, Петрова?

После той давней истории с катанием по перилам Дэдэ использует любой повод, чтобы прицепиться. Вот теперь нельзя в окно смотреть, здрастье пожалуйста!

– Нет, – отвечает Марина, – я не знаю темы сегодняшнего урока. Но вы же все равно на доске не пишете, так что я могу и в окно смотреть.

– Хорошо, – говорит географ, – раз я не пишу на доске, то я попрошу кого-нибудь выйти и написать нам, например... пять основных характеристик нечерноземных почв. Это будет... – запустив пальцы в разлохмаченные волосы, он наклоняется над журналом, – это будет...

Класс замирает: никто не знает пяти основных характеристик.

– А, вот Петрова пусть и будет!

Марина поднимается и краем глаза видит, как Ника, раскрыв учебник, показывает обкусанным ногтем нужный абзац. Марина гордо вздергивает голову – все равно не успеет прочесть – и идет к доске. Еще не хватало ей подачек от Ники! Мало того, что Марина из-за нее лишилась соседнего свободного места, так теперь еще и Лёва чуть что начинает: а вот Ника сказала... Ника считает...

Правда, Лёва рассказывает о Нике только Марине с Гошей – конечно, они друзья, дразниться не будут. А остальные, небось, поднимут на смех. Еще бы: самый умный мальчик – а дружит с дурочкой из «пятнашки»!

Пятнашки – дураки, это все знают.

Марина стоит у доски. Хорошо, три из пяти характеристик она помнит, а вот две других придется сочинить. Но меньше тройки по-любому не поставят – ну и достаточно.

Дома на Маринины тройки давно махнули рукой. Мама знает: все равно за четверть выйдут одни четверки, которых как раз и не бывает среди отметок за урок – там сплошь тройки да пятёрки. Три плюс пять будет восемь. Делить на два. Вот вам и среднее арифметическое.

Конечно, Марина может учиться лучше – но зачем? И без этого в жизни столько интересного! Чем учить скучные уроки, лучше гонять на велосипедах с Гошей или обсуждать с Лёвой, будет ли продолжение у «Мальтийской птицы» и правда ли Дэдэ – шпион мертвых.

Марина считает – нет, не правда, а Лёва убеждает, что очень даже может быть, потому что, во-первых, Дэдэ вредный, во-вторых, непонятно зачем ходит в какие-то дурацкие походы, а в-третьих, в школах всегда бывают шпионы – какой угодно фильм посмотри!

Гоша по обыкновению говорит свое: *Ух ты!* – а Марина спорит: мол, если бы географ был шпионом, его давно бы уже поймали. И вообще – с мертвыми сейчас мир, шпионы только в кино и остались.

О мертвых Марина знает больше всех в классе. Все-таки ее папа время от времени бывает на приемах в Министерстве по делам Заграницья, встречается с мертвыми послами, заключает какие-то торговые сделки – покупает мертвую технику или мертвую одежду, те самые вещи, которые потом не найдешь в магазинах, только у знакомых или на «черном рынке». Марина сто раз просила папу достать ей мертвый плеер – живые плееры, которые продаются в магазинах, то и дело ломаются и жуют пленку – но папа категорически отказывался. Мама объяснила: мертвые все время предлагают ему подарки, чтобы он заключил договор именно с ними, на их условиях. Но подарки эти брать нельзя: если узнают, в лучшем случае выгонят с работы.

Так что Марине приходится ограничиваться редкими папиными рассказами о мертвых. Он говорит, мертвые вовсе не похожи на то, как их показывают в кино, – по крайней мере, те мертвые, с которыми знаком папа. Они хорошо одеты, белокожи, носят, как правило, черные

очки и смокинг, да и вообще всем похожи на живых людей, разве что действительно не любят солнце. Вот деловые встречи и проходят по ночам, а утром папа отсыпается, так что Марина видит его только по выходным.

Само собой, папе не до Марининых троек, тем более по географии. Зато по мертвым языкам у нее всегда пятерки – и это папа ценит. Недаром когда-то хотел отдать ее в языковую спецшколу.

Марина выходит на улицу. Надо же, снег еще не растаял! Смеясь, она бросает снежок в Гошу, кричит:

– Откроем сезон?

– Ага, – и, бросив сумку, Гоша хватается пригоршню снега.

Лёва уже куда-то убежал, так быстро, что Марина даже удивилась.

– Что это с ним? – спросила она Гошу.

– Может, он Нику пошел провожать?

– Ника-Кика, – зло ответила Марина. – Не дружит он больше с нами, я правильно поняла?

– Почему не дружит? – пожал плечами Гоша, – можно же дружить и с ней, и с нами?

– Как-то раньше без нее обходились, – сказала Марина, – и ничего.

В раздевалке она рассказывала Гоше мертвый фильм, который когда-то видел дядя Коля и потом пересказал ей. Это был фильм про мертвое об-гру, только оно называлось как-то по-другому. Действие происходило в специальной школе-монастыре, и главного героя приходили учить тонкостям боевой техники четыре призрака.

Вообще, в мертвых фильмах всегда довольно много призраков – что, конечно, неудивительно. Призраки – они ведь тоже мертвые, но только перешедшие Границу.

Тут Марина всегда путалась, а папу спросить стеснялась. Мертвые, с которыми общались папа и дядя Коля, призраками не были, это точно. Не были они, разумеется, и боевыми зомби: лишенными разума мертвыми, брошенными на прорыв Границы. Получалось, не все мертвые, пересекшие Границу, становятся призраками. Хочется разобраться, но в книгах ничего не пишут, а папу спросить Марина не решается. Можно еще поговорить с Павлом Васильевичем, но тут надо выждать момент, когда он начнет вспоминать войну. Вот тут и надо спрашивать.

Гошин снежок попадает Марине прямо в нос. Становится мокро и смешно.

– Ну, берегись! – кричит она. – Не уйдешь!

– Ну чего, до первой крови? – говорит Лёва.

Вадик толкает его в грудь:

– Ты, Рыжий, самый борзый, что ли, да?

– Сам ты борзый.

Традиционный ритуал: толчки, оскорбления, топтание по кругу, и только потом – драка.

Лёва и Вадик топчутся во дворе спортшколы, окруженные пятнашками. Вчера Лёва подошел к забору, крикнул: *Завтра после уроков приду драться с Вадиком – один на один, как положено мужчинам!*

Один на один, да!

Он ничего не сказал друзьям – Гоша не отпустил бы одного, а Лёва хотел честной дуэли. Сейчас, окруженный толпой пятнашек, жалеет: ему тоже болельщики не помешали бы.

Первый удар попадает Лёве в ухо. Лёва левой рукой хватается противника за грудки, а правой с размаху бьет в лицо. Вадик не успевает закрыться – похоже, здоровый фингал ему обеспечен! Он вырывается из Лёвиных рук, отскакивает на полметра назад.

– Хороший удар, да? – спрашивает Лёва, переводя дыхание.

– С понтом дела хороший, – отвечает Вадик и резко толкает Лёву в грудь.

Лёва отпрыгивает – и тут же падает: подножка, подлая, предательская подножка! Он пытается подняться, но кто-то из пятнашек надвигает ему на глаза шапку. Другой начинает выкручивать руку, Лёва кричит от боли и неожиданности.

– Болевой приемчик! – слышит он над ухом.

– Нечестно, – сипит Лёва, – мы же договаривались один на один...

– А чё, пацаны, я разве договаривался? – это голос Вадика. – Я чё-то не помню.

Лёву тычут лицом в размокшую от талого снега землю.

– Давайте Рыжему люлей навешаем по полной программе, – предлагает кто-то.

Лёва пытается вырваться – но тщетно. Слишком крепко держат, шапка по-прежнему надвинута на глаза, Лёва даже не знает, с какой стороны ждать удара.

– Эй, пацан, покажи класс! – подбадривает кто-то Вадика.

– Ну чё, ты вроде до крови хотел? – спрашивает тот и бьет Лёву по лицу.

Через полчаса снег на школьном дворе почти закончился. Марина вытряхивает остатки снежков из растрепавшихся волос.

– Считаю, что ничья, – говорит она Гоше.

– По-моему, я победил.

– Это еще почему?

– Такая примета: если даже ты говоришь, что ничья, – значит, на самом деле я победил, – объясняет Гоша, – а если ты кричишь: «Я победила!» – ну, значит, ничья.

– Ну, значит, я победила! – смеется Марина.

Они поднимают с земли сумки, идут к школьным воротам – и вдруг останавливаются. Там стоит Лёва. Растерзанный, перепачканный в грязи, держит под мышкой сумку с оторванным ремнем. Из разбитой губы течет кровь.

– Ух ты!.. – растерянно говорит Гоша.

– Что это с тобой? – говорит Марина. – Пятнашки напали?

– Ну, не напали, – отвечает Лёва, – это я Вадика вызвал на дуэль, а они всей шоблой явились – ну и вот... Я хотел в школе умыться, чтобы Шурку не пугать... не знал, что вы еще здесь.

– Погоди, – говорит Гоша, – расскажи по порядку. Какая дуэль? Из-за Ники, что ли?

– Нет, – говорит Лёва, утираясь рукавом, – из-за Шурки.

Он рассказывает свою историю, и Марина чувствует, что с каждой минутой злится все больше и больше. Ну, значит, война. Как та самая, Великая война живых против мертвых. Только на этот раз это ее, Маринина, война против Вадика и прочих пятнашек. Разбитая губа Лёвы и его порванная сумка стали вызовом, который пятнашки бросили ей, Марине. И пусть Рыба каждый год назначает Олю старостой – Марина-то знает, кто главный в классе. И потому любое оскорбление, нанесенное ее одноклассникам, тем более – ее друзьям, – это личное оскорбление для нее, Марины.

– Ну, если они не разбежались еще, я их прямо сейчас вырублю, – говорит Гоша.

– Наверняка уже попрятались, трусы, – говорит Марина, но сама уже продумывает схему военных действий. Окружение, захват, уничтожение, ловушки, маневры, нападения... Нет, на этот раз пятнашки не отделаются простой стычкой – она найдет способ отыгаться за Лёву, заставит Вадика есть грязный снег!

До первой крови? До последней кровинки!

Кулаки Марины сжимаются.

– Ничего, Лёвка, – говорит Гоша, – мы с ними сквитаемся.

– Точно сквитаемся, – говорит Марина, – мы обещаем!

– Клянемся! – добавляет Гоша.

Лёва вытирает бегущую по подбородку кровь и вспоминает, как две недели назад тоже клялся сквитаться за сестру. Он смотрит на Марину и Гошу и хочет верить: всем вместе им удастся то, что он не смог в одиночку.

– Пойдем ко мне, – говорит Гоша, – я тебе сумку зашью. Ну и умоешься заодно. Моих все равно дома нет, так что все нормально.

Втроем они идут по осеннему скверу. Первый снег почти растаял, и только под деревьями кое-где виднеются белые островки – но скоро исчезнут и они.

6

Павел Васильевич сидит, опершись локтями на учительский стол. Его седые усы грустно поникли, глаза смотрят из-под кустистых бровей. Сейчас он в самом деле похож на старого, усталого кота, которого Ника с Лёвой видели в зоомагазине.

– Что мне вам рассказать? – говорит он. – Вы же всё сто раз слышали, всё знаете.

Это, конечно, не относится к Нике – она еще никогда не слышала военных рассказов Павла Васильевича. Правда, тетя Света много рассказывала о войне, и Нике не слишком интересен еще один рассказ. Она молчит – но не поэтому, а потому, что каждое ее слово вызывает всплеск насмешек и оскорблений Оли и ее подруг.

– Расскажите о фульчи, – просит с четвертой парты Лёва.

– Или про то, как Границу переходили, – подсказывает кто-то.

– Павел Васильевич, расскажите о каком-нибудь поражении, – вдруг говорит Марина.

– О поражении? – удивляется учитель. – В День Победы?

– Ну, это же условный день, – говорит Марина, – мы все об этом знаем.

В самом деле, День Победы отмечают тридцатого октября, потому что именно в ночь на тридцать первое наши войска оттеснили мертвых и перешли Границу. Войска мертвых были разгромлены уже на их территории – но когда это случилось, никто не знает. Солдаты возвращались с той стороны еще полгода. Все рассказывали о сражениях и о победе, но никакой даты назвать не могли. Похоже, по ту сторону Границы время движется совсем иначе. Возможно – не движется совсем. Некоторые ученые описывают Заграницье как череду областей, в каждой из которых существует свой застывший кусок времени. Наверное, поэтому мертвые снимают так много исторических фильмов: для них времена мушкетеров или пиратов все еще продолжают существовать – надо просто найти ту область, где замерло именно это время.

– Хорошо, – говорит Павел Васильевич, – я расскажу, как погиб отряд Арда Алурина. Этого я вам точно никогда не рассказывал.

– Вы знаете, конечно, что до войны Граница была еще недостаточна крепка, – начинает свой рассказ Павел Васильевич. – То тут, то там мертвые ее переходили. Ну, если какой-то ход замечали, его, конечно, заделывали. Но по большому счету, Граница в те дни была как решето. На это были разные причины, сейчас не время об этом говорить. Важно, что только у нас, в столице, были надежно перекрыты все входы. И поэтому, когда началась война и мертвые полезли из всех щелей, до столицы они добраться не могли. То есть они не могли перейти Границу прямо здесь, в городе. Они вылезали наружу там, в области, собирались в отряды и дальше уже двигались по земле, как обычные войска. И, значит, нашей главной задачей на первом этапе войны было не пустить их сюда, в наш город.

Павел Васильевич встает и, опираясь на палку, идет к доске, словно собирается что-то написать. Задумчиво смотрит на притихших детей и продолжает:

– Вы знаете, война началась внезапно. Войска наши необученные, оружия толком нет, пуль не хватает. Люди несли в переплавку семейное серебро, подсвечники, ножи, вилки, даже чайные ложечки, даже серьги и кольца. Это потом всю заработали северные серебряные руд-

ники – но первые месяцы было очень трудно. Так вот, отряд майора Алурина должен был защищать город на северо-западном направлении, вдоль Петровского шоссе. Их было всего двадцать шесть, но это были опытные воины, сражавшиеся еще во времена Проведения Границ. Ард Алурин еще до войны был живой легендой, настоящим истребителем. Говорили, он сам потерял счет уничтоженным мертвым. Короче, если кто-то и мог защитить Петровское шоссе, то только его отряд. И вот они укрепились на высотке, в здании старой церкви, и оттуда отражали атаки мертвых...

Неожиданно для себя Ника слушает с интересом. У тети Светы были совсем другие рассказы. Она, совсем еще молодая девчонка, воевала в партизанском отряде. Не раз и не два она проходила в ставку мертвых, выдавая себя за укушенную каким-нибудь офицером-вампиром (их пристрастие к молоденьким девушкам было уже хорошо известно). Пару раз тетя Света давала Нике потрогать тот самый серебряный нож, который она проносила в широком рукаве и пускала в ход при «ликвидации» мертвого командования. Нике чудится, что от ножа до сих пор веет смертью и страхом.

На самом деле, тетя Света приходится Нике двоюродной бабушкой, но девочка с детства вслед за мамой называет ее тетей. После того как Ника осталась одна, тетя Света забрала ее к себе.

Поначалу Ника боялась тетиных рассказов о войне, все время думала: вдруг кто-то из мертвых, которых тетя уничтожила, тоже был чьим-то папой? Что если сейчас ее, Никин, папа пытается к ней пробиться – а на Границе его ждут пограничники с серебряными пулями и тренированными собаками?

Но в первые полгода после гибели родителей Ника даже не заговаривала о них. Да и о чем она могла бы говорить? Ведь для всех они были враги, мертвые, – и только для нее по-прежнему оставались мамой и папой, которых она так любила.

А потом в «пятнашке» кто-то узнал...

– Их осталось всего пятнадцать, – продолжает Павел Васильевич, – и тогда в атаку пошли фульчи. Я надеюсь, вам никогда не придется узнать – что такое фульчи-атака. В кино не покажешь самого страшного. А самое страшное – это запах. Ну и еще – какие они на ощупь. В этом смысле даже ромерос лучше. Они, конечно, опасней, злее, но психологически с ними гораздо проще справиться. Главное – стрелять в голову, можно даже обычными пулями. А вот если плоть фульчи хотя бы раз растекается у тебя между пальцами – до самого *ухода* такого не забудешь.

Павел Васильевич замолкает. Он снова сидит за столом, рассматривая свои большие морщинистые руки. Ника тоже сидит опустив глаза, она тоже не может забыть – как растекалась между пальцев грязь, которой был набит мешок со сменкой.

Узнав, что ее родители – мертвые, одноклассники сначала сторонились Ники, словно боялись: смерть, как зараза, перейдет к ним. Потом начали выяснять – как родители погибли. Случайно ли? А может, они сами захотели стать мертвыми? Может, сами сбежали в Заграницу? Может, Ника тоже хочет стать перебежницей? Может, она и сейчас шпионит на мертвых?

Именно тогда Вадик предложил проверить: если изводить Нику – явятся ли мертвые родители ее спасти? Надо напихать ей в мешок грязи, засунуть портфель в бачок мужского туалета, приклеить Нику к стулу и посмотреть, что она будет делать...

На самом деле Ника знала, что она должна была делать. Нужно было объявить себя смертницей – как знаменитая Аннабель из ее старой школы.

В школе про Аннабель рассказывали легенды. Говорили, например, что она всегда носит при себе серебряный кинжал, доставшийся ей от бабушки, погибшей на фронте. И что

однажды, когда на нее напала банда врагов – какая банда и каких врагов, Ника не помнила, – Аннабель сказала:

– Я не могу справиться с вами всеми, но я хочу, чтобы вы знали: я буду сражаться до последнего. Я смертница и не боюсь смерти. Я смертница и презираю боль. Смотрите! – и, выхватив нож, распоролла себе руку так, что кровь струей брызнула в лица нападавших. Говорили, что после этого враги разбежались, не причинив ей никакого вреда.

Вот так и надо было себя вести! Носить черную одежду с серебряными молниями и сердцами, чуть что – говорить, что да, она гордится своими мертвыми родителями!

Жалко, что я такая трусиха, думает Ника, кусая ноготь на левом мизинце, как Аннабель я никогда не смогу. Я даже подойти к ней боялась – так и смотрела издали.

Хорошо, что в этой школе никто, кроме Лёвы, не знает, что случилось с мамой и папой. Наверное, и Лёве не надо было говорить – но почему-то она поверила ему тем вечером, почему-то верит до сих пор.

Если Оля с подружками узнают про маму с папой – страшно подумать, что тут начнется!

– Короче, отряд майора Алурина отбил от фульчи. И тогда с той стороны прислали парламентаря. Это была девочка, где-то вашего возраста, невысокая, хрупкая – вроде нашей Вероники, – Павел Васильевич кивает в ее сторону, – только еще более худая. Она шла по этому зловонному полю, где разлагались уничтоженные фульчи, и держала в руках тоненькую веточку, только что срезанную, еще зеленую. И к ней был привязан кружевной белый платок.

Она подошла совсем близко, когда вдруг майор Алуринов выхватил пистолет – и, если бы солдаты не навалились, он бы выстрелил. А мы все-таки старались воевать по-честному: парламентарей не уничтожать, перемирие выдерживать, ну и все такое. Девочка же подошла совсем близко и сказала Алуринову: дядя передает тебе привет, папа, говорит – иди к нам, наши уже все собрались. Вы поняли: они послали к Арду Алуринову его дочь. Нашли где-то семью и всех убили. И теперь майору Алуринову пришлось бы стрелять в собственных близких – в брата, в жену, в ребенка. Вот такая это была страшная война, ребята. Потому и говорят, что страшной войны не знала история.

Да, думает Ника, про такое тетя Света не рассказывала. Послушать ее – никто и никогда не встречает *своих* мертвых, только каких-то неизвестно откуда взявшихся мертвых, незнакомых. Может, даже из каких-то других миров, по ту сторону Заграницья, о которых фантасты пишут. А вот, получается, и своих мертвых можно встретить.

Встретить маму и папу.

Последний раз Ника видела родителей живыми почти два года назад. Обычный зимний день, маленькая прихожая их квартиры. Родители опаздывали, папа нервничал, мама все смотрелась в зеркало. Потом они поцеловали Нику – и ушли. А через четыре часа, по дороге домой, в их такси врезался самосвал с пьяным водителем.

Ника до сих пор завидует тем людям, у которых мама с папой были тогда в гостях, – они видели ее родителей на несколько часов дольше, чем она.

– ...И когда солнце село, они снова пошли в атаку. Все понимали, что это была последняя атака, Ард Алуринов понимал, все его бойцы тоже понимали. У них почти не осталось пуль, из оружия были только серебряные ножи и осиновые колья – на случай атаки упырей. Они продержались всю ночь, почти до самого рассвета – а утром подошло подкрепление и выбило мертвых с позиции. К тому моменту майор Алуринов и его люди уже погибли – но до этого они продержались пять дней, защищая дорогу на город против целых полчищ мертвых. Мы похоронили их и воинским салютом почтили память героев. Потому что хотя они и погибли – но боевую задачу выполнили: врага к городу не подпустили.

Павел Васильевич умолкает.

– Простите, – слышит Ника голос Лёвы, – я хотел спросить: как вы думаете, после смерти майор Алурин нашел своих близких?

– Этого никто не знает, – отвечает учитель. – Мы даже не знаем, заполучили ли мертвые Арда Алурина в свои ряды. Вы знаете, они всегда пытались как можно скорее убить таких воинов – ведь те, став мертвыми, почти всегда продолжали сражаться, но только уже на их стороне. Я сказал «почти всегда» – потому что некоторые отказывались воевать против своих недавних товарищей. А некоторые даже сражались на нашей стороне, как говорится – в тылу врага. Становились диверсантами или разведчиками. Говорят, одним из таких бойцов стал и Ард Алурин – но, как вы понимаете, эта информация тогда была строго засекречена. Возможно, засекречена и теперь...

Ника кивает. Еще давным-давно она слышала: бывают и «хорошие мертвые». До того, как родители погибли, она никогда в это не верила. Зато последний год часто думает: может, и в самом деле – мама с папой после смерти совсем не изменились, не забыли ее, не стали врагами всем живым?

Переобуываясь в раздевалке, Ника слышит, как Оля о чем-то шепчется со своими подружками, до нее доносится: ...сказал, что похожа, ты ведь сама слышала... Потом подходят всей шайкой, и Оля спрашивает с ехидной ухмылкой:

– Кика, скажи, а это правда, что твои родители теперь – мертвые?

Ну вот, думает Ника, зря я сказала Лёве, зря.

Она поднимает голову и отвечает, глядя Оле прямо в глаза:

– Да, это правда. Мои родители погибли. А тебе, гадина, какое дело?

7

Второй раз Гоша встретил Лёлю в тот день, когда мама снова уехала в экспедицию.

На этот раз мама собиралась на Белое море. Два года она добивалась разрешения на маршрут, запасалась справками, получила допуск к секретным картам – и вот, наконец-то, руководство института завизировало план поездки.

Накануне отъезда мама приготовила ужин, а Гоша испек праздничный торт из пакетика.

Готовить такой торт было совсем просто: надо было развести содержимое пакетика водой, добавить туда масло и корицу (если она была в доме), затем смазать противень и вывалить туда получившуюся массу. Первый раз Гоша испек этот торт на собственные десять лет: так получилось, что и мама, и папа задержались в экспедиции, и готовить праздник Гоше пришлось в одиночестве. Он пригласил Марину и Лёву, они отлично посидели, да и торт съели до последней крошки, хотя в тот раз он слегка подгорел.

Гоша вообще любит звать гостей к себе домой – все-таки это *его* дом, может быть, иногда даже больше, чем мамин и папин.

Когда через неделю после дня рождения Гоша зашел в гости к Лёве, его мама спросила:

– Что же ты не сказал, что мама с папой не вернулись? Я бы тебе помогла.

Тогда Гоша даже слегка обиделся:

– А что, Софья Марковна, – спросил он, – Лёва сказал, что я не справился? Разве мне нужна была помощь?

– Да уж, ты у нас самостоятельный, – ответила, смеясь, Лёвина мама, – мы знаем.

Гоша в самом деле вырос самостоятельным: родители все время были в командировках и экспедициях, а бабушки и дедушки жили в другом городе.

Самостоятельный-то самостоятельный, но прощаться с мамой всегда было грустно.

– Не горюй, Георгий, – сказала мама, – к Новому году вернусь. Если повезет – привезу тебе в подарок морскую звезду.

– Не надо мне подарков, – буркнул Гоша, – и вообще, все нормально, ма.

Но, когда мама уже уходила, вдруг обнял ее и прижался щекой к брезентовой, пахнувшей костром ветровке.

– Мне пора, – сказала мама и поцеловала его в затылок.

Сейчас Гоша старается о маме не вспоминать. Тем более что у него – важное дело. Он то идет неспеша, то стремительно добегают до ближайшего угла, на секунду высовывается – и тут же прячется назад.

Сегодня он выслеживает Дэдэ: Лёва сказал, что коротышка-географ – шпион, а Гоша привык верить Лёве.

Впрочем, даже если Лёва и ошибается, получится отличная секретная игра.

Дэдэ живет далеко от школы, в центре. Пять остановок на метро – и все время надо выбегать из вагона, проверять, не выходит ли. В какой-то момент Гоша уже боялся, что упустил – но нет, вот он, Дэдэ, пальто и шапка пирожком, идет метрах в пятидесяти впереди.

Засунув руки в карманы куртки, Гоша крадется вдоль покосившегося дощатого забора. Именно так крался, выслеживая врага, Яшка, герой «Неуловимого». Гоша старается сделать специальное выражение лица, как у брата Ильи, – мужественное и вместе с тем хитроватое. Эх, жалко никто его не видит!

Поверху забора – заржавленная колючая проволока. Доски кое-где еле держатся – если Дэдэ обернется, можно попытаться быстро шмыгнуть во двор... ну, или что там, за забором? Какой-нибудь институт?

Гоша заглядывает в щель: поросший репейником и борщевиком пустырь, в глубине – старый заколоченный дом.

В городе много старых домов, построенных еще до Мая, до Проведения Границ, особенно в центре – в неправильном многоугольнике, ограниченном рекой с юга, а с трех других сторон – скверами для прогулок. В некоторых домах сейчас располагаются разные учреждения – институты, министерства, комиссии, но большинство жилые. Есть среди них и четырех-пятиэтажные, многоквартирные, правда, в одной такой квартире ютятся несколько семей, плита не электрическая, а газовая, и даже горячей воды нет: приходится греть специальными колонками. То ли дело новые, кирпичные дома – девять, двенадцать этажей. В таких обычно живут успешные, знаменитые люди, в крайнем случае – высокие начальники.

Гоша сворачивает за угол – и успевает увидеть, как Дэдэ скрывается в подъезде. Вот, значит, где он живет.

Было бы здорово оборудовать за забором наблюдательный пункт, думает Гоша. А что? Доску оторвать – и готово! Тоже сложность! Пятнашки вон все время свой забор дырявят – чем он, Гоша, хуже?

Тем более что и дом этот, и пустырь кажутся совсем необитаемыми – значит, и не заметит никто.

Итак, Гоша, засунув руки в карманы, идет вдоль забора, делая вид, что просто смотрит по сторонам. Одна из досок, замечает он, чуть отстаёт – он подходит и пытается незаметно оторвать ее. Сначала ничего не выходит, но потом доска наконец поддается и со звуком «кряк» падает на землю, открывая узкий лаз в заросший двор.

Оглядев улицу, Гоша пролезает сквозь щель.

Гоша всегда гордился своим городом, его широкими проспектами, зелеными бульварами, красивыми домами новостроек, Дворцом Звездочек и серебряными звездами на пяти высоких башнях. Маленьким он часто думал: вот же мне повезло жить именно в наше время, через шестьдесят без малого лет после Проведения Границ, через тридцать лет после Победы. Он пытался представить себе жизнь, какой она была раньше, когда всем богатством владели мертвые, а живые были у них рабами, пытался вообразить свою жизнь в том, старом городе, какой

он видел только в кино, – и каждый раз у него ничего не получалось. Потому что невозможно было представить себе родной город без высотных домов, гудящих машин, разноцветных светофоров...

И вот сейчас в пустынном дворе Гоше кажется, будто он провалился в дыру во времени: заросли борщевика, чахлые кусты, пожухшая осенняя трава – и молчаливый, мрачный дом с заколоченными окнами.

Гоша думает: наверное, за шестьдесят лет здесь ничего не изменилось. Все те же кусты, та же трава, тот же дом. Это место огородили забором, натянули колючую проволоку – и время застыло здесь, перестало двигаться.

Словно в Заграницье.

Мертвый дом, думает Гоша.

Почему-то он сразу понимает: это мертвый дом, дом, где должны водиться привидения.

Выходит, не всегда мертвое – красивое и модное.

Ручеек пота стекает по спине. Дом смотрит на Гошу сквозь заколоченные окна, словно через закрытые веки.

Почему-то Гоша вспоминает, как прощался утром с мамой, и какая-то неясная тревога поднимается у него в груди. Он разворачивается к щели забора... Как он мог забыть, это же наблюдательный пункт!

Отличное место: дверь Дэдэ видна как на ладони.

Осталось понять, как долго Гоша собирается тут сидеть. И что, собственно, собрался увидеть.

В этот момент он слышит голоса.

– А мне дядя рассказывал еще один мертвый фильм, про убийцу... он заманивал к себе в дом девушек и убивал их. А все спихивал на свою мертвую мать.

Ломающийся мальчишечий голос. Ему отвечает другой, взрослее, басовитей:

– А сам убийца – мертвый?

– Нет, конечно, – отвечает первый мальчишка, – это же мертвый фильм. В мертвых фильмах всегда убийцы – живые, а мертвые хорошие.

– То есть мама была хорошая?

– Ну да, наверное. Он ее в подвале держал, а потом она выбралась и набросилась на него...

– А твой дядя может этот фильм достать?

Это – третий голос. Девчоночий, девичий. Гоша уже где-то слышал его – он плотнее прижимается к щели и скашивает глаза, чтобы разглядеть собеседников.

– Нет, – говорит мальчишка, – он сам его у кого-то дома смотрел... ну, ты же знаешь, как это бывает? Кто-то достал кассету, все ночью собрались, смотрели... Детей туда не берут.

– Боятся, что мы проболтаемся, – с презрением говорит тот, что постарше.

– Мы-то никогда не проболтаемся, – говорит девушка, – мы же – смертники, мы умеем держать слово.

Смертники! Ну конечно, они-то точно должны любить мертвое кино.

Тут уж Гоша узнал голос – конечно же, это Лёля, девочка из Дворца Звездочек.

Гоше становится как-то не по себе. Нет, не то чтобы он напуган – он, конечно, не из пугливых, еще не хватало!

Но все-таки... про смертников разное говорят. Смертники – это не пятнашки. Взрослые, решительные. А вдруг они пойдут сюда, во двор, увидят его, догадаются, что он подслушивал? Кому это понравится?

Заброшенный дом, пустырь. Кругом – никого.

Бежать некуда.

Гоша, стараясь не шуметь, оглядывается на дом. Может, спрятаться там? На секунду Гоша представляет: вот он пересекает двор, отдирает доски, пролезает в окно. Полумрак, запах старого мертвого дерева...

Гоше кажется, дом подмигивает ему: ну, давай же, чего ждешь?

Он, конечно, не из пугливых – но почему-то стоит, не в силах пошевелиться. Стоит, вновь прижавшись к забору: за его спиной – пустой двор, заколоченный дом, перед лицом – шершавые доски, узкая щелка.

Гоша видит: трое смертников пересекают улицу. Черные кожаные куртки, высокие ботинки. В желтоватом свете фонарей поблескивают зигзагообразные молнии и расколотые серебряные сердца.

Двое мальчишек и Лёля. Тот, кто повыше, обнимает Лёлю за плечи – и Гоше почему-то неприятно на это смотреть, хотя он и рад, что смертники уходят.

Они не спеша идут по тротуару – и расступаются, давая дорогу молодой девушке в красной куртке. Открыв дверь, она входит в дом – в тот самый подъезд, где полчаса назад скрылся ДэДэ.

Стройная такая девушка. В красной мертвой куртке и мертвых сапогах до колена. Лицо наполовину закрыто шарфом, но Гоша сразу узнает ее.

Зинаида Сергеевна, Зиночка.

– Ух ты! – говорит он тихо.

[Интермедия]

У самого моря

На картинке – мальчик лет тринадцати, с мужественным и смышленным лицом. В руке у него – шестизарядный «смит», глаза смело и открыто смотрят прямо на зрителя. Чуть по диагонали вверх размашисто выведено: «Неуловимый» – словно впопыхах кто-то обмакнул кисть в краску и подписал. Эх, жалко, открытки только черно-белые остались!

Илья пишет на обороте:

«Дорогой Георгий! Привет тебе с берегов Черного моря. Рад был твоему письму, все не было времени ответить. Последние два месяца занят на съемках фильма «Сын подпольщика». Это будет настоящий отпад! В главных ролях – я и Гуля Орлова. Ты наверняка видел ее в «Третьем выстреле», она там играла дочь комдива Кротова».

Да, Гуля Орлова... Как все-таки хороша она была во время вчерашнего эпизода: белое платье с воланами, невысокие каблучки, зонтик от солнца. Светлые волосы перехвачены лентой, чуть вздернутый носик, едва заметные веснушки, бледная, почти прозрачная, кожа.

Настоящая мертвая девочка. На самом деле Гуля играет живую девочку, подпольщицу, которая за несколько лет до Проведения Границ должна втереться в доверие к полиции мертвых, чтобы спасти друзей, ждущих казни в тюрьме. Илья служит связным между ней и другими подпольщиками, изображая чистильщика ботинок. По фильму они – близкие друзья, но в жизни Гуля воротит нос.

Подумаешь, кинозвезда! В «Третьем выстреле» у нее даже не главная роль – то ли дело его Яшка из «Неуловимого»! Достаточно выйти на набережную – мальчишки начинают кричать: *Эй, пацан, покажи класс!* А дочь комдива – да кто ее помнит!..

Вот Машка Дементьева такой задавакой не была. Они с Ильей даже целовались, когда все отмечали окончание съемок и детям тоже дали выпить вина. Сам Артур Макаров сказал тогда:

– Такую роль сыграл – значит, взрослый совсем! Как у вас на юге говорят: немного вина – никогда не вредна!

Целоваться Илье понравилось. Он даже решил, что если актеры играют вместе, то и дружат, и целуются. Вот и раскатал губу.

Но фиг-то! Чуть камеру выключат – Гуля и знать его не хочет.

А может, она на самом деле в меня влюбилась, думает Илья, а нос воротит потому, что стесняется?

Нет, вряд ли. А может, наоборот: он для нее недостаточно взрослый? Гуля, конечно, только на полгода старше, но посмотреть – так уже настоящая девушка, лет семнадцать можно дать, даже восемнадцать. Ей, небось, интересно со студентами – зачем ей десятиклассник?

Хотя при чем тут возраст? Главное – красота.

Илья встает напротив гостиничного зеркала, делает мужественное лицо и напрягает бицепсы. На нем – сатиновые трусы и майка без рукавов, как у спортсмена. Илья стискивает кулаки и становится в боевую стойку.

Эх, здорово!

Вот так бы сфотографироваться – вышло б еще лучше, чем на старой открытке для брата Гоши.

Ну, ничего: вот выйдет «Сын подпольщика» – появятся и новые афиши, и новые открытки. Смонтируют фильм, покажут съемочной группе, Гуля увидит – и поймет, кто тут настоящая звезда!

Жалко, у них не будет в фильме любовной сцены. Илья на той неделе спросил Городецкого, режиссера: почему бы не добавить в сценарий лирическую линию? – а тот ответил, мол, это фильм для детей, там всякие шуры-муры ни к чему.

Вам обоим по фильму, сказал, четырнадцати нет – какие еще поцелуи?

Илья хотел возразить, что действие-то происходит до Проведения Границ, а тогда все было по-другому, но не стал. Кто ж на самом деле знает, что там было, до Проведения?

Конечно, в начале съемок им долго объясняли, какой была жизнь раньше. Велели читать воспоминания старых подпольщиков и пограничников, чтобы лучше войти в роль. Но Илья считает: ерунда все эти воспоминания – и так все понятно.

До Проведения Границ мертвые были за главных. Жили в лучших домах, ездили на машинах, путешествовали. Живые им только прислуживали. А если, скажем, ты был мальчик из мертвой семьи, то любая живая девочка тебе и отказать не могла. Если ты ее, скажем, поцеловать хочешь. Потому что понимала – кто здесь главный.

Хорошо было быть мертвым. И, главное, живые не рыпались даже. Понимали: со временем сами мертвыми станут, тогда и отыграются. Да и слугой у мертвых тоже клево было быть: мертвые ведь могли слуг с собой в путешествие брать. Границы-то тогда не было – отправляйся куда хочешь, не то что сейчас. Много где можно было побывать.

Скажем, клево было бы попасть туда, где древние мертвые живут. Там, небось, до сих пор все полуголые ходят, и мужчины, и женщины. Вот бы посмотреть!

Говорят, мертвые так кино и снимают: хотят про пиратов – находят область, где мертвые пираты, хотят про мушкетеров – тоже пожалуйста. Ни декораций не надо, ни массовки – не то что у нас. Вот для «Сына подпольщика» в Приморске целую улицу в старом городе огородили, убрали с фасадов звезды, повесили старые вывески на мертвых языках. Типа как будто до Проведения так все и выглядело. Там и снимают. Привезут старую мертвую машину, поставят у тротуара, будто она только что подъехала, Гуля оттуда выходит, поднимается по лестнице, платье вокруг ног плещет, каблук по ступенькам цокает, помреж кричит «снято!». А потом машину к другому подъезду отбуксируют, ручки на дверь другие привинтят, фонари заменят – и теперь это авто начальника полиции. Никита Сергеевич в белом мундире выходит из здания – сабля на боку болтается, завитые усы как две антенны, – плюхается на заднее сидение, говорит шоферу: поехали! – и опять «снято!».

Илья знает: потом машину поставят в павильоне на платформу, будут трясти, будто она едет, а улицу сзади при монтаже наложат. Называется «комбинированные съемки». В фильмах об-гру так делают, когда герои через пропасть перепрыгивают или по стенам бегают.

Как Илья смеялся прошлой зимой, когда понял, что Гоша верит, что все эти прыжки – настоящие. Зрители вообще такие доверчивые. Илье даже непонятно, зачем так стараться, чтобы в фильме было все «как на самом деле», – все равно почти никого не осталось, кто бы помнил, как оно было, до Проведения Границ.

В Приморске, кстати, специально разыскали одну старушку, совсем седую, древнюю – ходит с трудом, на две палки опирается. Посмотрела она на их съемочную площадку, скривилась: мол, все не так было. Никто бы чистильщика обуви и близко не пустил к зданию полиции. И вообще – чистильщики вовсе не обязательно были живые, мертвых тоже хватало. Откуда вы, собственно, взяли, что все мертвые были богатые, а живые – бедные? По-разному бывало, да никто тогда и не различал толком, мертвые или живые, это все потом началось, после этого вашего Проведения. А потом вдруг сказала:

– Да по большому счету – никакой разницы нет, до Проведения или после. У кого власть – тот и прав, а простые люди как жили, так и живут.

После этого ассистент режиссера сразу начал свое – пойдемте, бабушка, поздно уже, – и они подевались куда-то.

Илью никто, конечно, не спрашивал, а то бы он объяснил, что ведь это – кино. Тут главное, чтобы сюжет интересный был, да еще драки и девушки красивые. А что на самом деле было – да кому какая разница? Ему даже обидно, что в сценарии нет ни одного зомби – Городецкий на его вопрос так и сказал:

– Так ведь зомби только после Проведения появились. Будто Илья сам не знает! Но просто фильмы с зомби – самые здоровские! Как он в «Неуловимом» один целый отряд зомби положил! Самый его любимый эпизод – хотя ребятам, конечно, больше нравится про «Эй, пацан, покажи класс!». Но про зомби все равно кайфовой.

Илья возвращается к столу и дописывает открытку:

«Погода здесь отличная, купаемся почти каждый день. Девчонки здешние мне проходу не дают, но я уже привык. Впрочем, то ли еще будет, когда наш фильм выйдет на экраны! Ты готовься: я тебя на премьеру позову, как к вам приеду. Маме и папе от меня привет.

Твой двоюродный брат Илья.

Р. S. А ты знаешь, что на каком-то мертвом языке «двоюродный брат» будет «кузен»? Прикольно, да?»

8

Люси уже старая, уже не хочет бегать за катушкой, прыгать за бантиком. Она лежит на диване, рядом сидит Марина, чешет черно-белую меховую спинку, тербит за ушами. Кошка урчит от удовольствия.

На ковре устроились Лёва с Гошей, взволнованные, возбужденные.

– Ну и что? – говорит Марина. – И что тут такого таинственного?

– Ну как, ты что, не понимаешь? – говорит Лёва.

– У них какая-то тайна! – говорит Гоша. – Она же специально к Дэдэ шла! Полчаса подождала, чтобы никто не видел, – и к нему!

Марина фыркает: тоже мне, тайна! У них – свидание, любому понятно. Но только не мальчишкам, конечно. Им подавай тайны, секреты, клады...

Детский сад, штаны на лямках.

– Про дом еще расскажи, – говорит Лёва.

– Ну что ей рассказывать, – отмахивается Гоша, – она же все равно слушать не хочет.

Марина прекращает гладить Люси, берет на руки и зарывается носом в мех. Кошка недовольно мявкает, но не вырывается – привыкла. Люси – почти ровесница Марины, на год младше. Марина сколько себя помнит, все с ней играла. Говорят, двенадцать лет для кошки – это как семьдесят с лишним для человека. Интересно, было ли когда-нибудь время, когда Люси и Марина были ровесницами? Наверное, тогда, когда Марина еще не умела ходить и только ползала – Люси была, конечно, быстрее, но, по крайней мере, они видели мир примерно с одной высоты.

А теперь Люси старая, совсем-совсем старая киска. Марине не хочется об этом думать, и она глубже утыкается носом в кошачий живот и оттуда, из глубины теплого меха, говорит:

– Ладно, рассказывайте, чего там за дом.

– Смотри, – начинает Гоша, – пустой дом. Внутри давным-давно никого не было. Вокруг – пустырь. Зарос всякими сорняками – и больше ничего. Ни бумажек, ни битых бутылок – ничего. Вокруг – забор, поверху – колючая проволока. Что это значит?

– Что это – дом с привидениями? – спрашивает Марина.

– Я считаю, что да, – отвечает Лёва.

И Гоша солидно кивает: да, он тоже так считает.

Люси наконец-то выворачивается из Марининых рук и поспешно, но не теряя собственного достоинства, залезает под кресло в дальнем углу комнаты.

– Значит, – говорит Марина, – вместо того, чтобы выслеживать Вадика, вы следите за Дэдэ и разыскиваете дома с привидениями, так? Ладно Лёва, он уже свое получил, но ты, Гоша, вместе со мной клялся с пятнашками посчитаться – было дело?

– Было, – соглашается Гоша. – Но что я-то? Мне только скажите, где Вадик, – я ему *хрюсло* сразу начищу, и все. Даже без всякого об-гру справлюсь.

– Он ныкается сейчас, – говорит Марина, – из-за забора почти не показывается. Я думаю, он знает, что мы на него зуб точим.

– А как же, рыльце-то в пушку, – говорит Гоша.

– Постой, постой, – перебивает Лёва, – он, что, что-то необычное разве сделал? Да пятнашки всю жизнь только так себя и вели. Чего ж теперь ему ныкаться? Почему, когда Шурку обидели, они не ныкались, а сейчас – затаились?

– Нас испугались, – говорит Гоша.

– Это понятно, – кивает Лёва, – они испугались тебя с Мариной. Но откуда они узнали, что надо вас бояться? Вы что, сообщили им об этом?

– Нет, – говорит Марина, – им я ничего не сообщала. Я только девчонкам в классе сказала, что всё, у меня с пятнашками война и если кто хочет – милости просим присоединяться.

– Объявила мобилизацию, – усмехается Гоша.

– Девчонкам, говоришь, сказала? – переспрашивает Лёва. – А Оля при этом была?

– По-моему, да, – кивает Марина. – Но она же трусиха, драться не пойдет – толку-то с нее!

– Нам-то с нее толку нет, – объясняет Лёва, – а Вадику – еще как есть! Вспомните: кто рассказал всему классу, что Нику в «пятнашке» дразнили Кикой?

– Ну, Оля, – отвечает Гоша, – а что?

– Ты хочешь сказать... – начинает Марина.

– Да, Оля дружит с пятнашками. Они ей рассказывают про Нику, а она им – про наши планы.

– Ух ты! – говорит Гоша.

– Вот черт, – говорит Марина, – знать бы раньше...

– Предательница, – говорит Гоша и спрашивает: – Может, ей *хрюсло* начистить? Только это, Марин, тебе придется. Я с девочками не дерусь... ну, с такими, как Оля, – запнувшись добавляет он.

Марина поджигает под себя ноги и запускает в рот каштановую прядку. Лицо у нее становится сосредоточенное.

– Да, теперь все понятно, – говорит Лёва, – и про родителей Ники тоже Оле пятнашки рассказали. Она думает, это я проболтался, но теперь-то все ясно. Объясню ей завтра, и снова все нормально будет. Ну, Оля, гадина, держись у меня!

– А у нее правда родители мертвые, – спрашивает Гоша, – или Оля врет?

– Правда, – говорит Лёва, – Ника мне сама говорила. Погибли в аварии.

– Да-а-а... – протягивает Гоша. – Представляешь: были родные мама и папа, а стали – мертвые. Ну, я знаю, что рано или поздно все уйдут, но почему-то про своих я уверен: они после смерти все равно будут за нас.

– Я про своих тоже, – говорит Лёва, – мои-то уж наверняка. Всю жизнь в школе работают, не вещисты, не смертники... они и после смерти должны как этот... Ард Алурин.

– Я думаю, – говорит Гоша, – хороших мертвых вообще должно быть много, гораздо больше, чем нам в школе говорят. Вот иногда у нас в кино мертвые фильмы показывают – там же всегда есть те, кто за нас, за живых. Ну, или просто хорошие люди. Я думаю, плохими мертвыми становятся только плохие люди.

– Нет, – возражает Лёва, – это не так. Разве дочка Алурина была плохая? Да сколько я историй читал, в которых хорошие люди становились зомби или там упырями. Да и вообще – если бы все хорошие живые превращались в хороших мертвых, то зачем мертвым их убивать? А они потому и убивают, что это что-то вроде перевербовки.

– Ты, Лёва, конечно, умный, – с неожиданной злостью говорит Гоша, – а вот ты скажи: если мертвые все сплошь такие плохие, то почему мертвые вещи такие хорошие? Одежда клевая. Магнитофоны или там телевизоры – лучше наших. Машины, говорят, вообще офигенные. И еще эти, компьютеры...

– А это разные вещи, – отвечает Лёва, – это не надо путать. Это и есть вещизм: путать вещи и, как это мама называет, этику. Хорошую вещь могут сделать и плохие люди. И наоборот.

Все это время Марина почти не слушает ребят. Вдруг она повторяет за Лёвой:

– И плохие люди могут сделать хорошую вещь... Это точно, – потом выплевывает прядку и улыбается: – Пойдемте пить чай, а? Дядя Коля достал папе коробку мертвых конфет. Вку-у-усные!

Марина поднимается и идет на кухню. Ей нравится изображать хозяйку, и она любит свою квартиру – опрятную, ухоженную, уютную.

9

Когда Нике было восемь лет, родители поехали с ней в зимний дом отдыха. Целую неделю они прожили втроем, в маленьком домике, затерянном среди огромного снежного парка. Еще Нике запомнился там дом с колоннами – старый, построенный еще до Проведения Границ, со множеством коридоров и комнат. В большом зале была столовая, четыре раза в день сюда приходили отдыхающие – завтрак, обед, полдник, ужин. Утром на каждом столе лежало меню – и можно было выбрать себе еду на завтра. Еще в доме с колоннами была игровая комната, куда родители несколько раз отдавали Нику на пару часов. Какие там были игрушки, Ника сейчас не может вспомнить, – но тогда они ей очень нравились, она даже сама туда просилась. Ну и дура была! Лучше бы лишних пару часов провела с мамой и папой.

Больше всего Нике запомнились покрытые снегом деревья, мелькающие с обеих сторон дорожки. Она сидит на санках, папа тянет их за собой, словно лошадь на картинке, бежит все быстрее, быстрее, Ника смеется, снег летит в лицо, деревья мелькают, санки едут так быстро, папина спина так близко, что кажется – Ника вот-вот и догонит папу, но нет – папа все время на

шаг впереди, недостижимый, быстрый, живой. Санки летят, папа бежит все быстрее, и кажется – это будет длиться вечно.

Поэтому теперь Ника не любит зиму. Скрип снега каждый раз напоминает ей о том доме отдыха. Сколько лет назад это было? Четыре? Пять?

Ника крепче сжимает ручку портфеля и входит на школьный двор – и в тот же момент пущенный кем-то снежок попадает ей прямо в лицо. Не обращай внимания, говорит она себе и продолжает идти. Еще два снежка попадают в нее, прежде чем она скрывается за школьной дверью.

В раздевалке ее поджидает Оля.

– Я правильно помню, – медовым голосом начинает она, – ты говорила, что твои родители вовсе не перебежчики?

– Да, – отвечает Ника. Она всегда отвечает на вопросы правду, без разницы – для чего ее спрашивают. Наверное, ответив «да», Ника подставилась – и теперь она ждет следующего хода.

Оля никогда не разыгрывает слишком длинных комбинаций. Все ее оскорбления примитивны и просты – но почти каждый раз слезы закипают у Ники в глазах, закипают, но не проливаются.

– Если не перебежчики, то, значит, невозвращенцы, – гордо заявляет Оля, и свита хихикает за ее спиной.

Ну, это просто глупость, с неожиданным облегчением думает Ника. Невозвращенцы – это живые, которые посещают Заграницье по делам, а потом остаются там, не возвращаются назад. Ее родители никогда в Заграницье не были – до тех пор, пока не погибли.

– Ты бы, Оля, не говорила слов, значение которых не понимаешь, – вдруг слышит Ника голос Марины. – И вообще, что пристала к Нике? Шла бы ты... своими делами заниматься!

Ника оборачивается: Марина, улыбаясь, стоит рядом с ней. Высокая, стройная, каштановые волосы сбегая на плечи, на плече – красивая мертвая сумка. Всем своим видом Марина показывает: это моя подруга, не трогайте ее!

Оля, пожав плечами, удаляется.

– Надоела она тебе? – спрашивает Марина.

– Ну, в прошлой школе были и похуже, – отвечает Ника.

Сегодня было пять уроков. Рыба бубнила что-то про щелочные металлы, то и дело сбиваясь на перечисление стратегических свойств серебра и обличие девушек, которые носят сережки и прочие украшения. На литературе Павел Владимирович, задумчиво глядя в окно, рассказывал, как по-разному можно описать зиму – и какой предстает зима у разных писателей. На уроке мертвого языка проходили времена глаголов. На географии Марину опять вызвали к доске, и опять вlepили тройку.

– Он же тебя каждый урок спрашивает, – сказала Ника, – почему ты не подготовишься?

– Ну, если я подготовлюсь, – ответила Марина, – он же будет считать, что победил. Уж лучше я во второй четверти тройку получу.

Последний урок – математика. Зиновка задала самостоятельную работу – Лёва, как всегда, сдает свой листок первым, следом за ним – Ника, потом – Марина.

– Ты знаешь, – шепчет она Нике, – у Зиновки – роман с географом.

– Не может быть! – ужасается Ника. – Он же мерзкий.

– Я тоже так считаю, – кивает Марина, – но я точно знаю. Настоящий роман.

Весь день Ника недоумевает: что случилось? Почему Марина, еще вчера смотревшая мимо, сегодня разговаривает с ней, шутит, защищает от Оли и ее прихвостней? Может, раньше Марина присматривалась, а теперь разобралась и решила дружить? Неужели и у нее, Ники, впервые за полтора года будет настоящая подруга?

Было бы здорово, конечно.

После уроков девочки вместе выходят во двор. До начала декабря еще несколько дней, а весь двор уже засыпан снегом, только узкая тропка вьется между сугробами. Ника опять невольно вспоминает дом отдыха, здание с колоннами, заснеженные деревья, мамино раскрасневшееся лицо.

– Ты была когда-нибудь в гаражах? – спрашивает Марина.

– Нет, – отвечает Ника, – а что это?

– Клевое место. Пойдем, покажу. Подожди только минутку, я должна маме позвонить.

«Минутка» превращается в четверть часа: сначала не могут найти монетку, потом у Мариной мамы занято, потом автомат обрывает соединение на полуслове. Когда Марина заканчивает разговор, в раздевалке уже никого нет, кроме Ники.

Вместо того, чтобы тропинкой идти к воротам, девочки обходят школу, и Марина показывает Нике лаз в бетонном заборчике, где прошлой весной обвалилась одна секция. По колену увязая в снегу, Ника идет за ней следом.

Снег набивается в ботинки – мокро, но еще не холодно. Маринына спина впереди то удаляется, то снова приближается. Нике интересно, она не знает, куда они идут, но ей кажется: вот оно – нормальное приключение, как и должно быть в школе у любой нормальной девочки. Две подруги после уроков идут куда-то через сугробы.

Хорошо.

Наконец, они выходят на ровную дорожку. Марина, притоптывая, стряхивает снег с сапожек. Ника пробует сделать так же – нет, снег плотно облепил ботинки, не стряхнешь.

– Гаражи, – говорит Марина, – это что-то вроде лабиринта. Там можно даже заблудиться с непривычки – так что держись за мной и не теряйся.

Ника кивает. Надо же – лабиринт. Как интересно!

Они подходят к гаражам – скопищу низкорослых железных домиков, построенных на пустыре местными автовладельцами. Строили стихийно, кое-как, на протяжении последних десяти лет – и потому, в отличие от нормальных гаражей, здесь ни порядка, ни структуры. Занесенная снегом дорожка петляет между покосившимися ржавыми стенами. Марина идет быстро, то и дело сворачивая то налево, то направо, и Ника думает, что в самом деле вряд ли сможет одна найти дорогу назад.

Наконец, протиснувшись в узкий лаз, девочки оказываются на небольшой утоптанной площадке, с четырех сторон окруженной довольно высокими гаражами.

– Мы называем это «внутренний дворик», – говорит Марина, – как в замке.

– Клево, – соглашается Ника и, запрокинув голову, смотрит вверх. Небо сегодня голубое-голубое, без единого облачка. Только белая мушка самолета медленно ползет в синеве, оставляя за собой расходящийся реактивный след.

Пока Ника стоит задрав голову, Марина быстро отступает куда-то вбок, бесшумно открывает низенькую дверь и скрывается за ней. Мгновение – и Ника одна во «внутреннем дворике».

– Марина? – говорит она. – Ты где?

Голос звучит неуверенно: Ника догадывается, что ответа не будет.

– Марина! – еще раз зовет Ника.

Конечно, догадывается она, это еще одна шутка. Еще одно издевательство. Усыпить бдительность, втерется в доверие – а потом завести в лабиринт и бросить здесь одну. То-то Марина с Олей сейчас смеются над ней!

На этот раз Ника плачет. Ее никто не видит – и поэтому она может не сдерживать слез. Предательство Лёвы, Олины насмешки, теперь – предательство Марины. Что еще, что дальше?

Ника всхлипывает, вытирает слезы. Как бы поступила на ее месте Аннабель? Ну, по крайней мере не хныкала бы.

Ничего, говорит себе Ника, как-нибудь выберусь. Есть надежный метод как выбраться из лабиринта – все время поворачивать в одну и ту же сторону, скажем, направо. Долго, но зато наверняка. Не такие уж они большие, эти гаражи. Мы и шли-то всего минут десять – за полчаса точно выберусь.

Ника протискивается в узкий лаз – и в этот момент слышит топот ног. Кто-то бежит навстречу. Инстинктивно она пятится, опять продирается между заржавленных стен и возвращается во «внутренний двор».

Шум и голоса все слышней.

Наверное, Оля с подружками. Ничего страшного, думает Ника, по крайней мере, будет понятно, как отсюда выбираться, – и в этот момент в лаз протискивается Вадик, за ним следом еще пятеро пятнашек, бывших Никиных одноклассников.

Веселые, раскрасневшиеся от бега, они, похохатывая, окружают Нику.

– Ну, Кика, вот мы и снова встретились! – говорит Вадик.

Ника понимает: сейчас случится что-то страшное. Изгаженная сменка, утопленный портфель, даже испорченная юбка – все кажется теперь детскими шалостями, подготовкой к чему-то унижительному, мучительному, мерзкому. Она отступает на шаг и сжимает кулаки.

Вадик приближается, посмеиваясь и перекатывая в руках снежок. Но вдруг улыбка исчезает, сменяется изумлением, потом – испугом. Внезапно со всех сторон раздаются крики – крики торжества и ярости, боли и страха. Кто-то прыгает Нике за спину, хватая за плечи и тащит прочь.

10

Подробностей своего плана Марина не рассказала никому. Гоша знал, что ему нужно собрать побольше верных ребят, привести на крыши гаражей, расставить по периметру внутреннего дворика и – на всякий случай – вдоль подходов к нему. Все должны были запастись метательными снарядами и ждать, пока Вадик и прочие пятнашки попадутся в ловушку.

– Как ты их туда загонишь? – спросил Гоша.

– Не волнуйся, – ответила Марина, – это уже мое дело. Ты главное тихонько все сделай, чтобы Оля не пронюхала.

Все утро Гоша собирал свою армию. Семеро мальчишек из их класса, пятеро – из «б» и четверо – из «а». В последний момент к ним присоединились двое шестиклассников, узнавших об операции от старших братьев.

К гаражам подходили с задней стороны, на крыши залезали, подсаживая друг друга. Лёва догадался переложить всю сменную обувь в несколько мешков, а остальные наполнить льдышками и снежками – и так передавать боеприпасы на крышу. Через пятнадцать минут Гошин отряд был готов встретить неприятеля: семнадцать бойцов и у каждого – боекомплект на десять-пятнадцать выстрелов.

Сам Гоша отправился в дозор. Лежа на крыше крайнего из гаражей, он видит, как приближаются Марина и Ника. Марина широкими шагами идет впереди, Ника за ней едва поспевает. Вот они скрываются в лабиринте гаражей.

Стараясь не шуметь, Гоша по крышам пробирается назад к внутреннему дворiku, заглядывает внутрь: что за черт, Марины нигде нет! Ника растерянно стоит посреди вытоптанной площадки, испуганно озираясь по сторонам.

– Лёвка, – шепчет Гоша, – ты не знаешь, куда Марина делась?

– Нет, не знаю, – отвечает Лёва, – ты же велел мне не высовываться. Я вот лежу и жду команды.

– Что за фигня, – бурчит Гоша, – куда она запропастилась?

Вадик и его пятнашки как раз подходят к гаражам. Бойцы выбирают снаряды для первого броска.

– Без сигнала не стрелять, – шепчет Гоша, чувствуя себя настоящим командиром, таким Ардом Алуриным, со своими верными семнадцатью бойцами. Шепотом он отдает приказы: – Не высовываться! Ждать команды! Всем лежать тихо! Тихо, я говорю! Кто это там грохочет? Сказано же было – лежать!

В самом деле – по крышам прямо к ним несется еще один человек.

– Привет, вот и я, – говорит Марина.

– Как ты сюда попала? – спрашивает Гоша.

– Через заднюю дверь гаража, – объясняет она. – Это гараж Николая Ивановича, папиного знакомого. Я взяла у него ключи, сказала, не хочу лыжи в школе оставлять, попросила у него оставить – он зимой все равно машиной не пользуется. Ну, я вчера заранее дверь открыла, а когда Ника отвернулась, пролезла туда, через переднюю дверь вышла... и вот я здесь!

– Ты – здесь, а Ника – там? – почти кричит Лёва. – Они же сейчас прибьют ее!

– Не прибьют, – отвечает Гоша и шепотом командует: – Открываем огонь на счет «три». Прикрывайте меня и не попадите в девочку!

Гоша встает и с разбега – *раз, два, три!* – прыгает прямо во внутренний дворик. В тот же миг град льдышек и снежков обрушивается на пятнашек.

Гоша хватает Нику за плечи, прикрывая от метательных снарядов, летящих со всех сторон. Девочка брыкается, но Гоше удается затащить ее в дальний угол. Пытаясь выбраться из ловушки, пятнашки бегут к выходу, но, отталкивая друг друга от узкого прохода, еще плотнее сбиваются в кучу – отличную мишень для обстрела!

У выхода из гаражей разгромленный отряд Вадика поджидают Марина и Лёва.

– Ну что, Вадик, – кричит Марина, – ты все понял? Ты хорошо запомнил моих друзей, правда? Их самих, их младших братьев и сестер, домашних животных, если они у них есть, всех-всех-всех? Я тебя спрашиваю, Вадик: ты хорошенько запомнил?

На Вадика жалко смотреть: куртка разорвана, губа разбита, под глазом наливается фиолетовым огромный синяк. Он кивает и бурчит себе под нос:

– Ничего, мы еще встретимся...

Нападающие торжествующе кричат, пятнашки орут от ужаса и боли, Гоша тащит Нику в безопасный угол, девочка ничего не понимает. Все происходит слишком стремительно, слишком быстро, словно она не успевает за собственной жизнью, как когда-то – за папой, как сегодня – за Мариной.

Вжавшись в угол, Ника видит: ее недавние гонители сбились в кучу, словно стадо баранов, а неведомо откуда появившийся Гоша поднимает с земли льдышки и швыряет им вслед. Теперь она, кажется, понимает, что случилось: ее заманили в ловушку, а Гоша ее спас. От этой мысли Нике становится тепло и радостно, словно она вдруг попала в какую-то сказку, в книжку со счастливым концом, в добрый фильм о крепкой школьной дружбе.

– Спасибо, – говорит Ника.

– Чего? – переспрашивает Гоша.

– Спасибо тебе, – повторяет Ника, – что спас меня.

– Я? – удивляется Гоша. – Да я тут ни при чем. Это Марина все... – тут он замирает на секунду и, смутившись, добавляет: – Ну, неважно. Я потом расскажу.

Пятнашки уже покинули внутренний дворик, оставив на утоптанном снегу несколько варезек и одну вязаную шапку.

– Пошли, – говорит Гоша, – разберемся, чего там происходит.

Ника снова протискивается через узкий лаз – не одна куртка порвалась здесь сегодня! – и следом за Гошей возвращается тем же лабиринтом, каким сюда попала. Она пытается вспом-

нить древний миф о лабиринте, герое, чудовище и дочери местного царя. Герой – это, конечно, Гоша. Она, наверное, дочь царя. А чудовище? Чудовище – это все остальные: ее бывшие одноклассники, Оля, ее подруги, Лёва, Марина... Только она никудышная дочь царя – герою от нее никакой помощи.

Ника идет следом за Гошей и думает, что мифы ведь были придуманы еще до Проведения Границ и, значит, еще в те времена, когда Граница была прозрачной, мертвые могли свободно приходить к живым, а живые – к мертвым. Наверное, думает она, это была совсем другая жизнь. Наверное, тогда люди совсем иначе относились к смерти. Не как к вечной разлуке, а как к путешествию, что ли. Жил в одной стране, уехал в другую, захотел – вернулся, не захотел – остался, а твои друзья приезжают в гости к тебе.

Может быть, Проведение Границ – это вовсе не так здорово, как все говорят?

Хотя как же тогда Великая война, ромерос, фульчи и упыри?

Она не успевает додумать эту мысль – Гоша выводит ее из лабиринта.

На утоптанной площадке перед гаражами теснятся ее одноклассники, старые и нынешние, стоят еще какие-то ребята. В метре от нее Вадик – куртка разорвана, губа разбита, руки трясутся. Сполна получил, злорадно думает Ника – но в этот момент Гоша бежит к Вадiku – *это тебе за Лёву!* – и с криком *хэ!* с разворота бьет его ногой.

Это очень красивый удар. Раньше такие удары Ника видела только в кино. У нее даже сердце замирает – и в этот момент ей совсем неважно, кого и зачем бьет Гоша. Нике просто нравится картинка: мальчик в прыжке, одна нога согнута, другая вытянута в сокрушительном ударе.

– Эй, пацан, покажи класс! – кричит кто-то.

Вадик падает. Гоша наносит еще несколько ударов.

– Так его, так! – неожиданно для себя кричит Ника и замечает удивленный взгляд Лёвы. Что этот предатель делает, думает она и вдруг слышит позабытый знакомый голос:

– Что, Георгий, справился?

Ника оборачивается. Высокая девочка лет пятнадцати, почти девушка. Она одета в высокие ботинки, черные штаны и кожанную куртку с серебряными рисунками.

Ника сразу узнает ее: это же Аннабель, смертница, знаменитая девушка-боец. Когда-то Ника училась с ней в одной школе.

Сейчас Аннабель смотрит с презрением на Гошу.

– Приемчики показываешь, да? В уличной драке? Еще и дружков назвал полюбоваться! Или нет, не любоваться, а помочь – вдруг сам не справишься?

Ника оглядывается – остальные пятнашки уже разбежались. В самом деле, всё выглядит так, словно толпа окружила беззащитного Вадика, а Гоша избивает его, чтобы повеселить друзей.

– Лёля, – говорит Гоша, – я все объясняю!

– Дружкам своим объясняй, – отвечает Аннабель и, развернувшись, уходит, а Ника чувствует, что опять не успевает, а надо бы нагнать девушку и рассказать, как все было на самом деле, объяснить, что Гоша сегодня спас ее, что он здесь – единственный достойный человек.

11

– Мы за тебя отомстили, Шурка, – говорит Лёва, – мы поймали их всех и избили. самого главного Гоша вообще так отметелил – ты не представляешь! Я тебе говорил, что я с ним дрался? Нет? Ну, я хотел один на один, а они навалились всей кодлой, ну и конечно, справились. Я к Гоше тогда пошел, умыться там, привести себя в порядок. И мы поклялись, мы с Гошей и Марина, что отомстим пятнашкам – и за тебя, и за меня, и за других ребят. Да, другие

ребята тоже были, не только из нашей школы, вообще – они же над всеми издеваются, эти пятнашки.

У нас девочка в классе есть, Ника зовут, я тебе говорил, наверное. У нее еще рыбки дома в аквариуме. Так вот, она раньше в «пятнашке» училась, и тот же парень, с которым я дрался, издевался там над ней. Его Вадик зовут, тот самый, как ты и рассказывала. А у нас в классе есть девочка, Оля Ступина, страшно противная, и она с этим Вадиком знакома, оказывается. У их родителей дачи рядом или что-то в этом роде. И все, что мы придумывали, чтобы пятнашек наказать, она ему передавала.

Так Марина вот что сделала: она сказала Оле, что хочет разыграть Нику – отвести ее, ну, в одно место. Тебе не нужно знать какое, а то еще сама туда пойдешь, а мне от папы влетит. Короче, в одно место. Отвести туда Нику и там бросить. Типа вроде как шутка. А на самом деле Марина это придумала, чтобы Оля пятнашкам рассказала и они все туда прибежали. А мы там устроили засаду и вломили им! Мы их сначала обстреляли льдышками, а потом еще Гоша этому Вадик у добавил.

Короче, клево получилось! Марина здорово придумала.

Тут только одно нехорошо вышло – с этой девочкой, Никой. Марина же ей не сказала, что собирается делать. Почему? Ну, может, боялась, что Ника не согласится. И когда Ника оказалась одна, в этом месте, она страшно испугалась. Даже заплакала, представляешь?

И когда все уже кончилось, Гоша пришел к Марине и говорит: Марина, это неправильно, как ты поступила с Никой. Ты сказала, что это такой план: плохие люди могут сделать хорошую вещь (в смысле Оля сделала хорошую вещь, завлекла пятнашек в засаду). А получилось наоборот: хорошие люди могут сделать плохую вещь.

Это Гоша Марине сказал, про хороших людей. В том смысле, что мы все, хорошие люди, сделали плохую вещь – бросили Нику одну, напуганную и беззащитную. И я считаю, сказал Гоша, ты должна перед Никой извиниться.

Ты представляешь: Марина – и извиниться? Она ни перед кем не извиняется, ни перед учителями, ни перед родителями. Нет, я не говорю, что это правильно, я просто рассказываю. Марина ни перед кем не извиняется, а Гоша говорит: *ты должна перед Никой извиниться*. Ника у нас только с этого года учится, а Марину вся школа уважает – и тут ей извиняться, представляешь?

Гоша – молодец, я считаю. Ну, я тоже чувствовал: что-то не так в этой истории, и Нику мне тоже было жалко, но мне так понравилось, как Марина все придумала, чтобы нам пятнашкам показать, что к чему, – короче, я и забыл про все. А Гоша – он не такой, он все-таки очень справедливый и очень смелый. Я думаю, это потому, что он сильный и спортом занимается. Тебе тоже надо в секцию какую-нибудь пойти, кстати. Ты скажи маме, куда ты хочешь, она тебя во Дворец Звездочек устроит. Там, говорят, клево, тебе понравится.

Я как считаю? Я тоже считаю, Марина должна извиниться. И ты тоже так думаешь? Эх, Шурка, здорово все-таки, что нас у мамы с папой двое! Вот Марина, Гоша, Ника – у них ни братьев, ни сестер. У Гоши только этот, Илья, двоюродный брат, который в кино снимается. Он не здесь живет, я его и не видел ни разу.

Короче, я думаю, им всем должно быть очень одиноко. Мы вот ложимся вечером спать – и можем всегда поговорить друг с другом. А им с кем говорить? Ну, Маринке разве что с кошкой, а рыбки Никины так даже и звука в ответ не издадут. Это как если бы я с Миной разговаривал. Она же ничего не понимает – ну и кошка с рыбками тоже. Даже родители не всегда понимают – это потому что они взрослые, да? Взрослые ведь многого не понимают. А ты вот меня понимаешь, я знаю. И я тебя понимаю, правда?

– Правда, – говорит из своей кровати Шурка, – ты понимаешь. Но я одного боюсь: когда потом станешь взрослым – ты же перестанешь меня понимать?

– Ну, – отвечает Лёва, чуть задумавшись, – ты же потом тоже станешь взрослой. И мы снова будем понимать друг друга. Не такая уж большая у нас разница в возрасте, перерыв совсем небольшой будет.

Ника всегда считала: классный час – самый скучный урок. В лучшем случае расскажут про никому не нужные мероприятия типа похода на Белое море с географом-коротышкой, в худшем – будут пересказывать последние новости из газет или обсуждать, кто нарушал на этой неделе дисциплину и как он должен быть наказан.

Ника грызет ногти на левой руке, безучастно глядя в пустоту. Ей кажется: сегодня весь класс ее избегает. Только Гоша сказал: привет! – и тут же отвернулся. Все остальные вообще мимо смотрят – даже Оля с подружками. Ну, насчет Оли можно, конечно, только порадоваться.

Ника оборачивается к окну: сплошная белая пелена падающего снега. Краем глаза она видит Марину – и замечает, что сегодня соседка сидит в ее, Никиной, позе: руки скрещены, взгляд сосредоточен. Только Марина при этом еще и закусила прядку каштановых волос, а вот Ника до сих пор заплетает косички – даже если бы хотела, у нее бы так не получилось.

Павел Васильевич спрашивает, есть ли у кого-нибудь вопросы.

Марина поднимает руку.

– У тебя вопрос, Марина? – спрашивает учитель.

Павел Васильевич единственный из учителей не зовет Марину «Петрова»: как-то раз она сказала ему, что не любит свою фамилию, мол, слишком обычная – вот он и запомнил.

– Нет, Павел Васильевич, – говорит Марина, – у меня, скорее, сообщение. Можно я выйду к доске?

– Да, пожалуйста.

Ника смотрит на Марину. Несмотря на вчерашнее предательство, Марина ей все-таки нравится. Наверное, Ника хочет быть на нее похожей. Сразу видно: Марина не из тех, кто не поспевает за собственной жизнью.

– Ребята, – начинает Марина, и Ника слышит, как тихонько хихикнула Оля. Марина тоже слышит и повторяет еще раз с нажимом: – Ребята, мне кажется, последнее время у нас в классе происходит что-то нехорошее.

В классе поднимается недоуменный гул. Даже те, кто до этого играли в «морской бой», отложив ручки, смотрят на Марину.

– Я не буду говорить о других, – продолжает она, – я скажу о себе. Вчера я совершила поступок, за который мне стыдно. Я хотела наказать подлость – и мне это удалось, – но при этом я сама совершила подлость. Да, я предала человека, который мне доверился. Многие из вас знают, что я имею в виду. Некоторые присутствовали при этом, другим, наверное, уже рассказали. Я завела нашу одноклассницу в неприятное, опасное место – и бросила там одну. Да, бросила ненадолго. Да, рядом были друзья. Но я даже не предупредила ее. Неважно, почему я поступила именно так, – я не хочу оправдываться. Сейчас, стоя перед всеми, кто знает об этой истории, стоя перед всем нашим классом, я хочу извиниться. Я хочу извиниться перед Вероникой Логиновой за то, что случилось вчера. Прости меня, пожалуйста, Вероника.

Ника замирает. Ей кажется: у нее никто и никогда не просил прощения. Она просила – у мамы, у папы, у тети Светы, у учителей, даже у одноклассников, которые смеялись и издевались над ней, – да, она просила прощения, а у нее – никогда. Это также невероятно, как если бы Аннабель из ее старой школы сама заговорила с ней.

Ника в недоумении: она не знает, что она должна делать.

Весь класс смотрит на нее.

Она поднимается, сама не зная, что собирается сказать.

– Спасибо, Марина, что ты извинилась... – говорит наконец Ника. И, решившись, добавляет: – И спасибо Гоше, который меня вчера спас.

Ника садится. С соседнего ряда доносится: а чего случилось-то? Павел Васильевич смотрит на класс – молча и очень внимательно. Марина по-прежнему стоит у доски.

– И вот еще одно, – говорит она. – Я сказала вначале «ребята», и кое-кто рассмеялся. Я не знаю, как мне следует обращаться к вам всем. Я бы хотела сказать слово «друзья», но это было бы неправдой. Потому что здесь есть люди, которые не друзья мне и никогда ими не станут. Но я хочу сказать всем – и в первую очередь этим «недрузьям»: Вероника Логинова – мой друг. Кто обидит ее – обидит меня. Кто оскорбит ее – оскорбит меня. Кто будет смеяться над ней – тот станет моим врагом. А вы все знаете: я не прощаю своих врагов.

Марина смотрит прямо в лицо Оле, та опускает взгляд. Марина возвращается на место, и Павел Васильевич медленно произносит:

– Да, Марина, ты сегодня удивила и меня. Вы знаете, я многое повидал. Я воевал по эту и по ту сторону Границы. Я видел людей, совершавших подвиги, о которых они и подумать не могли накануне. Я видел героев, которые еще вчера были обычными людьми. Я видел смельчаков, которые недавно были трусами. И каждый раз это потрясало меня и заставляло гордиться тем, что я – человек, тем, что я – живой. И то, что я увидел сегодня, станет для меня в одном ряду с ратными подвигами моих товарищей. Я горд тем, что я сегодня с вами, здесь, в этом классе. Я горд за вас, ребята, горд за Марину Петрову, за Веронику Логинову, за их друзей, за их одноклассников, за всех, кто может многому научиться у этих девочек. Я имею в виду не только умение признавать свои ошибки, не только умение прощать, но прежде всего их искренность и смелость.

– Выходит, мы с тобой здесь самые клевые? – шепотом говорит Марина, и Ника чуть слышно хихикает.

В раздевалке Гоша подводит Лёву к Нике.

– Послушай, Ника, – говорит он, – спасибо тебе, ну, за то, что ты про меня там сказала. Но я хочу тебе сказать, что ты вот думаешь, это Лёва не сдержал слово? Ну, короче, это неправда: это не Лёва разболтал про твоих родителей, это Вадик рассказал Оле – они же, оказывается, давно знакомы. На этом его, кстати, и поймали вчера.

И Лёва с Никой пожимают друг другу руки, и вот уже они стоят на крыльце школы, все четверо. Снег шел весь день и к вечеру на школьном дворе лежит ровным белым покровом. Не осталось никаких следов – словно и не бегали весь день школьники, не приходили и не уходили учителя, не забирали первоклашек родители. Перед ними – чистое белое поле.

И Ника чувствует себя так же – очищенной, свободной от всего, что случилось. Она стоит рядом с тремя своими одноклассниками, с тремя своими друзьями и чувствует: на этих людей она может положиться во всем.

А снег все идет, все падает на школьный двор, падает на город – и только с главной башни страны сияет заключенная в круг серебряная звезда, сияет, словно бессонный маяк, указующий путь всем живым.

12

– Это ты первая сказала, что Дэдэ – шпион, – говорит Гоша.

– Нет, это Лёва, – отвечает Ника, – я точно помню. Мы с ним были в зоомагазине, и он сказал, мол, Дэдэ шпион, потому что водит всех в какие-то странные походы.

– Не говорил я этого, – оправдывается Лёва. – Ну, или я пошутил, а ты поверила.

– Я – поверила? – возмущается Ника. – Это же Гоша его выслеживал, а не я! Я вообще об этом впервые слышу!

– А что я? – говорит Гоша. – Мне Лёва сказал, что ты сказала, что Дэдэ – шпион.

– Глупости все это, – не выдерживает Марина, – с чего вы взяли? Почему шпион? Просто – сволочь.

Они сидят на полу в Мариной комнате. Гоша только что рассказал Нике, как он тогда выслеживал Дэдэ и выяснил, что с ним дружит Зиночка: не такой уж большой секрет, если честно.

– Зато было интересно, – говорит Гоша. – Знаете, как трудно выслеживать человека? Особенно в метро! Садись в соседний вагон и все время боишься, что он выйдет на остановке, а ты не заметишь.

Ника смеется:

– Но ведь ты его выследил в конце концов?

– Ну да, – кивает Гоша, – выследил и даже наблюдательный пункт оборудовал. Там рядом заброшенный дом за забором – ну, я туда и пролез.

– Старый дом? – спрашивает Ника.

– Ну да, еще до Мая. Он заколоченный стоит, я внутрь не ходил.

– Вот в таких домах и водятся привидения, – говорит Ника.

– Да-да, – кивает Лёва, – ты говорила: у тебя девочки из школы видели однажды белесое облачко.

– Здоровско, – говорит Марина. – А где видели-то?

– В доме, – отвечает Ника. – В заколоченном и старом, я же говорю.

– А может, в Гошином доме тоже водятся привидения? – спрашивает Лёва.

– Точно, – говорит Гоша, – мне даже показалось, кто-то оттуда смотрит.

– Наверное, Дэдэ, – невинным тоном замечает Лёва.

– Не, – отвечает Гоша, – Дэдэ через дорогу живет, не может он в этот дом попасть.

– А по подземному ходу?

– Или по тайной подвесной дороге? – добавляет Марина.

– Да ну вас, – отворачивается Гоша.

– Ладно тебе, – говорит Марина. – Давайте лучше сходим в этот дом – привидение поищем.

Все знают: найти дом с привидением – только полдела. Главное – выманить привидение. Привидения, самые робкие среди мертвых, обычно живых боятся и сами в контакт не вступают. Поэтому у каждого охотника за привидениями – свой набор специального оборудования, это в любой книжке написано. Правда, в книжках не рассказано, где найти все эти прекрасные вещи и вообще – существуют ли они на самом деле или выдуманы для большей увлекательности сюжета. Впрочем, насчет двух приборов Лёва уверен: для того чтобы обнаружить привидение, отлично подходит *дэдоскоп*, а растормошить их и вытащить на всеобщее обозрение легко можно с помощью магнитной свечи и звезды в круге.

Магнитная свеча, объясняет Лёва Нике, на самом деле никакая не свеча. Это электронный прибор, который работает на принципе свечи, то есть там есть фитиль и его надо поджечь. А дальше вокруг прибора возникает специальное электромагнитное поле, которое притягивает мертвых – привидений в частности.

– А звезда в круге зачем? – спрашивает Ника.

– Как зачем? – удивляется Лёва. – Резонатор, как всегда. Нам это на физике объясняли, ты, что, не слушала?

Ника не очень уверена, что им объясняли именно про это, но Лёва так уверен в своей правоте, что с ним не хочется спорить. Ну, резонатор так резонатор, главное, чтобы сработало.

– И где мы возьмем магнитную свечу? – спрашивает Марина.

– Украдем в кабинете физики, – предлагает Гоша, – там точно есть, я видел. В шкафу в лаборатории лежит несколько штук. Можно туда заскочить на перемене, когда в классе никого нет, и одну позаимствовать. А потом вернем – никто и не заметит.

– А дэдоскоп где возьмем? – спрашивает Лёва.

Дэдоскоп все много раз видели в кино. Небольшой стеклянный шар, около двадцати сантиметров в диаметре, внутри – подвешенная на тонкой нити серебряная рамка. При обнаружении мертвых – в том числе мертвых предметов – рамка начинает вертеться. Чем ближе мертвый, тем сильнее вращение. Принцип «горячо – холодно».

Массовое производство таких дэдоскопов было налажено в первые месяцы войны. С тех пор появилось множество новых моделей, но достать их почти невозможно: такие приборы засекречены и, в отличие от магнитных свеч, в школы не поставляются.

– Ну что? – говорит Марина. – Пойдем с одной свечой и будем во всех комнатах рисовать звезды, пока не получится?

Ей очень нравится новая игра: заколоченный дом – это здорово, даже если никакого привидения внутри не обнаружится. Все равно веселей, чем выслеживать Дэдэ. Мальчишки все-таки совсем помешались на своих шпионских играх.

– Придется так и сделать, – грустно говорит Лёва.

– Чем дольше искать, тем интересней находить, – говорит Марина.

– Если честно, – подает голос Ника, – я подозреваю, у тети Светы найдется такой дэдоскоп. У нее в шкафу целая коллекция всякого военного оборудования. Говорит, боевая память.

– Ух ты! – говорит Гоша.

– Да, – кивает Лёва, – с дэдоскопом мы это привидение в два счета найдем!

– Осталось понять, что мы после этого с ним будем делать, – замечает Ника.

– Неважно, – говорит Марина, – главное – начать, а потом разберемся.

13

Перед ними – чистое белое поле.

Только кое-где торчат высохшие стебли борщевика да несколькими холмиками возвышаются засыпанные снегом кусты.

Они стоят рядом, все четверо. За спиной – дощатый забор, с колючей проволокой наверху, с одной оторванной доской. За забором – переулочек. В переулочке пусто. Проедет редкая машина – и снова тишина.

Перед ними – чистое белое поле. По ту сторону – черный, пустой, заколоченный дом.

– Ну что, пошли? – говорит Марина.

Как-то само собой выходит: она то и дело оказывается за главную. Лёва захотел поиграть в шпионов, Гоша нашел дом, Ника сказала про привидений, а Марина все время только посмеивалась – но в конце концов все равно оказалась главной.

Сейчас, когда от дома их отделяет всего несколько шагов, Марина понимает: ни у кого из них нет ни малейшего представления, что они будут делать, если в самом деле увидят привидение. Будут держать пленником? Попросят отдать какой-нибудь клад?

Ладно, думает Марина, там видно будет.

Осторожно она делает первый шаг – и сразу проваливается по колено в снег.

Теперь, когда они подошли к самому дому, Марине вдруг становится не по себе. Ей кажется: кто-то смотрит на нее через щели в заколоченных ставнях, словно сквозь приоткрытые веки. Тяжелый, недобрый взгляд. Взгляд человека, который не до конца проснулся.

Взгляд человека, которого сейчас разбудят.

Гоша подцепляет гвоздодером доску. Хруст взрезает морозный воздух. Ника вздрагивает.

За ставнями – разбитое окно.

– Полезли, – говорит Марина, почему-то – шепотом, словно тоже боится кого-то разбудить.

Гоша с Лёвой подсаживают девочек, потом, подтянувшись, влезают сами.

В пустом доме темно и страшно – словно поздней ночью в детской спальне.

– Гоша, фонарик, – шепчет Марина.

Гоша вынимает из рюкзака походный фонарь, нажимает кнопку.

В узком луче света появляется его встревоженное лицо, потом – рыжая шевелюра Лёвы, за ней – мелкий цветочек выпавших обоев, темный прямоугольник на месте исчезнувшей картины, поломанный шкаф, забитое окно...

Здесь нечего бояться, говорит сама себе Марина, здесь никого нет.

Только пустой темный дом.

Пустой темный дом, который несколько минут назад смотрел на нее сквозь глазницы полуприкрытых окон. Смотрел как живой.

А может быть – как мертвый?

Марина слышит шорох и тут же – резкий визг, под самым ухом.

Это Ника.

– Меня что-то коснулось, – говорит она.

– Извини, это я, – сознается Лёва.

– А я думала – призрак, – шепчет Ника.

Никто не отвечает, все молчат, стоят неподвижно. Ждут, когда глаза привыкнут к темноте.

– Ничего не выйдет, – собравшись с духом, говорит Марина. – Давайте зажжем свечи, а то не видно ни черта.

Изнутри дом не такой уж большой: несколько комнат, расположенных анфиладой, одна за другой. Марина и Гоша расставляют свечи, Лёва достает из рюкзака дэдоскоп и передает его Марине. Она медленно идет по комнатам. Рядом – Гоша, подсвечивает прибор фонариком, на всякий случай, чтобы не пропустить малейшее колебание рамки.

Марина не сводит глаз с серебристого прямоугольника – потому что со всех сторон клубится тьма, дрожат тени. Доски скрипят под ногами.

Дом смотрел на Марину сквозь ставни – и, пройдя через разбитый «глаз», они попали внутрь. Покосившиеся стены, кривой пол, проходы между комнатами – как извилины гигантского спящего мозга, по которому они ползут крошечными насекомыми.

Чувствует ли спящий мозг щекотку? Может ли он пробудиться?

В первых комнатах – ничего. В третьей рамка начинает слабо вибрировать – Марина замирает, Гоша медленно поводит фонариком.

Шорох в углу – и Ника вцепляется Лёве в руку, чтобы не закричать. Лёва замирает, не то от прикосновения Никиной руки, не то от сжимающегося в животе ледяного комка.

Луч шарит в углу, два слабых огонька вспыхивают в ответ – что-то серое мелькает в круге света и скрывается в темноте.

– Крыса, – говорит Гоша.

– Посвети на прибор, – просит Марина.

Рамка по-прежнему подрагивает.

– Вряд ли это была мертвая крыса, – говорит Лёва. – Давайте запомним место и пойдем дальше.

В четвертой комнате рамка дрожит, в пятой – начинает крутиться, а в последней комнате – видимо, в бывшей спальне – уже трепещется, словно бабочка, бьющаяся о стекло зажженного фонаря.

– Значит, здесь, – говорит Лёва. – Давайте зажжем еще свечей и начнем.

– Свечи кончились, – сообщает Гоша.

– Перенесем из первых комнат, – предлагает Марина.

Все согласно кивают, но никто не двигается с места – кому же хочется одному идти назад, а потом возвращаться, оставляя за спиной темноту опустевших комнат?

– Что, жребий будем кидать или всем скопом пойдем? – ехидно спрашивает Марина.

– Один справлюсь, – бурчит в ответ Гоша.

Он проходит пятой, четвертой, третьей комнатой (той, где рамка впервые завертелась, где их напугала крыса), потом второй и оказывается наконец в первой. Одну за другой Гоша собирает свечи и возвращается: третья, четвертая, пятая, спальня.

– Принес, – говорит он и протягивает свечи Марине.

Ника смотрит на мальчика с восторгом. Гоша этого не замечает.

Марина зажигает свечи и старается не думать о том, как лучи света, должно быть, просачиваются наружу сквозь щели в ставнях – словно взгляд чуть прикрытых желтых глаз.

Взгляд кошки, подстерегающей мышь.

Теперь, когда комната освещена, они видят небольшую кушетку, стол у окна, глубокое кресло.

– Наверно, это все-таки кабинет, а не спальня, – говорит Лёва.

– Ну, значит, привидение больше любит работать, чем спать, – отвечает Гоша.

Не привидение, вдруг понимает Марина, нет, не привидение. То, что скрывается здесь, – вовсе не привидение.

Она сама не знает почему.

Лёва достает из кармана мел и, определив место, где рамка крутится сильнее всего, рисует на дощатом полу звезду, заключенную в круг. Потом вынимает из рюкзака магнитную свечу, осторожно устанавливает ее в центр круга и зажигает.

Сначала они слышат только дыхание друг друга, а потом раздается далекий треск – словно в глубине дома что-то рухнуло. Хлопает дверь, одна, затем – другая. Резкий порыв ветра задувает несколько свечей – и Марина понимает: все остальные свечи в доме точно так же потушены. Эта комната – единственный островок света в пустом и темном доме.

И из этой пустоты и тьмы на них надвигается нечто – с треском, шумом, хлопаньем.

– Мне кажется, мы делаем что-то не то, – неуверенно говорит Гоша, – привидения так не появляются.

– Мы сделали все по инструкции, – дрожащим голосом отвечает Ника.

– Похоже, это не привидение, – говорит Марина.

Дверь кабинета с грохотом захлопывается – и тут же рушится на пол вместе с вырванным из стены дверным косяком.

– Мы точно делаем что-то не то, – повторяет Гоша.

– Не то или не там, – перебивает его Лёва. – Мы ведь думали, что это – дом с привидениями?

– А разве не похоже? – спрашивает Ника.

– А если это дом с привидениями, – старается перекричать грохот Лёва, – скажи мне, зачем здесь колючка поверх ограды?

– На всякий случай? – предполагает Гоша.

Марина молчит.

Это клетка, думает она, *она* было в клетке, а теперь мы открыли ее.

– Нет, это не случайно, – говорит Лёва. – Колючка – потому что этот дом охраняют. Или – охраняли когда-то.

– Дома с привидениями никто не охраняет, – говорит Ника.

– Да, – кивает Лёва, – вот поэтому здесь и нет привидений. Этот дом охраняли, потому что здесь проходит Граница.

– И сейчас мы ее открываем! – кричит Гоша и ногой сшибает магнитную свечу.

Но уже поздно: дощатый пол внутри круга вспухает, как огромный деревянный нарыв, – и лопается, щепки летят во все стороны, как брызги прорвавшегося гноя. Одна из них втыкается Нике в щеку – крик, на коже проступает несколько капель крови.

Волдырь лопается, столб зеленоватого света бьет в потолок, и вот внутри столба уже проступают слабые очертания.

Ника кричит где-то рядом, но Марина смотрит во все глаза, как постепенно гаснет зеленоватый свет, неясный контур обретает плоть, призрак – тело, и вот кто-то стоит внутри мелового круга, с трудом балансируя на краю образовавшегося провала.

Худощавый, мускулистый, со светлыми, падающими на глаза волосами, чуть выше Марины ростом, в белой футболке и синих джинсах.

Первый мертвый, которого она видит в жизни.

На его лице – смятение. Он разлепляет бледные губы, слова мертвого языка отдаются тихим шелестом, потрескиванием досок, шорохом по углам.

Лёва и Марина сразу понимают – да тут и переводить нечего, все ясно!

Мертвый протягивает к ним руки и говорит:

– Спасите! Умоляю, спасите меня!

И, услышав это, Марина замирает – но не от слов, а от голоса: ломающегося, нетвердого, неуверенного.

Не голос взрослого – голос мальчишки.

[Интермедия]

Цветущий кизил

Розе Борисовне не спится. Луна светит сквозь занавески огромным, круглым глазом. В тишине квартиры часы тикают так громко, что, кажется, сейчас всех разбудят: Сонечку, Феликса, Лёвушку, Шуру.

Но нет – все спят. Одна только Роза Борисовна не спит. Смотрит в темноту, слушает ночь.

Ночь совсем не изменилась за семьдесят лет. Всё как в детстве: перевернешь подушку холодной стороной вверх, лежишь, слушаешь, как тикают в тишине часы, смотришь, как светит сквозь занавеску луна.

Какая луна была в Майбаде, вспоминает Роза Борисовна, круглая, огромная, волшебная! Словно космический корабль плыла она над пустыней, лишь иногда отражаясь в мелкой воде арыка.

Когда они с Мариком и маленькой Сонечкой приехали в Майбад, Розе сразу понравился этот арык. Кругом шум, крики, жара, все на нервах, женщины рыдают, мужчины кричат, дети плачут – и только вода неспешно течет меж двух обсаженных деревьями берегов. Роза тогда решила: как-нибудь обязательно надо прийти сюда, сесть, посмотреть на воду, подумать, помечтать...

Два года прожили они в Майбаде – но, честно говоря, было не до посиделок: дай бог Сонечку прокормить. Хорошо еще, у Марика был нормальный паек – все-таки главный инженер секретного завода, не кто-нибудь! Но, конечно, Роза все равно искала, где бы подработать, – жалко только, работы для нее не было: хлопок собирать она не умела, а мертвые языки – кому они были нужны? Особенно если на дворе война и все мертвое вызывает ненависть и страх.

Не то что теперь! Каждый день, когда Роза Борисовна выходит погулять, она видит школьников, возвращающихся домой, – и у каждого хоть какая-нибудь мертвая вещь: то портфель, то джинсы, то куртка. Хотя бы *многоэтиленовый* пакет с рисунком, рекламой тех же джинсов или, того хуже, сигарет. «Мальбрук», «Верблюды»... Только после войны она такие и увидела: солдаты привозили в качестве трофеев, продавали на рынках. Но это уже было, когда из Майбада домой вернулись. Слава богу, было, куда возвращаться: их дом уцелел в войну, не то что у соседки, тети Поли!

Они такие счастливые, эти дети. Когда Сонечке было столько же, сколько сейчас Лёве, страна все еще залечивала раны. С едой, конечно, получше стало, но свои платья она Сонечке перешивала, считай, до самого выпускного. Трудная была у них жизнь, это правда. Но, наверное, тоже счастливая.

Потому что они всегда были вместе: она, Марик и Сонечка.

Роза Борисовна хорошо помнит тот день, когда она принесла домой маленькую Сонечку. Был праздник, двадцать лет Проведению Границ. Весь город был в голубых знаменах, люди несли огромные букеты цветов, пели песни, смеялись. Казалось – вот, удалось за двадцать лет построить новую, прекрасную жизнь!

Никто ведь не знал, что через четыре года – война. Вот все и радовались, веселись. Праздничные шествия, цветы, знамена – и Розе казалось, что это немножко в ее честь, в честь ново-рожденной Сонечки. Соседка, тетя Поля, так и сказала: прекрасно, что Сонечка родилась в такой день, мы ведь как раз для этого и проводили Границу, чтобы живые дети рождались и были счастливы!

Тетя Поля была заслуженный пограничник, до Проведения лет десять провела в подполье. Лёвушка, когда был маленький, все читал книжки о Проведении Границ, и не в одной, так в другой, обязательно была такая вот Полечка: молодая, задорная, смелая. Роза Борисовна всегда Лёве про нее рассказывала, когда он приставал: бабушка, расскажи, как было до Проведения Границ, ты же помнишь!

Но она – ни в какую. Лучше про тетю Полю рассказать: чужие истории пересказывать проще. А сама она – что вспомнит? Когда Границы провели, ей было как Лёвушке сейчас, совсем девчонка. Она и позабыла все, что было до того, – словно у нее самой провели внутри Границу и отсекли все, что по ту сторону. Или она сама эту границу провела, кто знает?

Нет, конечно, кое-что Роза Борисовна помнит: улыбающуюся маму в строгом платье, серьезное папино лицо в ореоле иссиня-черной бороды, серебряный подсвечник с пятью свечами, книжку Дюмаса о приключениях мушкетеров – свежую, только что переведенную...

Но что об этом рассказывать? Дюмаса Лёвушка и сам читал.

А теперь, гляди-ка, мальчик вырос – другие вопросы пошли, не чета детским. Совсем уже взрослые вопросы, если говорить начисто. Вот, сегодня пришел из школы, спрашивает:

– Скажи, бабушка, ты вот часто дедушку Марика вспоминаешь?

Тут, конечно, ответила, чего ж не ответить:

– Часто, Лёвушка, часто. Мы ведь, почитай, полжизни вместе прожили, тридцать с лишним лет были вместе. Часто я его вспоминаю, хотя вот уже давно его нет с нами.

Лёвушка помолчал, а потом снова спрашивает:

– А как ты думаешь, дедушка Марик стал хорошим мертвым?

– Конечно, хорошим, – ответила Роза Борисовна, – как же иначе? Разумеется, хорошим.

Лёвушка замялся, чувствуется – хочет еще спросить, но не решается. Роза Борисовна ему улыбнулась, вихор пригладила, посмотрела выжидающе: давай уж, спрашивай, чего там.

– А почему? Почему ты так думаешь? Ведь никто не знает, отчего это зависит: хорошим мертвым человек становится или плохим?

Ну, Роза Борисовна, конечно, стала объяснять про то, каким человеком был Марик, как он любил Сонечку, как ненавидел мертвых, как допоздна работал на секретном заводе, всю

жизнь – и здесь, в столице, и в Майбаде, куда они в эвакуацию поехали. Как же такой человек может стать плохим мертвым, посуди сам?

Лёвушка кивнул, ответил: да, в самом деле, конечно, бабушка, – и ушел читать книжку или решать свои задачки, но Роза Борисовна чувствовала: не то она сказала, не то! Будто мало она слышала историй о людях, которые при жизни были, ну, чисто ангелы, а потом становились злее самых злых мертвяков. Нет, не про завод надо было рассказывать, не про Сонечку!

Уже вечером пришла она в детскую, Лёвушка сразу одеяло до носа натянул – будто бабушка не догадывается, что у него там книжка и фонарик спрятаны! Улыбнулась только, присела на край кровати, заговорила шепотом, чтобы Шуру не разбудить:

– Знаешь, Лёвушка, я тебе неверно днем сказала... про Марика. Я почему говорю, что все у него хорошо? Я ведь рядом с ним была, когда он уходил, за руку держала, в глаза смотрела. И, знаешь, взгляд у него был спокойный-спокойный, ясный такой, чистый. Улыбнулся он мне, сказал: *Ну что ты, не плачь, может, еще свидимся!* – и ушел. Понимаешь, Лёвушка, когда человек так уходит, все у него будет хорошо – это и в книгах во всех написано, и старики так говорили.

Правильно она сделала, что рассказала. Взрослый уже мальчик, пора понимать, как оно все устроено.

А сама-то ты понимаешь, как все устроено? спрашивает себя Роза Борисовна, лежа без сна на холодной подушке, глядя на круг луны по ту сторону занавески, слушая тиканье часов в ночной тишине.

Спрашивает – и сама себе отвечает: конечно, понимаю. Столько лет прожить – и главного не понять? Дура бы я была, если б ничего не понимала. Вот поэтому старикам уходить легче – жизнь позади, все повидали, всему научились. Это молодые уходят с криками, проклятиями, жалобами. Почему я?

Почему сейчас? Злыми уходят – и злыми становятся. Пусть даже всю жизнь прожили как надо, хорошими людьми – ничего им не поможет. Старикам легче – неслучайно, наверное, среди злых мертвых стариков почти нет.

Жалко, что в школе не учат самому главному: как уходить, когда придет время. Говорят, как я сегодня Лёвухе днем сказала: главное, мол, быть хорошим человеком. Откуда они это взяли? Почему-то когда читать учат или уравнения решать, никто не говорит: чтобы решать уравнения правильно, главное – быть хорошим человеком. А уйти правильно – не уравнение решить, не букварь прочесть, задачка-то посложней будет. Главная, почитай, задачка. Хорошему человеку, конечно, с ней справиться легче, чем плохому, это тоже верно. Но все равно: у необученного, несведущего, несмышленного – почти нет шансов. Все равно, что «Мир и войну» читать, не зная азбуки.

Не учат в школах самому главному, не учат. А я-то откуда знаю? Меня-то – кто научил? Ну конечно, я видела, как Марик уходил, это правда, я всегда у него училась, недаром он и старше меня был на пять лет. Но я ведь и раньше, еще в Майбаде, все про это поняла. Как же я об этом-то забыла?

Завод уже готовился к возвращению в столицу, Марик сутками пропадал то на вокзале, то в цехах, следил, чтобы все сделали как надо, нервничал, дергался. Слава богу, Сонечка уже ходила в школу, и Роза могла спокойно собраться и попрощаться с подругами. Впрочем, какое там спокойно: до самого последнего момента никто даже не знал, когда эшелон. Марик предупредил: скажут буквально за час, так что – будь готова, я мальчишку с завода пришлю, а ты хватай Соню, бери вещи – и на вокзал!

Вот Роза и сидела, ждала – когда прибежит мальчишка, даст команду, скажет «пора».

Мысли бились в ее голове, словно бабочки у стекла керосиновой лампы: хотелось скорей домой, но и жалко было покидать Майбад, расставаться с новыми друзьями, и страшно забыть что-нибудь важное, страшно, что там, куда они поедут, будет только хуже, ведь война все еще

продолжается, страшно за Марика и за Сонечку – и этот страх, это прощальное ожидание сводили ее с ума.

Но как-то утром на обратном пути из школы Роза вдруг свернула не к дому, а туда, где начиналась пустыня, где тек арык, так запомнившийся ей в первый день в Майбаде. Солнце уже начинало припекать, и Роза с облегчением спряталась в густую тень джиды и шелковицы, росших по берегам. Тут она и села, у самой кромки.

Желтый круг солнца отражался в спокойной воде. Пахло мятой, еще какими-то местными травами – Роза не знала их названий. Из растений она научилась различать только съедобные: ту же джиду с шелковицей, да еще кизил.

Сидя на берегу арыка, Роза вдруг вспомнила, как ее первой весной в Майбаде соседка позвала полюбоваться цветущим кизилом.

Роза удивилась. Кизил цвел по всему городу: издали похожий на огромную мимозу, он только вблизи показывал свои четырехлепестковые соцветья, ничем, кроме цвета, не напоминавшие пылящие-желтые бархатистые шарики, украшавшие первые весенние букеты. Еще вчера Розе и в голову бы не пришло на него любоваться – но соседка, Джамиля Мусатовна, так уговаривала – это обязательно нужно увидеть, и вам, и Сонечке! – что Роза подхватила девочку и пошла следом за соседкой в городской сад, где уже толпились местные жители в неизменных халатах и тюбетейках.

Было душно и многолюдно, Роза боялась, что Сонечка испугается, но вдруг толпа вынесла ее прямо к цветущему кусту – Роза увидела его, все поняла и замерла, очарованная.

В отличие от своих желтых собратьев, этот куст был усыпан сверкающими белыми цветами – словно весенняя вишня или яблоня, но еще прекрасней. Роза стояла, сжатая толпой, и не могла отвести глаз от сияющих вспышек белого света, окружавших худенький ствол, словно снежки, на мгновение замершие в воздухе.

А потом она услышала голос акына – и акын пел о том, что он пришел с самого края света, из легкого ветра, из той земли, где неизвестны слова. И там, в этой дальней северной земле, что древнее самой черной тьмы, там горит негасимый Кизиллов Свет, и всякий, кто увидит его, становится мал и слаб, словно ребенок, невинен и безгрешен, словно ребенок, прекрасен и незащищен, как новорожденный младенец. Кизиллов Свет, пел акын, это свет рождения и ухода, смотрите на него, смотрите на цветущее дерево здесь, на холме, но помните: это всего лишь отблеск Кизилова Света, что сияет в далекой северной земле.

И вот, сидя на берегу арыка и вспоминая песню акына, Роза вдруг как живого увидела своего деда, о котором не думала уже много-много лет, возможно, с самого Проведения Границ. Глядя на отражение солнца в спокойной воде, она вспомнила, что дед говорил ей, совсем еще маленькой девочке:

– Розонька, золотце, не бойся, когда придет время уходить. Просто помни: там, куда ты пойдешь, растет прекрасное дерево Сеф, у него двадцать две ветви и десять белых круглых цветов. Ясный свет исходит от него днем и ночью, хотя там нет ни ночи, ни дня. Доверься этому свету и ничего не бойся, когда придет пора уходить.

Розе пора было уезжать из Майбада – и нужно было довериться тому, что происходило. Она вдруг успокоилась, улыбнулась на прощание яркому солнечному отражению в тихой воде и пошла домой. На сердце было легко и радостно.

Цветущий кизил, думает Роза Борисовна, переворачивая подушку, цветущий кизил. Прекрасное дерево с белыми цветами, источающими чистый, ясный свет. Глаза уходящего Марика – да, в них был отблеск того самого света, его отражение.

Конечно, она уверена, что у Марика все теперь хорошо – и у нее тоже будет хорошо. Надо просто не бояться и ждать, когда Марик придет к ней гонца, и тот даст команду, скажет «пора».

Надо рассказать Лёвушке про цветущий кизил, думает Роза Борисовна, может, он сейчас и не поймет, но вспомнит, когда придет время.

Часть вторая

Загадки взрослых

1

Елка в центре школьного зала – словно космический корабль. Огромный, серебряный, устремленный вверх. Кажется, еще минута – и заработают дюзы, вырвется пламя, раскатится сверхзвуковой шум, елка пробьет потолок, выйдет в открытый космос, станет еще одной серебряной звездочкой в черном зимнем небе.

Когда Гоша был во втором классе, по телевизору однажды показали мультфильм «Тайна трех галактик». Там космонавты в сверкающих скафандрах со смешными круглыми головами путешествовали по другим планетам, отбивались от космических чудовищ и разоблачали мертвых шпионов, которые то и дело проникали на их корабль. Гоше безумно понравился этот фильм – и целый месяц он рисовал человечков с круглыми головами и огромные космические корабли.

Три месяца он ждал школьных каникул: в каникулы обычно еще раз повторяли мультфильмы, показанные во время четверти. В последнюю школьную субботу он прибежал домой и сразу кинулся читать телепрограмму в газете. Перечитал несколько раз – «Тайны трех галактик» не было. Как же так? Он ведь так ждал! Где-то в голове начали набухать слезы, Гоша сдерживался изо всех сил – он был уже взрослый мальчик, взрослые мальчики не плачут. Сидел нахохлившийся и красный как рак, мама даже испугалась – не заболел ли. Вставила серебряный градусник, уложила в постель, налила молока с медом, спросила, что случилось. Гоша знал: стоит ответить – и он разрыдается, поэтому буркнул совсем по-взрослому: ничего, все нормально. А мама погладила его по голове и сказала: *Ну, не болей, представляешь, как будет обидно проболеть все каникулы.* И тут Гоша вспомнил, как он ждал этих каникул, как надеялся на «Тайну трех галактик», как его обманули – и все-таки разрыдался.

«Тайну трех галактик» так и не показали снова – и как-то раз, уже в третьем классе, Гоша подслушал какой-то невнятный родительский разговор, из тех самых взрослых разговоров, которые, кажется, состоят из одних «сама понимаешь», «ах, вот оно как», «ну конечно», «уехали *туда*» и «слышали *оттуда*» и где слова явно означают не то, что обычно. Гоше всегда становилось тревожно, когда родители начинали так говорить – особенно, если дело было после вечернего выпуска новостей. И вроде бы родители ни слова не говорят об этих новостях – и вместе с тем понятно, что они именно о них и говорят, каким-то неприятным, чужим тоном, как будто намекая, что по телевизору только что сказали неправду, не ту правду, не совсем правду. Гоша обычно старался уйти к себе в комнату, стоило папе улыбнуться тем самым особым образом или маме сказать «ну конечно» – но и в кровати он все равно продолжал слышать отдельные слова и лишённые смысла реплики.

Именно в таком разговоре родители вдруг упомянули «Тайну трех галактик» – и Гоша понял, что об этом мультфильме лучше родителей не спрашивать, а в школе о нем не упоминать. Но сейчас, глядя на серебряную елку, он снова вспоминает космические корабли и круглоголовых космонавтов – и удивляется, чем ему так нравился когда-то этот мультфильм.

То ли дело «Неуловимый»! Или – фильмы об об-гру!

А еще елка напоминает главную башню – такая же высокая, красивая, точно так же увенчанная серебряной звездой, заключенной в круг. Когда-то на верхушках башен были орлы с

зигзагообразными перьями – их сбросили после Проведения Границ и вместо них установили звезды в круге.

Звезда – это символ Живого, символическая фигура человека. Руки, ноги и голова. Обод вокруг него – защита, оберег, Граница, проведенная, чтобы отделять живых от мертвых, защищать от упырей и зомби.

До Проведения Границ все, созданное живыми, принадлежало мертвым. В стране мертвых, той, что называют теперь Заграничьем, были построены огромные каменные пирамиды, куда свозили все, что делали живые. Когда человек становился мертвым, он забирал с собой все, что было у него при жизни. В древности – даже животных и близких людей, например, жен или детей. В школе они это еще не проходили подробно: древние времена проходят только в старших классах, а они пока только добрались до Мая. Впрочем, на уроке истории как-то рассказывали об этих обычаях – незадолго до Проведения Границ они еще оставались в отсталых областях. Как бы то ни было, живые тогда были только рабами мертвых – во всяком случае, так говорят в школе и пишут в книжках, но Гоша несколько раз видел, как скептически улыбался папа и подмигивала мама, стоило им услышать, как по телевизору говорят о том, что Май принес живым свободу.

Из тех же книг Гоша знает, что до Проведения Границ не было Нового года – был другой праздник, Возвращение, тот самый, в честь которого называют седьмой день недели. Этот праздник был посвящен Возвращению Мертвых – и когда Гоша был маленький, он думал, что речь идет о зомби, привидениях или даже мертвых шпионах, которые пересекают Границу, живут среди живых и вредят им. Теперь-то, конечно, он знает – мама объяснила, – что это было совсем другое Возвращение, когда одному мертвому удалось по-настоящему вернуться, снова стать живым. Его звали Бог, и когда сейчас люди говорят *слава богу!* или *ей-богу!* – это все осталось с тех пор, когда все живые верили в Бога.

Гоша и сейчас не может понять: что за смысл верить в мертвого, который вернулся? Вот если бы это был живой, который умел ходить к мертвым, как ходят орфеи или шаманы, – тогда другое дело!

Говорят, где-то в деревнях этот праздник до сих пор отмечают. Есть даже пророчество о том, что когда-нибудь всем мертвым удастся вернуться, снова стать живыми, тогда, мол, и наступит конец света. Когда во время войны мертвые перешли Границу, некоторые люди обрадовались, решили, что вот, сбылось все, что было предсказано, – и многие из них подались в приспешники мертвых, стали им помогать. Когда Павел Васильевич говорил об этих предателях, у него даже лицо менялось от ярости – видно было, что он их ненавидит даже больше, чем самих мертвых.

Мертвые – это мертвые, что с них взять? А предать своих – что может быть хуже?

Впрочем, мертвые тоже разные бывают. Теперь-то Гоша знает это лучше других: в самом деле, не у каждого мальчика есть свой знакомый мертвый! Тем более мертвый, которого он с друзьями сам вызвал.

Неделю назад, когда Майк первый раз появился в заколоченном доме, Марина, Ника, Лёва и Гоша поклялись, что никому об этом не расскажут – ни учителям, ни родителям, ни другим ребятам. Еще бы: они смогли открыть Границу, сделать в ней что-то вроде двери – и теперь через эту дверь к ним будет приходить мертвый! За такое, конечно, по головке не погладят.

Честно говоря, в тот, первый, раз они здорово испугались. Думали, увидят привидение – а появился настоящий мертвый. Наверное, если бы он был взрослым, они бы просто убежали и, как нормальные дети, рассказали бы обо всем милиции или сотрудникам Министерства по делам Заграничья, коллегам Маринино дяди Коли. Но это был мальчик – и, кажется, перепуганный даже больше, чем они сами.

Обычный мальчик – только одетый сплошь в мертвые вещи: кроссовки, джинсы, футболку. Светловолосый, взлохмаченный, с большими голубыми глазами на бледном, вспотевшем лице. Он выглядел совсем не опасным, он просто не мог оказаться шпионом или врагом – и еще он просил их о помощи, повторял, как заколдованный:

– Спасите, ради Бога, спасите!

Они замерли тогда, перепуганные – и только Лёва протянул мертвому мальчику руку и выдернул его из круга.

Сейчас Лёва вместе со всеми носится по залу вокруг елки. Это последний класс, когда они отмечают Новый год вместе с малышкой: восьмиклассники сегодня вечером пойдут на дискотеку, а Гошин класс топчется вместе с полутора сотней младших школьников на новогоднем маскараде – хотя какой уж тут маскарад, в седьмом-то классе! Вот было бы смеху, приди кто наряженный снежинкой или, скажем, космонавтом!

Разве что Марина, воспользовавшись случаем, пришла в своих знаменитых мертвых джинсах, сапогах на небольшом каблуке и клетчатой рубашке. Сказала: это ковбойский маскарадный наряд. Рыба только скривилась, но промолчала.

Сегодня Марина выглядит совсем взрослой – может, из-за каблуков?

Новогодняя елка напоминает еще девушку в длинном, широком платье. Серебряный дождик сбегает вниз, словно складки, разноцветные гирлянды висят рядами, как бусы, шары на кончиках ветвей – как перстни на пальцах.

Таких девушек описывают в книжках. Где-нибудь в далеких странах герой встречает вот такую красавицу – и влюбляется в нее. Все мальчишки читают об этом – и думают, что им тоже нужно влюбиться. Лёва вечно влюблен в кого-то и всегда рассказывает об этом Гоше под большим секретом. То это была девочка с их двора, то Марина, теперь, наверное, Ника – и Гоше каждый раз смешно слушать Лёвины рассказы. Лёва рыжий, нескладный, вовсе не похожий на героя книжек и фильмов – зачем ему влюбляться? Только смех один.

Из книжек Гоша знал: любовь – это когда все время думаешь о ком-то, представляешь себя рядом, волнуешься: что с ней, как она там? Это Гоше понятно: вот когда мама в командировке, как сейчас, он тоже за нее волнуется, тоже думает, что с ней. Папа говорит, уже неделю никаких вестей, ни звонков, ни телеграмм. Так, конечно, и раньше бывало – но Гоша все равно немножко беспокоится: вернется ли мама к Новому году, как обещала? Какой же Новый год без мамы? Еще хуже, чем без подарков.

Гоша смотрит на своих одноклассниц и думает: ни одну из них он бы не мог полюбить. Они все – обычные, обыкновенные. Может, это у них школа такая неудачная, может, просто с классом не повезло. Вот если бы с ним вместе училась такая девочка, как Лёля, – тогда другое дело.

Быть смертницей – это же круто!

Вот бы она удивилась, если бы узнала, что Гоша знаком с настоящим мертвым! Смертники только хотят быть как мертвые – а у Гоши есть настоящий знакомый мертвый.

Но Лёля об этом, конечно, не узнает – и не только потому, что это тайна и Гоша дал слово. Просто Лёля теперь с ним даже говорить не станет, после той истории с Вадиком. Гоша представляет, как это выглядело со стороны: всей шоблой на одного! И Гоша во главе, со своими приемчиками!

Нет, теперь с Лёлей ему лучше даже не встречаться.

Хотя интересно, как у Лёли в школе отмечают Новый год. Она, наверное, уже ходит на дискотеку, серебряные молнии и расколотые сердца сверкают в свете танцевальных ламп, ноги в высоких ботинках отбивают ритм – все как в кино.

Гоша вздыхает: настроение испорчено.

Новогодняя елка похожа на что угодно, только не на елку. Настоящие елки – корявые, неправильной формы, с изогнутыми ветвями. В лесу они растут так тесно, что мешают друг другу. Только иногда на полянах можно увидеть аккуратную симметричную елочку, а под ее корнями обнаружить очистки лущенных белками орехов, словно остатки от новогоднего конфетти.

Гоша часто бывает в лесу, с мамой и папой – он хорошо знает, что такое настоящие елки.

Почему-то он вспоминает, как несколько лет назад, в четвертом классе, они отправились в однодневный лыжный поход. Сначала долго ехали на электричке, с трудом запихнув лыжи на полку. За окном проносились заснеженные поля, сверкавшие солнечным серебром, Гоша читал книжку о детях-подпольщиках, помогавших готовить Проведение Границ (ту самую, в экранизации которой снимается сейчас двоюродный брат Илья), папа уткнулся в спортивную газету, мама сидела между ними, обнимая одной рукой Гошу, а другой – папу, и это было так здорово – вот они, все вместе, едут кататься на лыжах, – так здорово, что Гоша то и дело забывал про книжку, утыкался носом в мамину подмышку, вдыхал мамин запах и, кажется, от удовольствия даже жмурился немного.

Потом они долго шли на лыжах. Папа с рюкзаком впереди разведывал дорогу, то и дело убегал вперед и снова возвращался. Гоша шел, стараясь держать ровный темп, как его учили, а мама подбадривала, говорила:

– Молодец! У тебя очень здорово получается! – а потом они устроили привал, развели костер, растопили в котелке снег и сварили густой суп из пакетика...

Вот на этой прекрасной зимней поляне, окруженной елками, не похожими ни на что, кроме елок, папа и сказал Гоше, что они давно хотели с ним поговорить, что он теперь уже совсем взрослый и поэтому ему нужно знать: не все книжки – хорошие, часть из них плохо написана, и к тому же в них написана неправда. Почему-то Гоша сразу догадался, что речь идет о книжке, которую он читал в электричке, – но ничего не сказал, потому что папа рассказывал о том, что вовсе не все до Проведения Границ было так уж плохо. На самом деле во многом жизнь живых была лучше: они могли видеть своих мертвых, учиться у них, свободно торговать с ними. Неправда, сказал тогда папа, будто живые делали все для мертвых, ничего не имея взамен, – ведь до сих пор мы многое получаем от мертвых, а до Проведения Границ получали еще больше.

– Как вам объясняют в школе, почему мертвые вещи настолько лучше наших? – спросил папа.

– Это потому, – ответил Гоша, – что мертвые еще с дограницных времен накопили много ценностей. И во время войны еще много от нас вывезли.

– Чушь, – сказал папа, а мама засмеялась, – полная чушь. Если бы так, то зачем было бы столько институтов, которые заняты только тем, что отправляют в Заграницье ученых шаманов, чтобы те вывозили оттуда разные мертвые секреты и технологии? Откуда у нас появились телевизоры, и магнитофоны, и даже компьютеры? Их же все придумали мертвые, а мы только скопировали.

Дело в том, объяснил папа, что в старые времена мертвые накопили не материальные ценности, а знания. Знания всех живых в самом деле в конце концов достаются мертвым. Более того, у мертвых есть свое, особое, Знание – и до Проведения Границ живые могли им свободно пользоваться. Сейчас, конечно, тоже есть специальные люди, которые это Знание добывают – но раньше-то это могли делать все кто угодно!

– Мне бабушка рассказывала, – сказала мама, – люди собирались, садились в круг, брались за руки, а на стол ставили такой специальный самописец, задавали мертвым вопросы, и мертвые писали ответы.

– Про что? – спросил Гоша. – Про будущее?

– Про будущее тоже, – ответила мама, – но чаще про разную ерунду. Что надеть к празднику, будет ли дождь, что сейчас с каким-нибудь дальним родственником, от которого нет писем.

– Клево, – сказал Гоша, но при этом немного испугался.

Выходило, в школе говорят одно, а мама с папой – другое. Оказывается, великие изобретатели нашего времени, портреты которых висят в школьном кабинете технологии, – они сами ничего не изобретали, а только копировали или тайком привозили из Заграницья то, что сделали до них мертвые. Конечно, это тоже непростая работа, и отправляться в Заграницье за знаниями мертвых – опасно и страшно, но все равно получалось, что в школе говорят неправду. Во всяком случае, папа намекал именно на это.

Гоше было неприятно и немного страшно: он привык – во всех фильмах и книжках взрослые, которые говорят не то, что в школе, в конце концов оказываются злодеями и шпионами мертвых.

Мама и папа не могли, конечно, быть шпионами – и всю дорогу до станции Гоша думал об этом. Когда они сели в поезд, он прижался к маме, прошептал на ухо:

– Но ведь Май все равно был не зря?

Мама ответила:

– Конечно, – и Гоша сразу успокоился.

С тех пор прошло три года. Выяснилось, многие ребята знают, что на самом деле большинство изобретений сделаны мертвыми, а вовсе не живыми, как рассказывают в школе. Поэтому с мертвыми и приходится дружить, хотя вообще-то они – наши враги. Вот Маринин папа с ними торгует, а Рыба на одном из уроков рассказывала о подвиге ученого шамана, который вернулся из Заграницья слепым, но добыл рецепт лекарства от нового гриппа. У Рыбы получалось, что лекарство от гриппа было у мертвых, потому что мертвые сами грипп и создали – но Лёва после урока сказал, что это глупости: новый грипп получается сам по себе, потому что вирусы мутируют, он об этом в учебнике за десятый класс читал.

Интересно, есть ли у Майка это специальное мертвое Знание? Вот было бы клево, если бы не требовалось самим ходить в Заграницье, а можно было бы вытаскивать мертвых сюда, узнавать у них, что надо, и отпускать назад! Когда мама вернется, думает Гоша, обязательно спрошу ее об этом.

Он все-таки немножко волнуется: до Нового года всего три дня – успеет мама или нет?

2

– Как это называется? – еще раз спрашивает Марина.

На ладони у нее лежит белая плоская коробочка, чуть меньше магнитофонной кассеты. На матовой поверхности – несколько круглых кнопок и плоский квадратный экран, по которому ползут буквы мертвого языка.

– Это *айпо*, – говорит Майк, – у вас еще нет таких?

Вчетвером они сидят в заброшенном доме, через забитые окна пробивается холодный зимний свет, посреди комнаты зияет дыра, сорванная с петель дверь валяется неподалеку от входа – все так же, как две недели назад, когда Майк впервые попал в мир живых. Только тогда им было страшно – а сейчас они приходят сюда как к себе домой.

– У нас только плееры, – отвечает Марина и вынимает из кармана куртки плеер фабрики «Электронная жизнь».

Майк вертит его в руках, открывает крышку, рассматривает штекер наушников.

– Это для кассет, да? – спрашивает он. – Говорят, в дальних областях такие есть. В нашем городе только в музее, наверное, можно найти. Но здесь, наверное, это такой крутой *гаджет*, что *дайте две*.

Они говорят на всеобщем языке, но Майк то и дело вставляет в речь неизвестные мертвые слова. Впрочем, и без этого его речь иногда кажется Марине неудачным переводом с мертвого языка – все эти бесконечные «прикинь?», «отжигать», «дайте две» или вот «гаджет».

Ника надевает наушники айпо и нажимает кнопку.

– Что это за группа? – громко спрашивает она.

Марина забирает у подруги айпо и нажимает «паузу».

– Подожди, – говорит она Майку, – я сама переведу. Это вот тут написано, верно? – Майк кивает. – Ну, значит, группа называется «Живые могут танцевать». Правильно?

– Ага, – говорит Майк, – только это еще и игра слов. Потому что по-нашему это звучит почти так же, как «в ожидании конца времен»

– Здоровско, – говорит Лёва.

Свою шапку он отдал Майку, и теперь его рыжие волосы ярким пятном выделяются в полумраке. Марина прячет замерзающие ладони в карманы куртки и смотрит на зябнувшего Майка. В разноцветном мертвом свитере, Марининых варежках, Никином шарфе и Лёвиной шапке он напоминал бы пленных мертвых из старых фильмов о войне – если б не широкая улыбка.

Раньше Марина считала, что мертвые должны быть мрачными и печальными. Так их описывают во всех книгах и изображают во всех фильмах – и не только в тех, что снимают здесь, но и в мертвых фильмах, которые два-три раза в год показывают в кино: безработные, несчастные, живущие в вечном сумраке. Первый раз, когда Майк появился в этой комнате, он был точно такой же: напуганный, потный, дрожащий. Когда Лёва выдернул его из круга, он отскочил в угол и несколько мгновений затравлено озирался по сторонам.

– Где я? – спросил он.

– В мире живых, – ответил Лёва на мертвом языке.

– Закройте окно, – попросил мертвый, и Марина сначала удивилась: все окна в комнате и так были заколочены. Но потом Лёва сообразил: Майк говорит про дыру в Границе, которую они проделали. Он поднял погасшую магнитную свечу и показал: мол, всё, закрыли, можешь не нервничать.

И тогда мальчик впервые улыбнулся – широко, во весь рот, показав ровные белые зубы, схваченные сверкающей металлической скобкой.

– Меня зовут Майк, – сказал он на всеобщем языке и добавил: – А здесь у вас холодно.

Так они познакомились – и с тех пор несколько раз в неделю приходят в заколоченный дом и вызывают Майка. Теперь они научились это делать без грохота и шума: надо зажигать магнитную свечу несколько раз через равные промежутки времени. Тогда Майк, где бы он ни находился, чувствует, что его зовут, и может выбрать удобное место для перехода.

Жалко только, он никак не привыкнет, что здесь холодно.

– А что у вас вместо кассет? – спрашивает Лёва. – Я слышал про специальные диски. Куда их здесь вставляют?

– Диски это *отстой*, – отвечает Майк, – мы берем музыку из компьютера. Подсоединяем к нему айпо и синхронизируем *треклист*.

– Это правда, что у мертвых компьютеры в каждом доме? – спрашивает Марина.

– Что значит – в каждом доме? – удивляется Майк. – У каждого свой компьютер, ну, если денег хватает.

Майк часто говорит о деньгах – Марина это сразу заметила. У нее дома не говорят о деньгах и в школе, разумеется, тоже. Марина, конечно, понимает: у нее довольно богатая семья, например, богаче Лёвиной – хотя бы потому, что она никогда не видела у Лёвы ни одной мертвой вещи, – но это ведь совершенно неважно! Главное – они друзья, а у кого сегодня есть деньги на мороженое – никакой разницы.

Конечно, Марина знает, что в мире мертвых все связано с деньгами, они заменяют им время, которого в Заграницье нет, и поэтому мертвые должны много говорить о деньгах – но одно дело знать, а другое – слышать, как мальчишка, твой сверстник, то и дело говорит «если денег хватит», «у кого денег больше» и так далее.

– А еще, – продолжает Майк, – бывают *записные компьютеры*, чтобы с собой носить, и даже *движки* с компьютером, хотя, конечно, там компьютер слабенький совсем.

Лёва уточняет, что такое *записной компьютер* и *движок*, а Ника спрашивает:

– Если у вас есть движки, то вы всегда можете связаться с другими мертвыми? Ну, узнать в справочной номер и позвонить, правильно?

– Ну, не совсем, – отвечает Майк, – многие не любят, чтобы им незнакомые звонили. Да и не у всех есть движок. Это от области зависит, я же говорил уже.

Действительно, им еще в школе говорили, что Заграницье разбито на множество областей и в каждой из них свой язык и свои обычаи. Вероятно, предположила Марина, в какую область попадает мертвый, зависит от того, где и когда он был живым. Люди, жившие давным-давно, попадали в отдаленные области, где технологии толком не развиты и куда мертвые из области Майка забредают только как туристы или чтобы снимать кино.

В каждой из областей почти не происходит изменений: люди не старятся, дети не взрослеют. Как известно, у мертвых нет времени – но теперь стало ясно, что у них есть много областей пространства, удерживаемых вместе движением денег, которое регулируется сложными и непонятными законами.

Наверное, папа мог бы рассказать об этом подробней, но Марина не представляет, как начать с ним разговор. И все же надо бы воспользоваться моментом и сделать это, пока не кончились каникулы: обычно, когда папа встает, Марина уже в школе, а сейчас можно дождаться, пока он проснется, и поговорить за завтраком (хотя для Марины, конечно, это будет скорее обед). Но все никак не получается: вечно находятся какие-то дела – то на каток с Лёвой и Никой, то в кино, то в заколоченный дом.

Как все-таки Марина мало знала о мертвых до встречи с Майком! Ладно там всякие технологии, но только сейчас она выяснила: как правило, мертвые не помнят, кем были при жизни и как они ушли. Конечно, существуют особые архивы, где хранятся персональные истории, но, как правило, доступ туда имеют только сотрудники специальных учреждений, по описанию похожие на коллег дяди Коли.

Поэтому Майк не знает, что было с ним до смерти. Не знает, например, кто была его мать.

Отец же Майка живет с ним. Он – невозвращенец, работает в какой-то секретной лаборатории и целыми днями пропадает на работе. В тот день, когда Майк познакомился с ребятами, он залез в отцовский кабинет и случайно запустил в компьютерной системе какую-то программу. Система повела себя как-то странно – Майку явно не хватало слов живого языка, чтобы описать как именно, – и он немного испугался, но когда неведомая сила протащила его через окно, распахнувшееся в полу заброшенного дома, испуг перешел в панический ужас. Он был уверен, что отец *телепортирует* его в свою лабораторию, чтобы наказать за вторжение – и поэтому сразу успокоился, когда понял, что всего-навсего попал в мир живых.

– Я всегда мечтал к вам попасть, – признался Майк. – Я раньше считал себя *живчиком* – ну, так у нас называют тех, кто хочет быть как живой. Одевался особым образом: вот, футболку носил специальную, там спереди написано: «Быть живым, живым – и только», а сзади: «Живым – и только. До конца». Я даже ваш язык начал учить, ну, всеобщий язык, как вы его называете. По дядиному самоучителю. А потом его у меня отец отобрал и выкинул.

– Почему? – спросила Марина.

– Они в ссоре, дядя с отцом, – объяснил он. – Давно уже, еще до моего появления. Отец на него очень зол, – добавил Майк и поежился.

Марина уже заметила: каждый раз при упоминании отца Майк испугано сжимается. Наверное, у мертвых родители воспитывают своих детей как в старые времена, думает она. Колотят, бьют, порют по пятницам – короче, все, как в кино.

Но Марина не решается спросить об этом Майка – а то однажды Лёва спросил, мол, правда, что в Заграничье всюду преступность, гангстеры, мафия и все такое, а Майк ответил, что это все ерунда, они стреляют только друг дружку, просто надо свой город хорошо знать, куда можно ходить, куда нет – и все будет нормально.

Марина так и не поняла: что значит – знать свой город? Что, в городе есть целые районы, куда лучше не заходить? А кто же там живет? И что делают все остальные – обходят их, что ли, как они обходили «пятнашку», пока они не навалили Вадику и его друзьям?

Непонятно, как это можно так жить.

Хотя чему удивляться: мертвые они и есть мертвые, это и по кино видно.

– А кино какое-нибудь ты можешь принести? – спрашивает Лёва. – Я только несколько мертвых фильмов видел.

– Так вы, наверное, кино тоже на кассетах смотрите, – говорит Майк. – У меня на кассетах нет ничего.

– Не, мы его не смотрим на кассетах, – отвечает Лёва, – для этого специальный магнитофон нужен, а у нас таких нет. Я думал, может, у вас какой-нибудь прибор особый есть.

Марина улыбается: она-то помнит, что осторожный Лёва был единственным, кто после первой встречи предостерегал друзей:

– Вы только представьте, что будет, если про это кто-нибудь узнает: тайные встречи с мертвым! Это же чистый шпионаж – вы что, книжек не читаете?

– Так то книжки, – ответила Ника. – Ты же сам видишь: он нормальный, наверняка из хороших мертвых.

– Мой папа тоже с мертвыми общается, – сказала Марина, – и никто его ни в чем не обвиняет.

– Твой папа – другое дело, – ответил Лёва, – он на работе общается, а не абы где неизвестно с кем!

– Да никто не узнает, – сказал Гоша, – мы ведь можем сюда другой дорогой ходить. Пару досок оторвать вон там и заходить не с улицы, а со двора. Майка отсюда выпускать не будем, так что никто ни нас, ни его не увидит.

Кстати, Марина не видела Гошу уже дней десять. Звонила ему после Нового года, но никто не подходил к телефону.

Она позвонила еще пару раз, а потом решила, что, наверное, Гоша, как в прошлом году, ушел с родителями в какой-нибудь зимний поход. Странно только, что не позвонил предупредить, удивляется Марина. Ну, ничего, думает она: вернется – позвонит.

Но до конца каникул Гоша так и не появился.

3

Новый год был ужасен.

Накануне к тете Свете приехала тетя Галя, Галина Семеновна, Галка. Юркая, низенькая и черноволосая, она в самом деле напоминала птицу – а скрипучий голос довершал сходство.

Им обоим было уже за шестьдесят, и они дружили большую часть жизни – начиная с того времени как еще молодыми оказались в одном партизанском отряде. Сейчас они жили в разных городах и виделись редко, только когда Галя приезжала в столицу. Прошлый раз это было два года назад, и Ника помнит, как папа шутил про «дым коромыслом» и «не будем мешать тетушке отдыхать».

Теперь Ника поняла, что папа имел в виду: в новогоднюю ночь тетя Света выставила на стол запотевшую бутылку, и подружки начали отмечать праздник, не дожидаясь полуночи. К тому моменту, когда в других домах открывают шаманское и ждут боя часов на главной башне, Ника сидела, забившись в угол, с ужасом слушая, как боевые подружки вспоминают войну: рейды в тыл мертвых, убийства офицеров, допросы пленных, почти всегда, правда, безрезультатные – мертвые куда больше боялись своего «черного отряда», армейской контрразведки, чем живых партизан, пусть даже и вооруженных серебряными ножами.

Вспоминала все больше Галина Семеновна, а тетя Света только наливала, поддакивала да время от времени вставляла что-то вроде:

– А помнишь, Галка, тогда в Шапетовке...

– Конечно, помню! – откликнулась Галка. – Нам тогда с Большой Земли привезли два ящика разрывных ртутных – вот пошла потеха! Мы втроем тогда целую зомби-команду положили: у них головы лопались, как воздушные шарик, только кровь во все стороны летела.

Тут тетя Света наконец заметила Нику.

– Иди спать, – махнула она рукой и поглядела с усмешкой на подругу: – Ты, Галка, мне совсем ребенка застрашала.

Не пугай девочку почему зря, у нее еще все впереди.

При словах «еще все впереди» Ника вздрогнула. У себя в комнате она легла и накрыла голову подушкой, но все равно из кухни доносился резкий голос Галины Семеновны:

– ...Вся кожа слезла, только кости торчат. И я по этим костям – топором, топором! А оно орет таким тонким голосом, словно котенок плачет...

Ника думала, что на самом деле прошедший год был очень хорошим: ушла из ненавистной «пятнашки», появились новые друзья – Марина, Лёва и, главное, Гоша, – и вспоминала, как стояла на утоптанной площадке посреди гаражей, а Гоша прыгнул будто с неба, толкнул ее в снег – и тут на Вадика и его подручных обрушился град льдышек и снежков.

Да, хороший был год... Но скрипучий голос все равно пробивался сквозь стену, сквозь подушку, в самый мозг:

– ...А Нинка видит – ниже колена ноги нет уже, только клочья свисают, ну и просит: девчата, серебряные пули есть у кого? Пристрелите меня, а? Не хочу завтра к вам с той стороны прийти...

У нас тоже была война, подумала Ника. Маленькая, детская, но война. С засадами, обстрелами, ловушками. С настоящим страхом, настоящей болью, настоящей дружбой. Мне даже казалось – с настоящим предательством. И неважно, что в этой войне не было мертвых, что мы воевали живые против живых, все равно: живые бывают разные, и мертвые тоже бывают разные, теперь-то я это точно знаю. Жалко только, что они ничего не помнят – и вряд ли вспомнят, даже если Майк встретит их однажды, узнав по Никиным фотографиям, и расскажет, кто они и что у них есть дочь. Или – была.

А потом Ника снова подумала про Гошу: ничего, мол, страшного, что Новый год получился такой дурацкий, все равно впереди – десять дней каникул, они будут кататься на коньках, гулять, ходить в заброшенный дом разговаривать с Майком, она сходит к Гоше в гости – Гоша обещал, его мама расскажет про экспедицию, когда вернется... И Ника засыпает и улыбается во сне, а на кухне тетя Света задумчиво говорит:

– Красивый был такой офицер... Прямо как сейчас вижу, какое у него лицо изумленное было, когда я ему нож в сердце с первого удара загнала...

– Ну, поехали! – Ника разбегается и, расставив руки, скользит по ледяной дорожке. Тетя Света всегда ругается на нее – мол, раскатывают вот так, раскатывают, а потом старые люди падают, ноги ломают. Но тети Светы рядом нет, некому Нику одернуть – и она доезжает до конца и со смехом бежит дальше, оборачиваясь через плечо на Лёву.

Тот скользит вслед за ней, но вот лед кончается, Лёва пытается затормозить, не может удержать равновесие и падает. У него такой растерянный вид, что Ника смеется. Лёва густо краснеет и поспешно встает.

– Ладно, ерунда, – говорит он, – все нормально.

Они возвращаются из кино. Яркое, почти что летнее солнце играет на белоснежных сугробах слева и справа от дороги. На голубом небе – ни облачка. Настоящая посленовогодняя погода.

– Как ты думаешь, – говорит Ника, – удобно спросить Майка, почему его отец стал невозвращенцем?

Лёва пожимает плечами. Он рад, что разговор не о его неловком падении.

– Конечно, удобно, – говорит он, – почему нет? Это же для нас невозвращенцы – предатели, а для мертвых, наверное, наоборот. Герои.

В школах, где училась Ника, учителя несколько раз рассказывали про невозвращенцев. Считалось, что мертвые сманивают живых, попавших в Заграничье, обещают – если те останутся, их ждет счастливая, сытая жизнь. Теперь Ника хорошо представляет, как все происходит: человеку показывают эти «гаджеты» – айпо, видеоманитофоны, машины, красивую, удобную одежду, – и он решает остаться ради всего этого в Заграничье, забыть родных и друзей, не возвращаться.

На уроках говорили, что потом эти люди горько жалеют о сделанном, ведь жизнь у мертвых – тоскливая и тяжелая, вовсе не похожая на то, что им сулили.

Честно говоря, Ника немного разочарована. Когда Майк появился впервые, она подумала: ух ты, как это необычно – мертвый мальчик! Он столько сможет рассказать! Может быть, благодаря этому Ника лучше сможет представить, как теперь живут ее родители.

Но стоило послушать Майка внимательней, и оказалось, что ему особо и нечего рассказать. Жизнь у мертвых мало отличается от нашей. Слов много непонятных – это да. *Ипотека, закладная, ссуда, кредит...* А так – то же самое, обыкновенная жизнь. Да и сам Майк – самый обыкновенный, ничуть не лучше ее одноклассников. Лёва, например, гораздо умнее, а сравнивать Майка с Гошей так просто смешно.

– Тебе Гоша не звонил? – спрашивает Ника Лёву.

– Нет, – отвечает Лёва и сразу мрачнеет.

Странно, думает Ника, стоит мне спросить про Гошу, у Лёвы сразу портится настроение. Не понимаю – почему?

– Как ты провела каникулы? – спрашивает Зиночка.

Ника смотрит на учительницу в недоумении. Попросила задержаться после урока, Ника думала – по поводу Олимпиады по математике, а вместо этого спрашивает про каникулы.

– Нормально, – отвечает она, – в кино ходила, гуляла...

– С друзьями?

– Ну да, – отвечает Ника, – с Мариной и с Лёвой.

Вообще, Зиночка Нике нравится: она не вредная, на уроках у нее интересно, да и математику Ника любит – даже хочет на Олимпиаде победить.

Правда, сейчас Нике не до математики: в первый день занятий Гоша так и не появился в школе. На перемене сбегала на первый этаж, позвонила из телефона-автомата – в трубке только длинные гудки. Вот бы когда пригодился этот самый движок: можно было бы позвонить Гоше, где бы он ни был. Ну, ничего, со временем у нас движки тоже научатся делать – делают же сейчас плееры и телевизоры. И не намного хуже, чем мертвые.

– А с Гошей ты дружишь? – спрашивает Зиночка.

– Да, – отвечает Ника и тут же добавляет: – С ним что-то случилось?

– Ну, не совсем с ним, – говорит Зиночка. – Нам звонили из Учреждения... Его мама пропала в экспедиции на Белом море. Гоша с отцом ездили туда, на поиски, – ничего не нашли.

– Гошина мама... погибла? – осторожно спрашивает Ника.

– Никто не знает, – отвечает Зиночка. – Честно говоря, мы никому не должны были говорить об этом, но я подумала, что ты – его подруга и вообще, должна понимать такие вещи...

Ника кивает: да, она должна понимать такие вещи, ну конечно. Но сейчас она ничего не понимает. Как же так? Что будет теперь с Гошей?

– Видимо, Гошина мама сейчас мертвая, – говорит Зиночка, – но что случилось, так и непонятно. Из Учреждения нам намекнули, что, возможно, она сама не вернулась... ну, ты понимаешь? Решила остаться *там*.

Ника удивленно смотрит на Зиночку. Это значит, Гошина мама – невозвращенка? А как же Гошин папа, как же сам Гоша? Как она могла их оставить?

– Я только тебе сказала, – говорит Зиночка, – потому что, я думаю, Гоше нужна будет поддержка его друзей... особенно того, кто представляет, каково ему сейчас. Он, наверное, очень переживает.

Переживает. Какое глупое слово! Разве это так называется?

Может, у мертвых есть слова, чтобы говорить о таком? Но Зиночка не знает мертвых языков, и Ника толком тоже не знает – разве за один урок в неделю выучишь! – и вот поэтому они говорят на живом языке, но с каждой репликой живые слова теряют смысл, ссыхаются, мертвеют.

Переживает. Поддержка. Остаться *там*.

Невозвращенка.

4

Что же мне делать, думает Лёва. Сказать «привет!», будто я ничего не знаю? Ждать, пока Гоша сам расскажет? Или самому все сказать? И что – всё? Что его мама пропала или что ее считают невозвращенкой? И что я в это не верю? Что я знаю: Гошина мама не могла его бросить?

В утреннем сумраке Лёва спешит в школу. Мешок со сменкой бьет по ногам, руки мерзнут в тонких варежках. Шурка молча идет рядом, словно чувствует: брата лучше сейчас не трогать.

А если Гоша и сегодня не придет в школу, думает Лёва. Тогда – сразу после уроков – пойдем все к нему. Марина, Ника – все пойдем. Или нет. Пойти одному. Все-таки мы дружим с детского сада, восемь лет уже. Он меня всегда защищал, точно. С самого первого дня, когда ко мне на прогулке подготовишки привязались: *Рыжий, рыжий, злой, упрямый, родился от мертвой мамы*. Я расплакался тогда, а они скакали вокруг и кричали: *Рыжий, рыжий, злой, упертый, родился от мамы мертвой*. И тут прибежал Гоша и сразу двинул кому-то, замахал палкой, устроил такую кучу-малу, что сбежались все воспитатели. Да, он меня защищал, как я – Шурку. Будто он – мой старший брат.

– Как подружки? – спрашивает Лёва, нагибаясь к сестре. – Соскучились за каникулы?

– А я с Машкой поругалась, – отвечает Шурка, – у меня подружек больше не осталось.

Родинка на круглой Шуркиной щеке смешно подергивается: это Шурка кривит курносый нос.

– Надо помириться, – строго говорит Лёва. – Друзьями так легко не разбрасываются.

Родился от мамы мертвой. Если Гошину маму так и не найдут – это он и будет *от мертвой мамы*. Как Ника. Нет, хуже, чем Ника – потому что про Гошину маму теперь всюду будут говорить, что она – невозвращенка и предательница. Странно, думает Лёва, я всегда думал, что она – геолог, как же она могла в Заграничье попасть? Ерунда какая-то.

А ведь сколько раз был в гостях!

– Добрый день, Евгения Георгиевна.

– Добрый день, Лёва. Ужинать будешь? Хочешь чаю?

– Нет, спасибо, я сыт.

Вот и все, о чем говорили. Хотя неправда: пару раз в год Евгения Георгиевна собирала Гошиных друзей, показывала слайды, рассказывала, как была в Сибири, в Якутистане, в других северных краях. Вот поэтому, кстати, Лёва и думал, что она – геолог. И ведь неудобно теперь спросить: Гоша, а кем *была* твоя мама? Тогда уж: кем *работает* твоя мама? Нет, тоже нельзя.

Что же мне делать, снова и снова спрашивает себя Лёва, что сказать? Просто «привет», будто ничего не случилось?

И вот Гоша идет по проходу между парт, дребезжит звонок, через секунду в класс войдет Дмитрий Данилович, у Гоши всего-то и осталось времени, что сесть на свое место и достать учебник, а Лёва никак не может сказать первые слова – и тогда Ника поворачивается и говорит:

– Они ведь продолжают искать, да?

Гоша кивает, и тут Дэдэ входит в класс, сразу начинается урок, так что Лёва успевает только прошептать:

– Я уверен, они найдут. Честное слово! – и Гоша грустно улыбается в ответ.

– Я специально немного сократила урок, – говорит Рыба, – чтобы у нас осталось время поговорить о важных событиях, случившихся в жизни вашего класса. Я бы не хотела называть никаких имен, но, наверное, ни для кого не секрет, что мама одного из наших учеников не вернулась из Заграницья.

Хорошо, что хотя бы имени не назвала, думает Лёва. Теперь главное делать вид, будто я не знаю, о чем идет речь. Не выдать Гошу, не смотреть на него, сидеть, будто ни в чем не бывало.

– Сейчас компетентные органы выясняют обстоятельства, – продолжает Рыба, – но для нас это еще один повод вспомнить: война не закончилась, как многие думают. Враг коварен, и он продолжает вести свою подрывную работу. На этот раз его оружие – не зомби-команды, не тинги, не фульчи. Сегодня на вооружении мертвых – джинсы, туфли, сережки. Музыка, фильмы, даже книги. Проиграв в открытом бою, они ведут теперь тайную, шпионскую деятельность. Они пытаются соблазнить живых – и теперь мы знаем, что иногда это им удастся!

Лёва успокаивается: про джинсы, туфли и сережки Рыба заговаривает при каждом удобном случае, а начав, уже без остановки мчит по этим рельсам следующие минут десять, если не больше. Для Гошиной мамы времени явно не останется.

Небось, если бы Рыба узнала, что они встречаются с настоящим мертвым мальчиком, ее бы вообще удар хватил.

– Не только взрослые, но и дети находятся сегодня под угрозой, – продолжает Рыба, – более того: именно вы – основная мишень наших врагов. У мертвых нет будущего, они знают об этом, поэтому так сильна их ненависть к детям, к тем, кто символизирует будущее для нас, живых. И поэтому вы должны удвоить бдительность, внимательней присматриваться друг к другу, помнить: яблочко падает недалеко от яблони! И сын невозвращенки, сын предательницы, может оказаться прекрасным оружием в руках наших врагов!

На этих словах Рыба поднимает костлявый палец и указывает на Гошу. Класс замирает. Лёва видит, как сжимаются лежащие на парте Гошины кулаки.

Звенит звонок, словно точка в длинной речи – Рыба, как всегда, точно рассчитала время.

Ученики толпой выходят из класса, и сквозь шум Лёва слышит Олин голос:

– Девочки, вы к нему лучше не подходите, может, это заразно. Вот он с Кикой дружил – и его мама тоже тью-тю.

Секунда – и Лёва уже держит девочку за горло.

– Гадина, дрянь, – шепчет он, – попробуй еще раз открыть свой поганный рот – тебе самой будет тью-тью! У Гоши мировая мама, она обязательно вернется, не смей так говорить, поняла?

Оля слабо кивает, но стоит Лёве отпустить ее, начинает верещать:

– Валентина Владимировна, Валентина Владимировна! Меня Столповский задушить хотел!

Рыба появляется из класса, грозная и неотвратимая.

– Прекрасно, – говорит она, – драться с девочкой! А еще родители – учителя! Чтобы завтра же были в школе!

– Хорошо, Валентина Владимировна, – сухо отвечает Лёва и бежит следом за своими друзьями.

В раздевалке к Гоше подходит Зиночка. Сегодня математики не было, так что учительница видит его впервые после каникул.

– Я слышала, Валентина Владимировна сказала очередную речь? – говорит она.

Гоша сдержанно кивает.

– Я просто хотела, чтобы ты знал: далеко не все учителя разделяют ее позицию, – говорит Зиночка. – И лично от себя хочу добавить, что я уверена, что с твоей мамой все будет благополучно.

Гоша стоит молча, за него отвечает Ника:

– Спасибо, Зинаида Сергеевна, мы тоже очень надеемся! – и Лёва снова удивляется: какая все-таки Ника необычная, умная девочка.

Как здорово, что он в нее влюблен!

– Позвонили прямо тридцать первого декабря, – рассказывает Гоша, – мы с папой покидали вещи в рюкзак и сразу на вокзал. Второго утром начали поиски – и тут выяснилось, что никто толком не знал ни маминого маршрута, ни промежуточных стоянок. Думали, может, она заблудилась, не может выйти к людям – хотя мы-то знаем, как мама хорошо ориентируется в любом лесу. Подняли вертолеты, летали, высматривали – и ничего. А через пять дней прилетело начальство из института, и вот тогда я и услышал: только невозвращенки нам не хватало!

– Послушай, – говорит Ника, – я одного не понимаю. Лёва говорит: твоя мама – геолог. Не орфей, не ученый шаман. Как она могла не вернуться из Заграничья, если она туда и не попадала?

– Я не знаю, – отвечает Гоша, – но почему-то все уверены, что она там была. И уже не один раз.

Они сидят в сквере, на полпути от школы к дому. Снег такой глубокий, что приходится сидеть на спинке скамейки, поставив ноги на сиденье, почти сливающееся с окружающими сугробами.

– А что говорит твой папа? – спрашивает Лёва.

– Ничего, – отвечает Гоша, – ничего не говорит. Думаешь, я его не спрашивал? Как это так могло быть, чтобы мама бывала в Заграничье – а я об этом не знал? Она бы мне сувенир какой-нибудь привезла, мертвую вещь какую-нибудь. А папа отвечает: все очень сложно, Георгий, ты сейчас не поймешь. А когда пойму? Когда маму перестанут искать?

– Слушай, – говорит Марина, выпустив изо рта прядку, – у меня идея: давай спросим Майка. Может быть, он сумеет что-нибудь узнать.

5

– Нет, про это я бы точно знал, – говорит Майк, сверкая скобкой на зубах, – невозвращенец, да еще и женщина... это был бы большой *хайп*.

Сегодня Майк хорошо подготовился: на нем куртка, огромная, будто надутая воздухом, теплый шарф и шапка-ушанка. Они сидят всё в той же комнате, только Гоша захватил с собой фонарик – на улице уже темно.

– У меня же отец – невозвращенец, – продолжает Майк, – и когда новые невозвращенцы появляются – в нашей области или в любой другой, – он с ними обязательно встречается. Я бы знал про твою маму.

Майк обращается к Гоше, но то и дело оглядывается на Марину. Кажется, он очень доволен, что сегодня может быть полезен в чем-то более существенном, чем айпо, движки или компьютеры.

– А если она просто... ушла? Стала мертвой? – спрашивает Гоша. – Тогда ты мог бы узнать?

– Нет, конечно, – отвечает Майк, – знаешь, сколько их каждый день прибывает? Да к тому же это невозвращенцы помнят, что с ними было раньше – поэтому их так и ценят. А обычные мертвые – ну, они как я: никаких воспоминаний о том, что было при жизни. Я даже свое живое имя не помню. Правда, дядя говорит, меня звали Миша...

– А твой дядя – он помнит? – спрашивает Марина.

– Мой дядя, конечно, не совсем невозвращенец, – говорит Майк, – но и не обычный мертвый. Я с ним об этом не говорил, но вроде он специально отправился следом за отцом, когда отец остался у нас. Вроде, они поссорились еще при жизни, а потом дядя его преследовал повсюду. Так что дядя тоже по сути добровольно ушел к нам – и поэтому, наверное, помнит так много про Заграницье... то есть про мир живых.

– Ладно, ладно, – говорит Гоша, – а скажи, какие есть способы попасть туда, к вам? Ну, я знаю, есть ученые шаманы – они долго учатся, изучают разные науки, мучаются, даже говорят – болеют какими-то особыми болезнями, а потом – сдают экзамены и в конце концов могут путешествовать туда и обратно. Есть орфеи – эти просто поют или пишут стихи, ну и каким-то образом благодаря этому попадают к вам. Есть разведчики, которые проходят сквозь разрывы, которые специально ради них открывают в Границе. Но мама не была ни шаманом, ни орфеем, ни разведчиком – и если она ходила в Заграницье, то как она это делала?

– Не знаю, – говорит Майк, – вот я же хожу к вам – и как я это делаю?

– Ерунда какая-то, – бормочет себе под нос Гоша, – мы только попусту тратим время.

– Наверняка мой отец знает, – продолжает Майк, – но я боюсь его спрашивать. Мне кажется, он подозревает, что я хожу к вам. А если он узнает наверняка – мне не поздоровится, это точно. Поэтому я с ним про Границу говорить не буду. Вы, *чуваки*, извините.

– Он трус, – говорит Лёва, – и чего он так боится? Ведь уже мертвый, что с ним еще может случиться?

Ника вдруг вспоминает – низенькая, юркая старушка, пронзительный голос: да уж, «черного отряда» они боялись побольше, чем нас. Что там с ними делали – не знаю, но я тогда поняла: есть вещи страшнее смерти...

– А почему мы вообще считаем, что ему можно верить? – говорит Гоша. – Может, этот Майк – на самом деле шпион. Его, может, специально послали к нам, чтобы нас с толку сбивать, за нос водить?

– Скармливать дезинформацию, – кивает Лёва, – да, я читал, такое бывает.

– Да вы совсем рехнулись, – не выдерживает Марина. – Шпион! Тоже мне скажете! Кто будет засылать шпиона к четверем школьникам? Кому надо скармливать нам дезинформацию? Вы не забыли: мы ведь его сюда затащили, когда с Гошиной мамой еще все было нормально!

– Все равно, – упрямо говорит Гоша, – вдруг он врет? Вдруг есть способ связаться с мертвыми? Выяснить, мертвый человек или нет?

Когда мамы с папой не стало, вспоминает Ника, мне тоже хотелось с ними как-то связаться. Мечтала найти какой-нибудь способ – а вот сейчас, когда Гоша об этом заговорил, поняла, что давно уже об этом не думает.

Ника понимает: родители ушли так давно, что она уже привыкла к тому, что их больше нет. На секунду Нике кажется, будто она предала их, – впрочем, нет. Просто слишком много времени прошло, слишком много – и Ника уже не верит в чудо, точно так же, как через несколько лет не будет верить в чудо Гоша.

Если, конечно, чуда не случится и Гоша в самом деле не найдет свою маму.

Но сегодня Ника не верит в чудо ни для себя, ни для Гоши.

– Я могу спросить папу, – говорит Марина, – он много с мертвыми работает, наверняка что-нибудь знает.

– А ты, Гоша, еще раз спроси своего, – советует Лёва, – может, он скажет что-нибудь, кроме «это все очень сложно».

Они идут по улице вдоль дощатого забора с колючей проволокой поверху. Там, по ту сторону, – заколоченный дом без привидения, дом с мертвым мальчиком, появляющимся по сигналу магнитной свечи. Здесь – старые дома, глубокие сугробы, следы от протекторов на снегу. Они идут по улице, и вдруг Нике начинает казаться: кто-то смотрит на них. То ли из окон соседнего дома, то ли вообще – из дальних, неведомых краев. Она оглядывается – нет, никого.

Померещилось, наверно.

6

– Хороший вопрос, дочка, – говорит Маринин папа, – очень интересный, хороший вопрос. В учебнике на такой вопрос ответа не найдешь, это уж точно.

Папа сидит на своем любимом месте – во главе стола, напротив телевизора. Марина – на узеньком кухонном диванчике, поджав под себя ноги, поглаживая шелковистую спинку Люси. На подаренных часах – час ночи. Сегодня папа пришел рано, еще не было полуночи. Мама уже спала, а вот Марина – дождалась.

– В большинстве случаев ответ на твой вопрос очевиден. Есть тело, есть факт смерти – значит, человек ушел, стал мертвым. Но тебя, наверное, интересует – как быть, если тела нет?

Марина кивает. Когда-то, много лет назад, она очень любила вот так сидеть рядом с папой. Тогда он еще не работал по ночам и каждый вечер присаживался у Марининой кровати: читал книжки, рассказывал сказки, а когда Марина выучилась читать, просто разговаривал с ней.

До сих пор Марине немножко жалко, что они больше не сидят по вечерам вдвоем с папой. Может быть, поэтому она и обрадовалась поводу дожидаться его с работы – и теперь слушает, склонив голову на бок.

– Я так и думал. Мне есть что сказать тебе об этом, но я хочу быть честным. Давай я сначала отвечу на все твои вопросы – а потом дам тебе совет, и ты послушаешь меня. Идет?

– Конечно, – Марина улыбается и пожимает плечами. Она ведь для этого и сидит здесь, на кухне, – чтобы внимательно слушать.

– Итак, как определить, мертвый человек или нет, если у нас нет его тела? – папа откидывается на стуле, закладывает большие пальцы за отвороты поддевой под пиджак жилетки. – Для этого существуют специальные приборы – и приборы эти, разумеется, глубоко засекречены. Собственно, дело в том, что они существуют не совсем для этого: они позволяют связываться с мертвыми, обмениваться с ними сообщениями. Для начала мы посылаем запрос, делаем вызов – и если человек откликается, то он, очевидно, мертвый. А вот если мы не получаем ответа, то это, к сожалению, не значит ничего. Может, человек жив, может – мертв, но недостижим, может – ни то, ни другое, застрял где-то в промежуточных мирах.

Марина удивляется, как спокойно папа говорит обо всем этом. Ну да, последние пять лет он работает с мертвыми – но все равно.

– Что значит – в промежуточных мирах? – спрашивает она.

Папа достает из кармана пачку сигарет – разумеется, мертвых, – не спеша закуривает.

– После ухода человек не сразу попадает в Заграницье, – говорит папа, – некоторое время он скитается по, как бы это точнее сказать, приграничным областям. Ни мы, ни мертвые не контролируем эти области – именно там и происходит обычно наше общение с мертвыми. Торговля, переговоры, ну и конечно, взаимный шпионаж, подкуп, вербовка, перевербовка... Большинство ученых шаманов и орфеев не проходят дальше этих мест – в принципе, там достаточно материалов для работы: все-таки мертвые тоже привозят в эти области все свои технологические новинки – оттуда-то мы их и забираем.

– Покупаем? – спрашивает Марина.

Папа смеется:

– Покупаем тоже. Но, конечно, не только покупаем. Часть приходится вывозить тайком – в особенности, если речь идет о последних технологических разработках. Но тут надо иметь в виду одну вещь, – и он затушил сигарету в массивной пепельнице, – все, что мы получаем от мертвых, – потенциально опасно.

– Даже джинсы? – улыбается Марина.

– На самом деле – да, – отвечает папа, – джинсы тоже. Откуда мы знаем, что у них внутри нет специальных устройств, которые передают секретную информацию в Заграницье? Почему я так уверен, что эти сигареты не отравлены? Готов ли я поручиться, что плеер работает только в одну сторону – то есть воспроизводит звук, а не записывает его? Если честно – нет. Но мы вынуждены идти на этот риск, потому что технологически все еще сильно уступаем мертвым.

Папа говорит очень серьезно: как всегда, в такой момент между бровей у него залегает глубокая морщина. Марина смотрит на нее и думает: папа совсем не изменился. Точно так же когда-то он объяснял ей, как переходить улицу.

– Так вот, прибор для разговоров с мертвыми – это неоправданный риск. Не следует говорить с мертвыми – они всегда врут, всегда сообщают недостоверную информацию. Вступив с ними в переговоры, ты сразу оказываешься на чужой территории: в том, что касается слова и его ловушек, им нет равных. Недаром у них не один язык, как у нас, а множество.

Люси слабо урчит под Мариной рукой, девочка смотрит на кошку, потом – на отца, сидящего за столом.

– Почему, кстати, у них много языков?

– Это нормальное следствие распада. Точно так же, как человеческое тело после смерти начинает разлагаться, по ту сторону Границы начинает разлагаться язык. Он распадается на множество языков, чем-то похожих друг на друга, но чем дальше от Границы находятся области мира мертвых, тем дальше разъезжаются в разные стороны языки, на которых там говорят.

– Разве у всех мертвых тела разлагаются? – снова спрашивает Марина.

– Нет, – отвечает папа, – тела разлагаются у тех мертвых, которые покидают свой мир, пересекают Границу в обратную сторону. Впрочем, обычному мертвому это так же нелегко сделать, как обычному живому человеку – не шаману и не орфею – попасть живым в Заграницье. Иногда мертвые появляются в нашем мире как призраки, то есть души, лишенные плоти. Иногда – как зомби, фульчи или ромерос, то есть тела, лишенные сознания, фактически – движущееся оружие, пушечное мясо. Некоторые мертвые становятся упырями – довольно неприятная разновидность, обычно они служат низшими чинами в армии и слепо подчиняются своему создателю-командиру, который и сделал из них упырей. Но я, как правило, имею дело с другими мертвыми, с мертвыми экстра-класса, которые могут спокойно перемещаться через Границу в обе стороны. Именно они и становятся торговцами, дипломатами или шпионами. Их почти нельзя отличить от живых – и они-то опасней всех.

– Если они как живые, почему же ты встречаешься с ними только ночью? – спрашивает Марина.

– Ну, они же ходят с охраной – а у охраны известные проблемы с дневным светом, – улыбается папа. – Я, правда, думаю, проблемы с дневным светом у очень многих, но это не принято обсуждать. Вот они и ездят всюду с охраной, так что не разберешь – из-за кого мы вечно встречаемся по ночам.

Люси устало спрыгивает на пол. Марина вспоминает, как они играли когда-то вторым: папа, Люси и маленькая Марина. Папа привязывал катушку к нитке, Люси ловила ее лапами, а Марина хлопала в ладоши и смеялась. Сейчас она вспомнила это так отчетливо, словно увидела в кино.

– Ну вот, – говорит папа, закуривая следующую сигарету, – а теперь я скажу тебе, почему ты спрашиваешь меня обо всем этом, и дам тебе тот совет, которого ты обещала послушаться.

Марине кажется, она обещала не послушаться, а послушать, но сейчас не время спорить.

– Давай, – говорит она.

– Ты спрашиваешь меня про мертвых, потому что у твоего друга Гоши исчезла на Белом море мама, – говорит папа. – Если тебе интересно, я знаю об этом уже неделю.

– Откуда? – спрашивает Марина.

И если знал – то почему не сказал? Почему ждал, пока она сама придет с разговором?

– Коля рассказал, – улыбается папа. На мгновение его лицо скрывает голубоватый дым, потом он продолжает: – В Министерстве заинтересовались этим делом. Это ведь не просто исчезновение... Выяснилось, что в лаборатории практической этнографии они занимались прелюбопытными вещами. И вовсе не такими уж невинными, как может показаться на первый взгляд.

– Разве Гошина мама – этнограф? – удивляется Марина. – Он мне никогда не говорил.

– Ну, формально они были геологи. Но лет семь назад им удалось убедить руководство Академии наук, что важная геологическая информация скрыта в древних преданиях. Для извлечения этой информации как раз и была создана эта лаборатория. Надо ли говорить, Марина, что занимались они чем угодно, только не поиском полезных ископаемых.

Теперь папа сидит, облокотившись на стол и глядя на Марину почти что в упор.

– Чем занимались родители твоего друга Гоши, становится ясно только теперь. Они, как и многие этнографы, изучали древние предания и обычаи, возникшие еще до Мая. Но только те предания, что интересовали их, были предания о путешествиях в миры мертвых. О героях-трикстерах. О мужьях, спасающих из царства мертвых своих жен. О великих шаманах – я не имею в виду ученых шаманов, я говорю о древних шаманах, которые действовали не по науке, а по наитию. Ты понимаешь, что все это значит, Марина?

Она качает головой. Папа сидит перед ней, в облаке голубоватого дыма, крупный, массивный. Он смотрит Марине прямо в глаза – и ей становится страшно.

– Они искали способ нелегально пересечь Границу. Они хотели уйти *туда*. Судя по всему, маме твоего приятеля это в конце концов удалось. Единственное, что непонятно: почему она сделала это одна?

– Я не верю, что она бросила Гошу, – твердо говорит Марина. – Вот ты бы смог бросить меня и маму?

Папа улыбается сквозь сигаретный дым:

– Я бы не смог. Но множество мужчин бросают своих жен и детей. И, не забудь, я бы никогда не стал искать способ нелегально перейти Границу. Поэтому вот тебе мой обещанный совет: тебе не нужны такие друзья, как Гоша. Он, конечно, хороший мальчик, спортивный и все такое – но ты понимаешь, что значит быть сыном невозвращенки? И у него, и у его отца могут быть серьезные проблемы – мне бы не хотелось, чтобы они затронули тебя, пусть даже косвенно.

Марина замирает. Ей кажется – она ослышалась. Папа советует бросить друга? Бросить, когда у него дома беда?

Не может быть.

Всю жизнь, и в школе, и дома, ее учили: дружба – самое главное, что есть у человека. Друзей не предают. Друзей не бросают в беде. От друзей не отказываются.

– Я понимаю, – продолжает папа, – это будет нелегкое решение. Но, поверь мне, оно единственно правильное. Гоше самому будет легче, если он будет отвечать только за себя, а не за всех, кто в этот момент случайно оказался рядом.

Это не мой папа, говорит себе Марина. Мой папа никогда бы так не сказал. Мой папа читал мне книжки о смелых людях, рассказывал сказки о бесстаршных героях, учил не бояться и не отступать – он не может советовать бросить Гошу.

– Я понимаю, что ты чувствуешь сейчас, – говорит папа, – но придет время, и ты поблагодаришь меня за этот совет.

Марина молчит, ничего не отвечает.

Папа вздыхает и медленно встает. Он идет по коридору к ванной, Марина смотрит вслед, вспоминает, как они когда-то играли с Люси, и впервые понимает: не только кошки стареют, не только дети растут – взрослые тоже меняются.

На пороге ванной папа оборачивается:

– Кстати, если тебе интересно: Гошину маму приборы не находят. Но это, как я уже говорил, ничего не значит.

Марина кивает.

– Спасибо, – говорит она, – я поняла.

Марина произносит эти слова уверенно: и в самом деле – этой ночью она поняла что-то очень важное. Вряд ли – про Гошину маму. Может быть – про папу, может быть – про себя.

7

Гоша открывает дверцу шкафа и замирает.

Когда он был маленький, он любил здесь прятаться. Он зарывался в мамины вещи, тихонько закрывал дверь и ждал, пока его начнут искать. Взрослые бегали по квартире, кричали: *Георгий! Гоша! Ты где?* – а он лежал, вдыхая запах маминой одежды, и ждал, пока, наконец, на распахнется дверь, и тогда уже можно будет выскочить с криком, колесом пройтись по квартире, вознаградить себя за долгие минуты неподвижности.

Сейчас ему кажется: мама играет с ним в такую же игру. Она спряталась где-то – и теперь уже он, Гоша, должен ее отыскать.

Марина сказала: секретный прибор не находит Гошину маму среди мертвых. Она также сказала, что это ничего не значит, – но Гоша убежден: если бы мама случайно погибла, она бы обязательно вышла на связь. Значит, ее исчезновение – часть какого-то большого и сложного плана, который он, Гоша, должен разгадать.

Благодаря Марине он узнал, что такое практическая этнография, – и, как ему казалось, мог наконец-то поговорить с отцом в открытую. Гоша злился на него: почему его заставляют разгадывать загадки, почему нельзя было сразу все рассказать? А если бы Маринин папа работал где-нибудь в другом месте – как бы тогда Гоша обо всем узнал?

Гошин папа сидел в глубоком кресле перед телевизором. Кажется, он дремал – во всяком случае, когда Гоша вошел в комнату, глаза его были закрыты.

– Я знаю, чем вы с мамой занимались, – сказал Гоша. – В древних легендах вы искали указания на то, как можно тайком перейти Границу, как можно посещать Заграничье так, чтобы об этом никто не знал.

Папа рассмеялся.

– Глупость, – сказал он, – какая чудовищная глупость! Тебе-то кто все это наговорил? Мало мне идиотов в институте, этого паразита директора и двух бездельников замов – так еще и родной сын то же самое заладил. Подумай сам: как можно в древних легендах искать указание на переход Границы – ведь сама Граница появилась совсем недавно! Мы с мамой сто раз объясняли тебе: в древности мертвые не были врагами, у разных народов они назывались по-разному – Духи Предков, Пращуры, Основатели. Живые уважали их, а мертвые давали им знания, учили ремеслам, земледелию, начаткам технологий. То, что сейчас выкрадывают наши ученые шаманы, в древние времена мертвые отдавали сами – в обмен на уважение, подношения и символические жертвы. Вот это мы с твоей мамой и изучаем – точнее, изучали, потому что, похоже, лабораторию прикроют, и мне придется искать себе другую работу, попроще.

– Если вы не хотели убежать, – сказал Гоша, – то что же вы хотели? Неужели вы просто читали эти тексты или, ну, я не знаю, записывали древние сказания?

Папа рассмеялся – горько, одними губами:

– Вот это и есть сложный вопрос – чего мы хотели. Но уж точно не того, что получилось, тут уж ты мне поверь.

– Ты все время говоришь: это сложный вопрос, – разозлился Гоша, – ты думаешь, я это хочу от тебя услышать?

Папа пожал плечами:

– Ты, вероятно, хочешь услышать, что все очень легко и просто. Но я же не могу тебе соврать, правда? Если я говорю, что это сложный вопрос, значит, так оно и есть. К сожалению, это единственный ответ, который ты от меня получишь. Поверь, с ним тебе будет куда проще жить, чем с любым другим правдивым ответом. А врать я не люблю, ты же знаешь.

И он снова устало закрыл глаза.

Вот так они поговорили вчера – и поэтому Гоша сейчас стоит перед раскрытым шкафом, как будто опять собирается играть в прятки.

Но нет: Гоша опускается на колени и начинает осторожно перебирать мамины вещи.

Гоша думает: если мама понимала, что может не вернуться, она бы наверняка оставила что-то для него, для Гоши. Она бы спрятала это в таком месте, куда Гоша не полезет до ее возвращения – но где сможет найти, если с ней что-то случится.

Лучшего тайника, чем шкаф, нельзя было и придумать.

Гоша выбрасывает на родительскую постель ворох летней одежды – платья, цветастые юбки, легкую куртку, несколько рубашек. Потом он внимательно проверит карманы – а сейчас посмотрит, что лежало под всем этим добром на дне шкафа.

Ну, босоножки на платформе. Туфли на каблуке.

Большая картонная коробка из-под зимних сапог.

Гоша открывает крышку – коробка плотно заполнена тетрадями. Гоша пролистывает их одну за другой. Похоже, это институтские конспекты, старые, никому не нужные.

На всякий случай он просматривает все тетрадки – нет, ничего, что могло бы дать ему хоть какую-нибудь подсказку.

Он снова залезает в шкаф. Пахнет нафталином, старым деревом. Гоша закрывает за собой дверцы и на мгновение представляет: ему опять шесть лет, он опять играет в прятки.

На этот раз его никто не ищет.

Вздохнув, он открывает двери и подходит к постели, где цветастой грудой сложена мамина одежда.

Гоша уже не надеется найти что-либо. Он ощупывает платья и рубашки – механически, одну вещь за другой. Последним лежит белый летний пиджак с большими карманами – мама надевала его, когда они ездили в гости или когда ей предстоял какой-нибудь важный доклад. Гоша сует руку в карман и нащупывает что-то твердое, но при этом гибкое, достаточно большое, чтобы с трудом уместиться в кармане.

– Ух ты! – говорит он тихо.

Это – компьютерный диск. Плоский черный квадрат, со стороной сантиметров двенадцать. На уроках информатики Зиночка говорила, что на таком диске может уместиться целый роман.

Наверное, это и есть весточка от мамы.

Гоша откладывает диск в сторону, еще раз берет белый пиджак, прижимает к лицу, замирает на краю кровати.

Да, Гоша не может обмануться, это в самом деле он – слабый-слабый, почти позабытый мамин запах.

[Интермедия]

Только кровь и грязь

Тетя Света, Светлана Васильевна, режет на кухне картошку, краем глаза смотрит в телевизор, маленький, черно-белый, старый. На экране – красивый мальчишка с трофейным шестизарядным «смитом» отстреливается от мертвых серебряными пулями. Как фильм называется? Ах да, «Неуловимый».

Такие фильмы совсем не страшно смотреть. Там война совсем другая, нестрашная. Даже если герои в конце гибнут, даже если все плохо кончается.

Как может фильм кончаться хорошо или плохо? Он кончается словом «конец», вот и все. А потом передают новости, а в новостях – каждый день одно и то же. И каждый день – все хорошо.

Все хорошо – потому, что войны нет.

В жизни войны нет, в новостях нет и даже в фильмах про войну. Потому что в фильмах война ненастоящая.

В фильмах у войны нет запаха.

Нож равномерно двигается в руке тети Светы. Вжик-вжик. Тонкие ломтики картошки ложатся на разделочную доску. Вжик-вжик.

Где-то в глубине шкафа, в старой коробке, лежит серебряный нож. Майор Николаев отдал ей, когда уходил, – так всю войну с собой и проносила. В ладонь ложился как влитой. Одно движение – и только дымок вьется. Главное – попасть прямо в сердце.

Жаль, до войны никого не учили с ножом обращаться. Винтовки, пистолеты – сколько угодно. Вот и казалось, что враг будет где-то далеко, как в тире, – знай целься да стреляй. Опять же, никакого запаха.

Потому никто и не знал, какая она – война. Думали, повоюем неделю-другую, отбросим мертвых, закрепим Границу – и по домам, праздновать победу. Не война – так, легкая прогулка. Вон Нинка, когда к ним в отряд пришла, с собой взяла летнее платье и плюшевого медвежонка, трогательного такого, с пуговицами вместо глаз. Как она его звала? Мишка Сашка, да.

Что случилось с медвежонком, Светлана Васильевна не помнит. Зато она помнит, что становилось с детьми в деревнях, захваченных мертвыми.

Иногда она хотела бы об этом забыть.

Хорошо, что мертвые игрушечные медвежата не приходят назад. Вата лезет из разорванных швов, глаза свисают на ниточках... И запах – тяжелый, сладкий, мертвый запах.

На черно-белом экране смазливый парнишка рапортует командиру о выполнении задания. Командир отечески улыбается. Вот дети – насмотрятся таких фильмов, все мечтают о подвигах, о сражениях и победах. Ника, когда была маленькая, тоже все расспрашивала: «Как оно там было, на войне? Тетя, расскажи, как ты воевала!»

А что тут рассказывать? Там, на войне, только кровь и грязь. И еще – запах.

Но девочке, конечно, такое не скажешь. Зачем девочке об этом знать? Война – не женское дело. Дай бог, обойдется. Проживет Ника всю жизнь – и войны так и не случится.

Вот племянница Маша, Никина мама, уже ушла – и войны не застала. С одной стороны, жалко, что такая молодая. А с другой – повезло. Счастливая жизнь. Ни грязи, ни крови. А если пахнет плохо – так разве что в магазине тухлую замороженную курицу подсунули. Выкинуть – и все. Денег, конечно, жалко, но нестрашно совсем.

Маше можно только позавидовать. Любимый муж, чудесная дочка. Счастливая жизнь, иначе и не скажешь.

Короткая только.

А ведь раньше жизнь никогда не была короткой. Старшина Егоров рассказал как-то ночью, после фульчи-атаки: он-то помнит – раньше никто не боялся уходить, потому что все уходили не навсегда, ненадолго. Родные позовут шамана, дары принесут, свечи зажгут или там палочки специальные – и возвращайся на здоровье. И, главное, раньше, до Проведения Границ, мертвые все помнили, всех родственников, скажем, кто чей там муж или сын. Если бы Маша тогда ушла, могла бы возвращаться сколько влезет, Нику бы навещала. Нашли бы как-нибудь на шамана денег – на ребенке экономить бы не стали.

Но это все до Мая было, теперь уже, конечно, мертвые совсем другие.

Раньше изображения мертвых всегда в домах на почетном месте были – это Светлана Васильевна и сама помнит. У них в гостиной большая картина висела. Бабушка, папина мама. Папа с ней здоровался каждый день, говорил: «Здравствуйте, мама». Иногда, конечно, бабушка и сама приходила, но картина запомнилась гораздо лучше.

Куда она делась после Проведения Границ – кто ж знает?

У самой Светланы Васильевны спрятан в шкафу фотографический альбом и там – карточки ее мамы и папы, а еще Маши и Степы, Никиных родителей. Говорят, это небезопасно – хранить дома снимки мертвых, но чего уж тут бояться? Случись что, страшней, чем на войне, не будет.

Все будет хорошо – лишь бы войны не было. Она, проклятая, до сих пор по ночам снится. Проснешься ночью – лежишь в кровати, сердце бухает в груди. Иногда такое увидишь, что и забыть успела даже.

В кино такое не показывают. Вот, стояли они в одной деревушке, местных жителей почти не осталось, так что расселились по пустым избам. И вдруг ночью полезли мыши – из всех щелей, из подвалов, с чердаков. С писком, скрежетом, визгом. Галка, оказалось, с детства мышей боялась – залезла на скамью и давай визжать! А они отовсюду валят – спереди, сзади, сверху, с боков... Галка визжит, мыши пищат, а Светке вроде и противно, и вместе с тем – смешно. Галка же всегда смелая была. Фульчи, ромерос, тинги – хоть бы что, зубы стиснула и вперед. А тут визжит как маленькая. Хотя чего уж страшного – всего-навсего мыши.

А на рассвете – началось...

Те, кто уцелел, обсуждали потом: мыши, бывает, прорыв чувят, вот и убегают. Считай, верная примета.

Может, Нике рассказать? Вдруг пригодится? Впрочем, не дай бог. И так девочке досталось. Родители ушли, совсем одна осталась. И в спортшколе, оказывается, дети ее травили – как я только не поняла сразу? Сейчас, вроде, наладилось дружба какие-то появились, даже мальчишки, вроде Ника-то уже скоро совсем большая будет. Если не уйду быстро – может, и правнуков дождусь.

А уходить – не хочется. Егоров рассказывал, что после ухода не сразу по ту сторону попадаешь – сначала бродишь в каких-то промежуточных мирах. В старые времена живые тебе помогали дорогу найти: то ли шаманов посылали, то ли молитвы читали, то ли еще чего. Опять же, все заранее понимали, что там будет, после ухода. Мертвые приходили, рассказывали, объ-

ясняли. А сейчас – уйдешь и сама не знаешь, куда попадешь. Как ночью в тумане бродить, но еще страшнее.

Иногда Светлане Васильевне снится: горит спелая рожь, полыхает во мгле, а она с девочками пробирается этим горящим полем, словно ищет брод среди пламени. Все они – молодые, яростные, злые. Готовы сражаться, пока хватит сил, до последней капли крови, до последнего патрона.

Они готовы уйти этой же ночью.

Они не знают: впереди – целая жизнь.

В такие моменты Светлана Васильевна думает: может, в самом деле, лучше было уйти тогда, в пылу битвы, в азарте схватки, там, где кровь и грязь, где душный сладкий запах мертвой разлагающейся плоти? Уйти – и не знать, что дома никого не осталось, только племянница Маша, совсем маленькая, военная сирота? Уйти – и не знать, что Маша уйдет раньше нее, и она снова останется с девочкой-сиротой на руках? Может, так в самом деле – лучше?

Так она думает – но потом успокаивается, лежит в ночной тишине, закрыв глаза. Лежит и повторяет про себя: все будет хорошо, все будет хорошо. Только бы войны не было, лишь бы не было войны.

...Вжик-вжик, говорит нож, вжик-вжик.

Надо все-таки научить девочку с ножом управляться, думает Светлана Васильевна. Не дай бог, конечно, но вдруг пригодится?

8

– Вы не понимаете, – говорит Майк, – вы совсем ничего не понимаете!

Руки его трясутся, по лицу течет пот, светлые волосы слиплись, голубые глаза широко распахнуты.

Никогда еще – даже месяц назад, при первой встрече – Марина не видела его таким напуганным.

Что месяц! Еще два дня назад Майк был уверен в себе, весел, остроумен. Он взялся прочитать диск Гошиной мамы, если понадобится – распечатать на бумаге, и даже обещал принести тот самый движок – специальный прибор, посредством которого можно связываться с любым человеком по обе стороны Границы.

– Структура связи похожа на ячейки сот, – объяснял Майк, – чем больше людей будут образовывать отдельную соту, чем более надежной будет связь. Надо только знать *никкод* человека, ну что-то вроде номера телефона – и тогда можно связаться с ним, где бы он ни был.

– Даже в промежуточных мирах? – спросил Гоша.

– Да, даже в промежуточных мирах, – кивнул Майк. – Но у твоей мамы ведь нету своего движка – а если и есть, мы все равно не знаем ее никкода. Но зато мы сможем связываться друг с другом, обмениваться сообщениями, даже не приходя сюда.

Марине тогда очень понравилась эта идея – и она с нетерпением ждала, когда Майк принесет на пробу чудесный движок. В последнее время она вообще полюбила заколоченный дом, и было уже странно вспоминать, что когда-то он пугал ее, казался заколдованным, мертвым, пристально смотрящим сквозь окна-глазницы. Может, за эту зиму они обжили старое здание, наполнили его своей жизнью, которой дом не знал уже много лет. А может, Марине просто было неприятно возвращаться домой, неприятно видеть не только отца, но и маму – как будто тот ночной разговор связал их с отцом какой-то грязной тайной, каким-то едва не случившимся предательством, таким мерзким, что об этом разговоре невозможно было сказать никому, даже маме. Тем более – маме.

Вот и выходило, что заколоченный дом теперь – Маринина штаб-квартира, самое родное и любимое место в городе, единственное место, где Марина может чувствовать себя в безопасности.

И вот теперь здесь сидит Майк и, зябко обхватив плечи руками, раскачивается взад-вперед, монотонно повторяя:

– Вы не понимаете, вы совсем не понимаете!

Четверо ребят растерянно смотрят на него. Пять минут назад они вызвали Майка – но едва он появился, как тут же начал, путая живые и мертвые слова, умолять отпустить его назад. Несколько раз он пытался прыгнуть в дыру, и каждый раз девочки удерживали его, пока Гоша не применил бойцовый захват и не отволол Майка подальше от выхода в Заграницье.

Вот тогда-то Майк сел на стул и начал, раскачиваясь, повторять:

– Вы не понимаете, вы совсем не понимаете!

Что же случилось, думает Марина, что его так напугало? И если это что-то – в том мире, то почему он так рвется туда?

Марина подходит к Майку и обнимает его за плечи, как папа когда-то обнимал ее, чтобы успокоить. Обнимал когда-то очень давно, когда он еще не работал ночами, не давал непрошенных советов, а только рассказывал на ночь сказки про дружбу, которую нельзя предавать.

От Майка исходит запах, терпкий, чуть затхлый, немного резкий. Это запах страха, а может быть – запах смерти. Марина не знает – она обнимает Майка за плечи и говорит:

– Успокойся, успокойся. Скажи мне, что случилось?

Марина гладит его по мокрым волосам и думает, что, наверное, со стороны это должно быть похоже на любовную сцену из кино. Эта мысль почему-то приятна Марине, и она еще раз повторяет:

– Ну, не волнуйся. Скажи, что случилось?

Майк поднимает огромные голубые глаза, в которых застыли слезы, еще раз всхлипывает, сглатывает и с трудом начинает говорить – сбивчиво, судорожно, то и дело вставляя мертвые слова:

– *Трэш, полный трэш. Я вляпался, да? Это так называется? Вы дали мне флорпи, а я облажался. У фатера в кабинете старый писюк, я и полез туда. Только вставил – унс, автономный режим, только копи-бар по экрану. Я пытаюсь вынуть – ни фига, заблокировано. Я – в дауне, чего делать – не знаю, и тут – дверь нараспашку: асталависта, бэйби! – отец пришел!*

Марина слушает Майка, гладит его по голове, обнимает за плечи – и вдруг сквозь все эти всхлипы, бессвязное бормотание, сбивчивые слова проступает картинка, словно на экране старого телевизора, когда медленно разогревается кинескоп. Марина видит небольшую комнату, множество незнакомых предметов, какие-то из них, очевидно, компьютеры, но совсем другие, не похожие на те, что у них в школе. Около стола – Майк, такой же перепуганный, но безмолвный. Посреди комнаты – высокий человек, Марина не может разглядеть его лица.

– Флорпи-диск копируем? – спрашивает мужчина. – Откуда такой антик?

Он подходит к компьютеру и легко вынимает диск из щели, подносит к лицу, втягивает ноздрями воздух.

– Мне кажется, мой мальчик стал частенько наведываться за Границу, не так ли? Наверное, у него там завелись друзья, может быть – даже подружки, верно?

Майк молчит, и тогда мужчина подходит к нему и двумя пальцами берет за подбородок. Лицо совсем близко: Майк мог бы почувствовать его дыхание, если бы не замер, не в силах даже вдохнуть.

– Мне кажется, тебе лучше ответить самому, – говорит мужчина, – мне бы не хотелось поступать с тобой так, как я поступаю с людьми, которые не отвечают на вопросы.

Майк весь обмякает и начинает тихо поскуливать. Брезгливым жестом мужчина роняет мальчика в кресло.

– Я помогу тебе, – говорит он, – я буду задавать очень простые вопросы – можешь только кивать. Итак, ты меня понял?

Майк неподвижен, и тут мужчина кричит, громко и страшно:

– Ты меня понял? – и Майк медленно кивает.

– Вот и хорошо, – говорит мужчина, а потом один за другим задает вопросы, и каждый раз Майк слабо дергает головой: – Ты встречаешься с живыми? Это дети? Где это происходит? В городе? В заброшенном доме? Сколько их – случайно, не четверо? О! Может, еще и двое на двое? Прекрасно, просто чудесно...

Тут мужчина улыбается, и от этой улыбки Марину пробивает холодный пот. Она вцепляется в плечи Майка и дрогнувшим голосом говорит: не волнуйся, не волнуйся, – как и несколько минут назад, но на этот раз, кажется, говорит себе самой.

– Я не должен сюда больше приходить, – всхлипывает Майк, – вы *драйвовые* чуваки и мне клёво с вами, но если он сказал «прекрасно, просто чудесно», то мне лучше больше никогда вас не видеть. Я не знаю, может, он даже сейчас у меня на хвосте. Может, он через минуту будет здесь.

– Не дрейфь, – говорит Гоша, – мы-то твоего отца не боимся: как придет – так и уйдет. В конце концов, здесь мы на своей территории.

Майк смеется – громким, отрывистым смехом. От неожиданности Марина отскакивает, смотрит на него испуганно.

– Я просто не объяснил вам, кто такой мой отец. Ему все равно – живые, мертвые. Он всюду на своей территории. Слышали про «черные отряды», да? Ну, так отец у них – глава тринадцатого отдела, по работе с военнопленными. Он хотел, чтобы я прошел там стажировку – я продержался неделю. Я видел, как человек за несколько дней превращается в фульчи – как начинает заживо гнить плоть, отслаиваться кожа, выпадать глаза. Я слышал, как человек умоляет сделать с ним что угодно, как сам клянется сделать что угодно, что прикажут. Я видел, как матери приносят ее ребенка и как она... – голос Майка прерывается, не разберешь – от всхлипа или от смеха. – Я много видел, а еще больше мне рассказывали. И вы еще спрашиваете, почему я боюсь? Почему я хочу навсегда закрыть сюда дверь? Почему прошу вас больше не приходить в этот дом?

Все молчат. Марина видит: Ника прижалась к Гоше, а тот даже не замечает этого. Марину колотит дрожь, но тут раздается спокойный голос Лёвы:

– Хороший рассказ, Майк, но это всего лишь рассказ. Я столько книжек прочел в своей жизни, что меня не напугать еще одной историей – пусть даже такой, как твоя. Давай сюда наш диск и возвращайся. Ты еще обещал нам чудо-движок, но это уж ладно.

Майк вытирает слезы и протягивает диск Лёве.

– Вы считаете меня трусом, да? – говорит он. – Но я же не за себя боюсь, за вас. Я же только приманка. Ему зачем-то нужны четверо живых, два мальчика и две девочки, – и я готов никогда вас больше не видеть, только чтобы этими четверьмя оказались какие-нибудь другие дети. Разве это трусость? – спрашивает Майк и обводит всех голубыми, наполненными слезами, глазами.

– Нет, – говорит Марина, – это не трусость. Ты смелый парень, просто тебе сильно не повезло с отцом.

А мне – повезло? – думает она.

– Спасибо, – говорит Майк и делает легкое, почти не видимое глазом движение в сторону Марины, но замирает и через секунду уже встает и медленно идет к зияющей посреди комнаты дыре.

– Ну что, будем прощаться? – говорит Лёва и первый обнимает Майка. Затем подходят Гоша и Ника, последней – Марина.

Ей кажется, что Майк обнимает ее на секунду дольше, чем остальных ребят. Она снова вдыхает его запах – и на этот раз различает что-то еще, что-то кроме страха, паники и отчаяния.

Майк берет в руки магнитную свечу.

– Я на всякий случай закрою с той стороны, – говорит он и прыгает.

Светловолосая голова исчезает в провале, и Марина думает: вряд ли Майк закрыл «окно» с той стороны, чтобы его отец не нашел их. Скорее, Майк сделал все, чтобы они не могли снова вызвать его.

– Но мы ведь все равно будем сюда приходить? – говорит Гоша.

– Конечно, – тут же соглашается Марина, – прекрасное место, почему нам не приходить сюда?

Штаб-квартира, думает она. Да, наш штаб, наше секретное убежище.

– И что мы будем теперь делать с диском? – спрашивает Гоша.

– Придется, значит, как-то проникнуть в кабинет информатики, – отвечает Лёва. – Знал бы, что так выйдет, вообще с Майком не связывался бы.

– Да ладно, – говорит Ника, – с кем не бывает. Он ведь на самом деле хороший парень, я по нему скучать буду.

Я тоже, думает Марина и с неожиданной грустью вспоминает, как вздрагивали под руками худые мальчишечьи плечи.

9

Сегодня Зиновья принарядилась, замечает Лёва. А может, и не в одежде дело, думает он, может, просто у нее сегодня такое счастливое лицо, которое редко увидишь в школе у молодой учительницы.

– Дети, – говорит Зиновья, – я хочу сделать важное объявление. Как вы знаете, каждое лето Дмитрий Данилович организует туристические походы. В этом году у него запланирован интереснейший маршрут по берегам Белого моря, самого северного моря нашей страны. Вы, конечно же, знаете об этом – но сегодня я говорю об этом походе, потому что мы договорились, что я тоже приму в нем участие. Мне кажется, это будет интереснейшее приключение – и, конечно, я буду рада видеть всех вас.

Лёва сразу вспоминает, как Гоша видел Зиновью проскальзывающей в подъезд Дэдэ. Лёве даже немножко обидно: Зиновья всегда ему нравилась, а географ... что географ? Всем известный козел – занудный, противный и все время придирается. В поход с таким Лёву не заманить никакими коврижками – и уж конечно, участие Зиновьи в этой скучной бессмыслице ничего не меняет.

Возможно, впрочем, математичка так сияет вовсе не из-за похода. Как-никак сегодня Олимпиада – а из Лёвиного класса участвуют целых три ученика: к Лёве и Нике, на которых Зиновья давно рассчитывала, неожиданно присоединилась Марина. «Прекрасно, что девочка тянется к математике», – подумала, наверное, Зиновья – и, конечно, ошиблась: к математике Марина по-прежнему равнодушна. Просто на этот раз на Олимпиаде обещана задача по программированию.

А это означает, Олимпиада пройдет в кабинете информатики.

В отличие от любой другой школьной комнаты, кабинет информатики заперт почти всегда, а ключ выдается только Зиновье, отвечающей за сохранность дорогих компьютеров. Вот и получается, что Олимпиада – единственный способ оказаться за компьютером не на уроке.

Честно говоря, Лёва сам еще не знает, как воспользоваться этим шансом, но на всякий случай он уговорил Марину присоединиться к ним: две головы хорошо, а три – лучше.

– Сегодня трое наших учеников примут участие в подготовительном туре Олимпиады, – гордо объявляет Зиновья, – давайте пожелаем им удачи!

Да уж, думает Лёва, удача нам не повредит.

Лёва всегда удивлялся: зачем проводят подготовительный тур Олимпиады? Не то формальность, не то проверка на честность – ведь все участники решают задачи у себя в школе, и только потом работы отвозят в район и там определяют лучших. Лёва уверен: не один и не два учителя помогают своим ученикам или, в лучшем случае, закрывают глаза на коллективное решение и списывание результатов. Его это, впрочем, не слишком волнует: Лёва знает, что без всякой помощи выйдет в следующий тур, а потом, скорее всего, и на городской – как и последние три года.

Он очень гордится: на городском туре почти все – ученики специальных математических школ. Родители год назад хотели его в такую отдать, но Лёва сказал, что он и в своей родной отлично все выучит. И глядите-ка – справляется!

Задачи подготовительного тура, как всегда, легче легкого – но в этот раз Лёвина задача куда сложнее олимпиадных. Вот перед ним большая прямоугольная коробка с темным, покрытым пылью экраном. Это – компьютер. В кармане у Лёвы – диск. Чтобы вставить диск и прочитать, что записала Гошина мама, требуется где-то полчаса – но, конечно, на такое время Зиночка их в классе одних не оставит. Можно, конечно, сделать вид, что он решает задачу по программированию, вот только Зиночка то и дело останавливается за спиной – сразу увидит, если на экране будет что-то не то.

Все, что может сделать Лёва, – держать наготове диск и надеяться на чудо. А пока – решать олимпиадные задачи.

За соседней партой Ника, покусывая ногти, сосредоточенно заполняет клетчатый листок. Туго заплетенные косички раскачиваются в такт движению правой руки. Сидящая чуть впереди Марина по обыкновению глядит в окно.

Лёва уже решил три задачи из пяти, когда Зиночка встает с учительского места, смотрит на часы и говорит, что вернется через пять минут.

– Что будем делать? – шепчет Ника. – Вставляй диск, может, хоть что-то успеем прочитать.

Через минуту на черном экране появляются зеленые буквы – Лёва вводит несколько команд и видит содержимое диска. Он сразу понимает: за три минуты ничего не успеть. Гошина мама записала пять больших файлов, их читать – часа два, не меньше.

– Что будем делать? – повторяет Ника.

– Давайте я спрячусь, – вдруг предлагает Марина, – залезу в шкаф, а Зиночке скажите, что я ушла домой. А когда все уйдут, я вылезу, прочту файлы, отопру дверь изнутри – и уйду.

Лёва распахивает дверцу шкафа – там сложены старые геометрические чертежи и блок-схемы. Он смотрит на Марину и качает головой: ничего не получится.

– Может, я помещусь? – говорит Ника. – Я маленькая.

– Нет уж, – возмущается Лёва, – давайте лучше я.

Две драгоценные минуты проходят в препирательствах. В конце концов Лёва побеждает – дверцы шкафа закрываются, и он оказывается в полной темноте в обнимку с собственным портфелем.

Так ему сидеть часа два, не меньше.

Надо было быстрее задачки решать, думает Лёва, а то три из пяти не видать мне районной Олимпиады как своих ушей.

Чтобы время текло быстрее, Лёва думает про Зиночку и географа. И что она в нем нашла? Нет, никогда он не поймет женщин, так всю жизнь и проживет один, состарится – будет старый, как Мина, морщинистый и с панцирем...

Не понимает он женщин – и, главное, ни маму, ни Маринку об этом спросишь. Разве что бабушку Розу? Вот кому не стыдно задать любой вопрос.

А интересно, случайно ли географ живет как раз напротив заброшенного дома? Вдруг он присматривает за ним? Или даже поддерживает связь с отцом Майка, в точности как Оля – с Вадиком из «пятнашки»? И в поход он собирается как раз на Белое море – туда, где исчезла Гошина мама...

Не слишком ли много случайностей, думает Лёва и жалеет, что у него нет часов: не определить, как долго еще сидеть в темноте.

Темнота. Только зеленые буквы на черном фоне. Лёва осторожно нажимает клавиши – кажется, любой звук отдается по всей опустевшей школе. Пять файлов. Два часа чтения как минимум. Он смотрит на часы – интересно, догадался кто-нибудь из девчонок зайти к нему и соврать Шурке, почему он задерживается? Если нет – сидит сестренка дома, волнуется...

Три файла из пяти – первые главы диссертации. Четвертый – заметки, написанные Гошиной мамой для памяти, чтобы не забыть внезапно пришедшую в голову мысль. Что-то вроде научного дневника. И, наконец, пятый – маршрут последней экспедиции, подробный, с указанием всех ключевых точек.

Через два часа Лёва будет знать все; еще через час Гоша, Ника и Марина в молчании будут сидеть в Лёвиной комнате. Только что Лёва коротко рассказал им, чем занимались последний год Гошины родители.

– Да... – говорит Марина. – Ничего себе история! Ты точно ничего не напутал?

– Точно не напутал, – отвечает Лёва, – только немножко сократил в пересказе.

Изучая древние предания, Гошина мама смогла восстановить картину мира, каким он был до Проведения Границ.

В те времена между мертвыми и живыми не было вражды. Когда человек становился мертвым, все имущество оставалось ему, и в благодарность за это мертвые – Духи Предков – посылали живым уникальные знания, полученные ими в Заграничье. Они учили живых земледелию и ремеслам – потому что знали, что все, созданное живыми, рано или поздно попадет к мертвым.

В те времена мертвые не забывали своей живой жизни и часто приходили к живым родственникам и любимым. Граница между мертвыми и живыми была проницаемой – и люди не боялись смерти.

В течение столетий система немного видоизменялась – например, часть накопленного богатства стали оставлять родственникам ушедшего – но основные принципы оставались неизменными: право мертвых на свое имущество, право живых на знания мертвых и свобода перемещения между двумя мирами. Более того, Гошина мама предполагала, что в тот момент два мира воспринимались как один Открытый мир, единый и неразделимый.

Часть работы была посвящена обсуждению менее глобальных, но вызывающих жаркие споры вопросов – Лёва даже не подозревал, что, к примеру, вокруг темы происхождения мертвых языков кипят такие страсти. Он всегда считал, что живой язык в Заграничье разваливается на множество мертвых – но теперь узнал противоположную теорию: изначально было множество языков, и живые заимствовали их у мертвых точно так же, как заимствовали технологии. Начиная с некоторого момента, заметно предшествовавшего Проведению Границ, все языки, которыми пользовались живые, объединились в один всеобщий язык. Как водится, разные народы называли в качестве объединителя разных героев.

Судя по всему, четвертая глава должна была рассказать о том, почему в конце концов случилось Проведение Границ, а пятая, как предположил Лёва, – объяснять, что не так в нынешнем положении вещей. Так, во всяком случае, он заключил из разрозненных заметок, составивших четвертый файл.

Надо сказать, что краткое изложение этой теории Гоша еще несколько лет назад слушал на заснеженной лесной поляне. Однако даже для него полной неожиданностью стали последние записи в дневнике.

Выяснилось: во время осенней экспедиции Гошиной маме удалось ознакомиться с несколькими древними космогоническими текстами, описывающими – задолго до Мая – единственно возможную структуру Границы между мертвыми и живыми. Судя по всему, из этих текстов также следовало, что эта структура является условно-нестабильной – иными словами, Граница может быть разрушена бесконечно малым усилием, приложенным в определенное время в определенном месте. Последние несколько страниц дневника заняты вычислениями пространственно-временных координат этих, как их называла Гошина мама, бифуркационных точек. Несколько возможных мест были указаны на карте беломорского побережья – как раз в том районе, где она пропала спустя несколько месяцев.

Финальные строки дневника не оставляли сомнений в настоящей цели экспедиции: Гошина мама вовсе не собиралась перебежать в Заграничье. Ее цель была куда грандиозней – одним точечным ударом вернуть на землю Золотой век, когда не было страха смерти, а между живыми и мертвыми царил мир.

– А если твои родители ошибаются? – спрашивает Марина. – Если нам говорят правду в школе – не было никакого Золотого века, а была всего лишь эксплуатация мертвыми живых?

– А я им верю, – перебивает ее Ника, – я считаю, так и должно их быть: Открытый мир, мертвые и живые вместе, рука об руку.

Ника не может сдержать восхищения: она-то думала, что Гошина мама – просто какой-то геолог, а она, оказывается, была готова разрушить Границу! Ничего себе!

Выходит, Гошина мама жила в каком-то совсем другом мире. Вот, например, в нынешней школе носить сережки – это страшное преступление. А в той школе, где Ника училась до смерти родителей, Аннабель запросто ходила с пятью сережками и вообще объявляла себя смертницей. Это, конечно, было страшно круто – а теперь выходит, если сравнить Аннабель с Гошиной мамой, то... тут и говорить не о чем!

Ника видела Гошину маму всего пару раз и даже толком не помнит, как она выглядит. Разве что запомнила прическу – «конский хвост», ничего особенного, многие взрослые прихватывают волосы резинкой.

То ли дело Аннабель – куртка с молниями, серьги в ушах! Ника даже боялась к ней подойти, такая она казалась крутая.

А теперь выходит, надо было с Гошиной мамой поговорить. Про Границу, про мертвых. Про маму и папу.

– Как же тогда война? – говорит тем временем Марина. – Все было зря, что ли? Надо было позволить мертвым нас завоевать и разрушить Границу?

– Да, об этом там тоже написано, – вспоминает Лёва. – После Проведения Границы по обе ее стороны установилась жестокая система подавления. В результате у мертвых к власти стали приходить такие, как отец Майка...

– ...а у нас – такие, как Рыба, – смеется Ника.

– Примерно так, – кивает Лёва. – Короче, Гошина мама верила, что если снова сделать Границу прозрачной, то в течение нескольких лет оба мира изменятся и снова установится равновесие и гармония.

– По правде сказать, – говорит Марина, – меня несколько пугает исчезновение Границы. Мне кажется, с ней жизнь как-то безопасней...

– Ладно, хватит спорить, – подает голос молчавший до того Гоша. – В любом случае у моих родителей ничего не вышло. Граница как была, так и осталась. И лично я не собираюсь

ее разрушать прямо сейчас – я бы сначала нашел маму, а потом уже разбирался с Границей и этими бифуркационными точками.

– Без бифуркационных точек нам не обойтись, – говорит Лёва, – твоя мама должна быть где-то там, где эти области нестабильности. Возможно, при попытке воздействовать на Границу ее затянуло куда-то между мирами. Неудивительно тогда, что ее не могут засечь ни живые, ни мертвые. Туда, наверное, вообще никакой сигнал не проходит.

– И что мы будем делать? – спрашивает Ника.

– Поедем на Белое море, – говорит Марина, – искать эти бифуркационные точки. Вместе с Зиной и Дэдэ.

И она корчит недовольную рожу. Лёва смеется.

– Ну, поедем мы на Белое море... а толку? – говорит Ника. – Даже если мы найдем эти самые точки, у нас же нет ни оборудования, ни опыта – мы даже не понимаем, как проходить Границу в тех местах, где может быть Гошина мама.

– Нам нужен эксперт, – говорит Марина, – кто-нибудь, кто хорошо понимает про мертвых и живых.

– Твой папа? – предлагает Лёва.

– Забудь, – отвечает Марина, – и про моего папу, и про Гошиного. И про своих родителей тоже забудь, и про Павла Васильевича с Зиной. Взрослым нельзя доверять – они слишком напуганы. Если мы хотим спасти Гошину маму, мы должны действовать сами.

Как это у нее получается? – думает Ника. Как это Марина умеет так легко говорить: мы должны действовать сами. Как мне все-таки повезло, что у меня такие друзья.

– Я знаю одну девочку, – говорит Ника, – которая, наверное, понимает в этих делах больше нас. Она старше на пару лет, но, наверное, все равно еще не слишком взрослая, ведь так?

– На пару лет старше – годится, – кивает Марина. – А что это за девочка?

– Из моей старой школы, – говорит Ника, – ее зовут Аннабель. То есть на самом деле у нее какое-то другое имя, но на него она не отзывается. Два года назад она была самая крутая смертница во всем центре.

Крутая смертница... Да уж, после того, что рассказал Лёва, не так уж круто быть смертницей.

Как же все-таки Гоше повезло с мамой.

– Смертница? – переспрашивает Гоша.

– Ну да, – кивает Ника, – да ты же ее знаешь: помнишь, когда вы с Вадиком дрались, она как раз проходила мимо?

– Я просто не знал, что ее зовут Аннабель, – отвечает Гоша. – И, сдается, она не захочет иметь дела со мной.

10

Ника не была здесь почти два года. Ей казалось, она давно обо всем забыла, но нет – ноги сами находят дорогу, а сердце отзывается на каждый поворот, на каждый шаг.

Этой дорогой Ника шла в первый класс – с мамой и папой. Белый фартук с голубоватыми кружевами, туго заплетенные косички. Вот здесь первые полгода мама встречала ее – потом она уже ходила из школы сама. Промокшая от дождя куртка, вечно мерзнувшие руки. А вот здесь, однажды в субботу, ее встретил папа – нежданно-негаданно, без предупреждения, шел из магазина и решил встретить Нику.

Мамы и папы давно уже нет – и только косички оставались все это время теми же: туго заплетенными, торчащими над головой, словно антенны.

С первого класса – и до сегодняшнего дня.

Ника идет той же дорогой, но впервые ее волосы убраны в «конский хвост». Никаких косичек.

Она так и подумала утром: надо прийти в старую школу новой. Такой, чтобы никто не узнал ту Нику, какой она была когда-то.

Почему-то при этом Ника все время думала о Гошиной маме. Ну да, у нее была такая же прическа. Взрослая прическа, которую носят женщины, способные разрушить Границу.

Ника идет знакомой дорогой – той, по которой ходила с мамой и папой. Идет со своими тремя друзьями. Тремя новыми друзьями, ни один из которых никогда даже не видел ее родителей.

– А если Аннабель не будет в школе? – спрашивает Гоша.

– Значит, придем в другой раз, – отвечает Ника, но сама думает: хорошо бы все получилось прямо сегодня. Ей совсем не хочется снова и снова возвращаться сюда.

– А она тебя помнит? – снова спрашивает Гоша.

– Нет, – отвечает Ника, – но я ее помню. Я к ней подойду и поговорю, не прогонит же она меня?

Когда родители стали мертвыми, Ника еще несколько месяцев проучилась в этой школе. Именно в то время она заметила Аннабель. Смертники тогда только появились, газеты еще не писали о них фельетонов, и прохожие, оборачиваясь на девочку в черной с серебром куртке, даже не знали, что и думать.

Весной после гибели родителей, теплым апрельским днем Ника увидела в дальнем углу школьного двора Аннабель и еще двух девочек-смертниц. Все трое курили – для этого и вышли во двор. Ника подошла поближе и прислушалась.

– Смерть, – говорила Аннабель, – это то, что нас объединяет. Как бы мы ни жили, в конце концов мы уйдем. Так почему же люди боятся смерти?

– После смерти мы становимся мертвыми, – сказала одна девочка.

– Правильно, – кивнула Аннабель и в этот момент стала похожа на учительницу, похвалившую прилежного ученика, – да, мы боимся стать мертвыми. И значит, чтобы избавиться от страха смерти, нам надо стать мертвыми прямо сейчас!

– Покончить с собой? – спросила другая девочка.

– Можно, но необязательно, – ответила Аннабель, – надо просто вести себя как будто ты – мертвая. Чувствовать, как будто ты мертвая. Ощущать мир как мертвая. Вот что я имею в виду.

Ника запомнила эти слова. Ее мама и папа только что стали мертвыми – почему бы не стать мертвой и ей? Она стала пытаться представить себе, как видят мир мертвые, как они воспринимают живых, – но почему-то у нее никак не получалось жить вызывающе и ярко как Аннабель. Вместо того, чтобы шокировать прохожих черной с серебром одеждой и высокими ботинками (на которые, правда, все равно не было денег), Ника часами сидела, глядя в одну точку и кусая ногти. И к концу третьего часа она чувствовала себя еще более мертвой, чем в начале.

Наверное, думала тогда Ника, у меня и у Аннабель разные мертвые. Что тут поделать – не всем дано быть яркими и запоминающимися. Вот у меня даже рыбки в аквариуме посерели.

Сейчас Ника вовсе не хочет быть похожей на Аннабель. Она хочет познакомиться с ней своих друзей и попросить у нее помощи.

– А если она нам откажет? – спрашивает Гоша.

– Что-нибудь придумаем, – раздраженно отвечает Марина.

Наверное, Марина ревнует, думает Ника. Гоша же всегда с ней был, а тут так психует из-за этой Аннабели. А я – ревную, спрашивает она себя и, подумав, отвечает: наверное, нет. Все равно я привыкла, что мальчики, которые нравятся мне, всегда выбирают других девочек. Марина так Марина, Аннабель так Аннабель.

Они входят на школьный двор в тот самый момент, когда Аннабель с подружками спускается по лестнице. На ней теплая зимняя куртка, вся в серебряных молниях и сердцах, на плече – сумка, от руки разрисованная такими же узорами. Первым Аннабель замечает Гошу и презрительно поднимает брови.

Ника делает шаг вперед и говорит:

– Привет!

– Привет! – удивленно отвечает Аннабель.

– Я когда-то училась в этой школе, – говорит Ника, – ты меня, наверное, не помнишь.

– Ага, – кивает Аннабель, – не помню.

– Это мои друзья, мы теперь в одном классе, – продолжает Ника, – и нам нужна твоя помощь.

Аннабель еще раз смотрит на Гошу и, улыбаясь, говорит:

– Что, побить кого-нибудь маленького и слабого?

– Нет, – отвечает Ника, – мы никогда не бьем маленьких и слабых. Ты тогда пришла к самому концу, а в начале было все наоборот: их много, а я – одна. И Гоша с друзьями меня спас.

Ника не говорит, что сначала именно Гоша с друзьями оставили ее одну против целой толпы пятнашек – как говорится, проехали. Простили и забыли.

– И что же вам от меня нужно? – спрашивает Аннабель.

– Мы хотим изменить мир, – отвечает Марина.

– Иными словами, – говорит Аннабель, – вы примерно знаете место, но не понимаете, как освободить человека, застрявшего в этом месте между мирами?

– Ну да, – как всегда за всех отвечает Марина, – то есть мы знаем самые простые способы: дэдоскоп, звезда в круге, магнитные свечи и так далее. Но мы боимся, что в тех местах это не подействует.

Они сидят у черного хода старого каменного дома. Где-то здесь живет Аннабель – но никого к себе не зовет, принимает гостей тут, на лестнице. Холодно, зато подальше от родителей.

Интересно, думает Ника, если бы мама и папа были живы я бы тоже со своими друзьями сидела на лестнице, а домой никого не приглашала? У тети понятно – в подъезде не рассидишься, а с мамой и папой мы тоже жили в старом доме, не хуже этого. И черный ход там тоже был.

У нас, впрочем, есть наш заколоченный дом, думает Ника. Гораздо лучше любого подъезда. Секретное место, известное только нам четверым.

– Я, конечно, знаю более действенные методы, – говорит Аннабель. – Есть места, где Граница тоньше. И если там сделать правильный ритуал, то в Границе образуется брешь.

– Прекрасно, – говорит Марина, – а ты можешь показать нам этот ритуал?

Аннабель задумчиво поднимает голову, развернувшись к собеседникам в профиль. Словно два года назад, Ника любитесь – настолько все у Аннабель выходит выразительно и красиво.

– Да, могу. Если вы, конечно, не боитесь.

– Я ничего не боюсь, – говорит Гоша, – я уже все равно, что мертвый.

– Вот и умничка, – отвечает Аннабель, – а все остальные – тоже готовы?

– К чему? – спрашивает Лёва.

– Ко всему, – отвечает Аннабель. – Ко всему и к самому худшему.

Внезапно Нике становится смешно: для них с Гошей самое худшее уже случилось. Были ли они готовы к этому? И как им следовало подготовиться?

Впрочем, Ника прячет улыбку в ладонь – всем кажется, что она как всегда обкусывает ногти, – и с самым серьезным видом повторяет «да» за Лёвой и Мариной.

– Ну что же, – говорит Аннабель, – тогда на той неделе я отведу вас туда, где мы сможем проделать брешь в Границе. Если, конечно, за это время никто не передумает.

– Если кто передумает – пойдем без него! – говорит Гоша.

– Не выйдет, – поправляет его Аннабель, – нужно пять человек, ни больше, ни меньше. Так что если кто струсит – все отменяем.

– Мы не струсим, – говорит Марина, – а ты нас не пугай попусту!

Некоторое время обе девушки с вызовом смотрят друг на друга. Аннабель первой отводит глаза.

– Ладно, – говорит она, – мне пора идти. Встретимся в это *возвращение*, часов в десять. Договорились?

– Договорились, – отвечает Марина, а Ника думает, что, кажется, она зря затеяла эту историю: ничего хорошего из того, что они задумали, не выйдет.

11

Весна всегда наступает внезапно: еще вчера серое небо нависало над столицей, сугробы громоздились по обе стороны дороги, метель бросала в лицо пригоршни снега – а сегодня капель отбивает свою барабанную дробь, и солнце светит так, что хоть шапку снимай. Еще немного – и вдоль дорог побегут ручьи, малыши запустят кораблики, в школу понесут брызгалки, а куртки оставят дома: придет весна.

Сегодня – только предчувствие весны. Яркое солнце в голубом небе, перестук капель, срывающихся с исполинских сосулес, первые лужицы посреди ледовых дорожек. Гоша идет рядом с Лёвой, чуть сбоку – Ника, а впереди – Марина и Аннабель.

Гоша смотрит на черную спину Аннабель, покрытую серебряными молниями и расколотыми сердцами, причем линии расколов кажутся негативом тех же молний. Рисунки, судя по всему, наносились по трафарету – и теперь Гоше видно, что местами краска облетела и протерлась.

Сегодня Аннабель без шапки, и короткие черные волосы колышутся при каждом ее шаге – то ли от ветра, то ли от того, что девушка все время оглядывается, будто проверяя, не следят ли за ними. Когда она особенно сильно поворачивает голову, Гоша видит ухо – то левое, то правое, то, что с вереницей серебряных колец, спускающейся к самой мочке.

Эх, если бы на месте Гоши был его кузен Илья, он бы легко подошел к Аннабель, поговорил с ней, рассказал что-нибудь смешное про киносъемки – показал бы класс.

Гоша так не умеет.

Лёва спрашивает шепотом:

– Как ты думаешь, куда она нас ведет?

Гоша пожимает плечами: он и сам не знает. Аннабель обещала отвести их туда, где два года назад вместе с девочками видела привидение. Именно там, сказала она, и надо ломать Границу.

– А я знаю куда, – говорит Ника.

– Да ну? – спрашивает Лёва. – И куда же?

– Прямо в пасть мальтийской птицы, вот куда! – отвечает Ника и на всякий случай показывает язык.

Обиженный Лёва замолкает: Ника сегодня какая-то злая, будто не она предложила идти к Аннабель.

Уже четверть часа они петляют по дворам и пустынным переулкам, словно их проводница пытается запутать следы – а может, сделать так, чтобы ребята не смогли второй раз найти дорогу. Наконец они выходят из арки и видят знакомый дощатый забор.

– Здесь, – шепотом говорит Аннабель.

Гоша замирает в растерянности. Это же наше секретное место, думает он, сюда нельзя никому, кроме нас.

И тут же другая мысль догоняет его: «Как все-таки здорово, что Аннабель сама нашла этот дом! Значит, она будет здесь вместе с нами. Мы будем вместе! Как здорово!»

– Здесь, – повторяет Аннабель.

– Здесь мы уже были, – отвечает Марина, – и не раз. И как раз сюда мы совершенно не собираемся идти. Я имею в виду – вместе с тобой.

Аннабель смотрит на нее с презрением:

– Что, струсила? Я так и знала: у вас кишка тонка.

– Вовсе и не струсила, – пожимает плечами Марина, – просто мы с тобой в этот дом не пойдем!

– Конечно, не пойдете, – говорит Аннабель, – потому что боитесь, да?

– Ничего мы не боимся, – отвечает Марина, – мы там сто раз были, а с тобой – не пойдем.

– И почему это?

– А почему это я перед тобой должна отчитываться?

Теперь они стоят друг напротив друга. Аннабель немного выше, и Марине приходится тянуться вверх, чтобы стать с ней вровень. Девочки стоят к Гоше в профиль, он видит, как у обеих раздуваются крылья носа.

– Да вы все трусы, – говорит Аннабель, – только и умеете, что вдесятром на одного!

Тут Гоша не выдерживает.

– Вовсе мы не трусы, – кричит он, – мы в этом доме уже были и даже вызвали... не то что привидение – настоящего мертвого!

– Ты что, мы же слово дали? – шепчет Лёва, а Аннабель поворачивается к Гоше и, кажется, впервые смотрит на него с интересом:

– Это как – настоящего мертвого?

– Да врет он все, – быстро говорит Марина, – никакого мертвого мы не вызывали, с чего бы это?

Но Гоша видит: Аннабель сразу поверила ему.

– Да ладно, ребята, – говорит он, – раз уж мы к ней пришли – чего в молчанку играть? Давайте все расскажем, а?

– Трепло, – говорит сквозь зубы Марина. Даже Лёва смотрит исподлюбя – но тут Ника неожиданно говорит:

– В самом деле, ребята. Мы же собрались Гошину маму спасти – чего секреты разводить? Давайте расскажем, чего уж там.

– Я видела привидение здесь, – говорит Аннабель, останавливаясь посреди той самой комнаты, где когда-то ребят напугала крыса. – Давайте здесь и начнем.

Она снимает с плеча разрисованную молниями и сердцами сумку, кладет на пол и порывшись в учебниках, вынимает два свертка: один, небольшой, из черного бархата, другой – из обычной газеты. Гоша заглядывает через плечо и, когда девушка разворачивает ткань, видит маленький серебряный ножик. Не боевой кинжал, знакомый Гоше по военным фильмам, – обычный столовый нож, только остро заточенный с двух сторон.

– Вампиров убивать? – ехидно говорит Марина.

– Нет, – отвечает Аннабель, – вены резать.

Марина фыркает. Гоша смотрит на нее с упреком и быстро спрашивает Аннабель:

– А зачем резать вены?

Девушка убирает бархотку в сумку, застегивает молнию.

– Когда-то это был такой способ самоубийства, – говорит она. – Способ сделать себя мертвым. Разрезать себе вены. Самоубийство – главное, что может сделать человек. И когда

любой из нас режет себе вены, он говорит мертвым и всему Заграничью: смотрите, я ваш! Я хочу быть с вами! Мы, смертники, часто режем себе вены. Это как клятва верности смерти. Да вообще, перерезать вену – это как будто немного прорезать брешь в Границе.

Аннабель закатывает рукава, и Гоша видит худые руки, покрытые небольшими шрамами.

– Ух ты! – говорит он.

– А это больно? – спрашивает Лёва.

– Конечно, это больно, – отвечает Аннабель, – но мы не боимся боли. Мы считаем себя мертвыми и поэтому ничего не боимся.

– И часто вы это делаете? – спрашивает Марина.

– Когда надо – тогда и делаем, – отвечает Аннабель.

– Что-то ты слишком живая для мертвой, – поддевает ее Марина. – И одежда у тебя как у живых, и даже ножичек – самодельный.

– Мертвая одежда – для мажоров, – говорит Аннабель, – смертники сами делают себе одежду. Мы сами делаем и свою одежду, и свою судьбу!

Девочки опять смотрят друг на друга с вызовом, и Гоша думает: что они как с цепи сорвались? Неужели нельзя по-нормальному? Ему неудобно перед Аннабель, он хочет ей объяснить: Марина на самом деле вовсе не такая вздорная, она – клевая девчонка, с ней хорошо дружить. Но Гоша помнит: Аннабель не забыла драки у гаражей – и молчит.

Лёва смотрит на друга, потом вздыхает и говорит, почти как взрослый:

– Девочки, может, хватит? Что вы, в самом деле, как маленькие.

Марина пожимает плечами и отворачивается.

Аннабель берет в правую руку нож и рассекает вену на левой. Ника вскрикивает.

– Теперь вы, – говорит Аннабель. – Потом мы смешаем кровь, нарисуем звезду и попробуем пробить дыру. Ну, кто первый?

Она смотрит на четырех друзей.

– Чего, опять боитесь? – говорит она, и тогда Гоша протягивает руку за ножом.

Пальцы у Аннабель совсем холодные.

Гоша сжимает нож покрепче – короткая вспышка боли, вовсе не так страшно, как он думал. Он растерянно смотрит, как порез набухает кровью. Густые капли падают на пол.

– Дай мне, – слышит он голос Ники.

Девочка берет нож, Гоша встречает ее взгляд. Не отводя глаз, Ника делает почти незаметное движение – и тут же вскрикивает, выронив нож.

Гоша думает: надо сказать Нике что-нибудь, но не может придумать – что.

Марина поднимает упавший нож, смотрит на него с недоумением, закатывает рукав, пожимает плечами и каким-то будничным жестом – словно режет хлеб – рассекает вену.

– Ну, Лёва, давай, – говорит она.

– Давай, Лёвка, это не больно совсем, – вторит ей Гоша, хотя рука с каждой минутой болит все сильнее.

Лёва прикладывает лезвие к запястью и несколько раз возит туда-сюда.

– Резче давай, – советует Гоша.

Лёва дергается – получилось! – и возвращает нож Аннабель.

К этому моменту она уже размотала второй сверток: теперь Гоша видит, что в газете лежат пять магнитных свечей, таких же, как та, которой они три месяца назад вызвали из Заграничья Майка.

– Ну вот, – говорит Аннабель, – теперь мы должны кровью нарисовать звезду в круге, стать каждый в верхушке луча, поставить перед собой магнитные свечи, зажечь и взяться за руки. Тут главное – не разжимать рук, что бы ни происходило.

– Мне кажется, мы это уже однажды проходили, – говорит Марина, – только без крови и с одной свечой. Боюсь, во второй раз этот дом вообще развалится.

– Ладно, – говорит Ника, – давайте уж закончим, если начали.

Звезда получилась совсем небольшой, и ребята почти касаются друг друга плечами. Гоша держит за руку Нику и Лёву, Лёва – Аннабель, та – Марину, а Марина – Нику. Магнитные свечи горят уже несколько минут. Ничего не происходит.

– А почему ты думаешь, что это должно сработать? – говорит Марина.

– Я знаю, что должно, – отвечает Аннабель.

– А ты пробовала когда-нибудь?

Аннабель молчит.

– Пробовала или нет?

– Сама нет, но мне говорили...

Марина смеется:

– Обалдеть! Мы, как дураки, режем себе руки, заливаем все кровью, жжем магнитные свечи и водим здесь этот дурацкий хоровод – а, оказывается, тебе это только говорили! Где говорили? В детском саду? В младшей группе?

– Вовсе и не в детском саду! – отвечает Аннабель, и в этот момент в дальнем конце дома раздается грохот.

– Началось! – говорит Ника.

– Я же говорила! – торжествующе заявляет Аннабель.

– Тихо! – говорит Лёва, и только тогда Гоша слышит, что кто-то идет к ним через комнаты. Ника что есть силы сжимает его руку.

Гоша смотрит на Аннабель: ее глаза широко распахнуты, она смотрит куда-то ему за спину. Он оборачивается: в проеме двери мало-помалу проступает угловатая фигура.

– Я так испугался, чуваки, – говорит Майк, – а это снова вы!

12

– А еще у меня с собой есть *интердвижок*, смотрите!

Майк достает из кармана небольшой диск, чем-то похожий на айпо, но круглый, как блюдце. Со всех сторон из его нижней части торчат провода с кольцами на конце.

Они все сгрудились вокруг. Даже Аннабель молча заглядывает Майку через плечо. Небось, первый мертвый в ее жизни, злорадно думает Марина. Тоже мне, смертница!

– Надо всем взяться за кольца, – поясняет Майк, – чем больше народу, тем лучше прием. Потом надо натянуть провода, чтобы интердвижок висел в воздухе.

Ребята делают, как сказал Майк. Он тоже просовывает палец в одно из колец и тянет на себя. Другой рукой он по-прежнему сжимает кисть Марины. Ей чуть больно, но почему-то это пожатие ей приятно. Рука у Майка теплая и немного влажная.

– Он начнет светиться, и надо, чтобы кто-нибудь набрал вот здесь никкод, – и Майк, отпустив кольцо, тыкает в буковки на небольшом экране в центре устройства. – Мы называем этого человека *СМИ* – сокращенное от *Старший модератор интердвижка*.

– Ты говорил, никкод – это что-то вроде номера телефона, да? – спрашивает Лёва. – И у тебя, наверное, есть какая-нибудь телефонная книжка с номерами?

– Да, конечно, вот она, в самом движке, – Майк быстро пробегает пальцами по экрану, и Марина видит, как сменяют друг друга незнакомые имена и фамилии, написанные на каком-то мертвом языке, – но вам это не нужно, вы же никого здесь не знаете. Это я все удалю, а впишу свой ник-код.

– А как люди получают такие коды? – спрашивает Лёва. – Им их выдают?

– И долго надо стоять в очереди? – добавляет Ника.

– Зачем – в очереди? – удивляется Майк. – Нужно вот сюда зайти, ввести свое имя и выбрать себе никкод.

– Любой?

– Нет, свободный, – Майк отпускает Маринину руку. – Я сейчас сам сделаю, это нетрудно, подождите минутку.

Некоторое время Марина смотрит, как пальцы Майка бегают по экрану. Сегодня он совсем не похож на того перепуганного мальчишку, которого она видела в последний раз. Губы чуть приоткрыты в полуулыбке, поблескивает скобка, голубые глаза не отрываются от маленького экранчика.

– Вот, – говорит Майк, – я завел вам никкоды. Легко узнать: там обязательно должна быть такая загогулина, ну вот эта. Мы его называем *собачий хвост*, или просто *хвост*. В записной книжке, смотрите, – только я по-нашему имена написал, ничего?

– Нормально, – говорит Лёва, – мы в школе мертвые языки проходим, уж имена-то как-нибудь прочтем.

– А на каком из мертвых языков ты говоришь? – спрашивает Аннабель.

Это первые слова, которые она произносит с тех пор, как появился Майк.

– На английском, – говорит Майк, – и немного на франкском.

– Здорово! – Аннабель берет его за руку и говорит на английском: – Я специально изучала ваш язык, чтобы говорить с мертвыми. Я – смертница, я хочу быть такой, как вы!

Майк смотрит на нее удивленно.

– Зачем? – спрашивает он на всеобщем языке. – Зачем ты хочешь быть мертвой? Ты ведь рано или поздно все равно такой станешь. Все живые станут мертвыми – а вот мертвые живыми никогда.

Аннабель смущенно опускает глаза, и Гоша трогает Майка за плечо:

– А никкод моей мамы никак нельзя узнать?

– Ну я и *лох*! – Майк хлопает себя по лбу. – Чуть было не забыл! Я же прочитал ваш флоппи: у отца сохранилась копия в писюке. Там в одном файле есть никкод твоей мамы. Я его уже ввел в этот интердвижок.

– Спасибо, – сказал Гоша, – значит, я могу связаться с моей мамой?

– Ну да, – смутился Майк, – если у нее есть с собой интердвижок и там, где она, нормальный прием. Если долго *вращать блюдце*, то должно получиться.

Ага, Марина, вращать блюдце – это значит звонить по этой штуке. Надо запомнить. Майк интердвижок. Вот клево, теперь у нас будет своя мертвая вещь. И не какой-нибудь видик, а совсем уникальная, секретная вещь! Небось, даже папа такой никогда не видел! Разве что дядя Коля, да и то – вряд ли.

– Спасибо, – говорит она Майку и пожимает руку.

Пальцы мальчика на мгновение стискивают ее ладонь, Майк смотрит Марине в глаза, словно хочет сказать что-то, – и в этот момент они слышат треск, а потом – истошный визг Ники.

Марина сразу понимает: кто-то отрывает доски от заколоченного окна. *ДэДэ?* – почему-то сразу думает она. Но нет: снаружи к стеклу прижимается *нечто*.

Не лицо, не маска, не морда.

Нет – сплошные струпья, язвы и гнойники. Раны, открытые, словно лишние пары глаз или беззубые рты.

Нике кажется: ее крик заглушает все остальные звуки. Но все равно она слышит треск, с которым существо за окном отдирает доску за доской, слышит скрип, с которым гниющие пальцы скребут стекло.

– Ромерос, – шепчет Майк, – зомби. *Кранты*, чуваки, надо валить отсюда.

– Шкаф! – кричит Лёва. – Надо закрыть окно шкафом!

– Верно, – отзывается Гоша, – в кино так всегда и делают!

Все вместе они бросаются к шкафу, стоящему у стены, толкают и тянут к окну. Ника старается не смотреть в ту сторону, но все равно слышит треск и скрип. Шкаф такой тяжелый, что ей кажется: еще немного – и у нее что-то порвется внутри. Она видит покрытое потом лицо Аннабель, совсем близко. Девушка тяжело дышит, мокрая черная челка прилипла ко лбу. Пальцы у Ники почти разжались, она упирается спиной в стену и, скосив глаза вправо, видит страшное существо совсем близко – и тут стекло со звоном разбивается. Ника кричит, разжимает пальцы и отскакивает.

Шкаф с грохотом падает, завалив окно и преградив путь зомби.

– Откуда он взялся? – говорит Гоша.

– Я не знаю, – срывающимся голосом отвечает Майк, – они лезут через дыры в Границе, но откуда они снаружи дома?

В этот момент снова раздается треск – это отлетают доски на противоположном окне.

– Бежим отсюда, – кричит Марина, – мы не закроем все окна! Надо прятаться!

Ника бежит, перед ней – Марина и Майк, следом – Аннабель и Гоша с Лёвой. Чердак комнат кажется бесконечной, слева и справа трещат доски на окнах, Ника старается не слушать, не смотреть.

Они вбегают в последнюю комнату – что-то вроде кладовки. Ника понимает, почему Марина вела их сюда: здесь нет окон.

– Надо чем-то завалить дверь, – говорит Лёва.

Ника осматривается в полумраке: если не считать нескольких поломанных стульев, комната пуста.

– Сундук в соседней комнате, – говорит Марина. – Если притащить сюда, мы сможем забаррикадироваться.

Гоша распахивает дверь и кивает Аннабель:

– Пошли!

Майк и Лёва бегут следом, Марина и Ника – за ними.

Сундук старый, обитый железными обручами, с четырьмя кожаными ручками по бокам.

– Майк, Гоша – беритесь спереди, – командует Марина, – я с Лёвой – вот эту, Аннабель с Никой – ту. Поднимаем на раз-два-три!

– Мы не успеем, – говорит Майк, – они уже в доме.

– Не дрейфь, – говорит Марина, и Ника удивляется ее спокойствию. – Раз-два-три!

Сундук отрывается от пола, Ника слышит шумное дыхание Аннабель, видит набухшие жилы на шее Гоши.

Шаг за шагом они двигаются к спасительной кладовке.

– Еще немного, – хрипит Марина, – мы почти дошли.

И в этот момент медленно, словно в кошмаре, распахивается боковая дверь, и Ника видит, как сочащийся гноем обрубок хватает Гошу за плечо, а следом уже тянется клоака рта, кровоточащие десны, желтые зубы...

Кожаная ручка вырывается из сведенных пальцев, Ника кричит, не в силах пошевелиться – и в этот момент кто-то отталкивает ее, она падает на сундук и едва успевает заметить черную с серебром спину, метнувшуюся наперерез зомби, а потом – выкрик хэ! на самом выдохе, и тут же – звериный визг, не то стон, не то плач. Ника поднимает голову: это вопит зомби. В полуметре от нее, покачиваясь, бляя кровью, размахивая обрубком. Вместо кисти – дымящийся срез.

Ника видит, как Гоша разворачивается и бьет ромерос ногой в грудь – тем же ударом, что когда-то Вадика. Уродливая фигура вываливается обратно в дверной проем. Аннабель в

замешательстве смотрит на дымящийся серебряный нож, словно раздумывая, что с ним делать, потом сует в карман куртки.

– Что стоите? – кричит Марина. – Раз-два-три – взяли!

– Они его точно не сдвинут? – с опаской спрашивает Ника.

В кладовке темно и тесно. Совсем рядом – шумное дыхание кого-то из ребят. Чьи-то пальцы касаются Мариной руки – и она узнает Майку.

– Не сдвинут, – говорит она, – ты же видела, какой он тяжелый.

– Все равно, – говорит Аннабель, – мы должны быть готовы к атаке. У кого-нибудь есть оружие?

Все молчат.

– Мы можем заточить ножки от стульев, – предлагает Гоша, – и стараться бить в голову.

– Можно и не затачивать, – говорит Марина, – просто – бить!

Пальцы Майки сжимают ее кисть, и она думает: «Да, я молодец. Быстро взяла себя в руки. Теперь главное – не расслабляться. Даже если они смогут опрокинуть сундук, одну дверь всегда можно оборонять».

Вот только вопрос – как долго?

В темноте слышно, как Гоша слевой обламывают ножки от стульев и передают их Аннабель.

– Нет, – говорит она, – серебряным ножом их не заточишь. Марина права: будем просто бить.

И тут Марина слышит над самым ухом шепот Майки:

– Я все время думал о тебе, все эти годы. Ждал, пока ты позовешь. Я так счастлив, что мы снова вместе! Я еще тогда хотел тебе сказать – ты самая лучшая на свете.

Марина пытается разглядеть его лицо, но в темноте ничего не видно.

– Глупости, – тоже шепотом отвечает она, – я самая обычная.

– Нет, нет, – шепчет Майк, – ты смелая, ты умная, ты очень красивая.

Она чувствует руку на своем плече. Он обнимает меня, удивляется Марина, он, что, влюбился?

Марина знает: мальчики иногда влюбляются в девочек. Девочки тоже все время влюбляются, на переменах вечно обсуждают – кто в кого. Мальчики говорят с мальчиками, девочки – с девочками. Никогда мальчики не говорят девочкам о любви, не говорят таких слов. Несколько лет назад Марина подозревала, что Лёва влюблен в нее, – но они никогда не говорили бы об этом.

Влюбленные должны вздыхать издалека, писать любимое имя на своей сумке или в тетрадках. Если и заговорить, то о какой-нибудь ерунде. Сказать: *ты самая лучшая на свете*, взять за руку, обнять за плечи – это невероятно, невозможно.

Так же невозможно, как атака зомби-команды посреди столицы.

Марина замирает. Ладони Майки касаются ее лица. Как будто гладит, думает Марина и совсем близко чувствует в темноте дыхание, а потом – чужие мертвые губы прижимаются к ее губам.

Это – поцелуй, да. Марина чуть разочарована: в книжках столько написано – сердце рвется из груди, все такое.

Не похоже: сердце вроде на месте.

Может, все случилось слишком неожиданно?

Майк шепчет, уже совсем тихо: *Я тебя люблю*. А потом – страшный хруст, снова визжит Ника, сундук больно бьет Марину по бедру, откуда-то пробивается слабый луч света.

– К двери! – кричит она. – Они атакуют!

Впятером они пытаются придвинуть сундук назад – но дверь выгибается под тяжестью множества тел, одна за другой отлетают доски дверного косяка, в комнату тянутся гниющие руки, сочащиеся слизью пальцы, покрытые струпами обрубки.

Марина что есть силы колотит по ним ножкой стула, где-то визжит Ника, на два голоса раздается уверенное хэ! Гоши и Аннабель, но щель все расширяется, и вот в кладовку просовывается голова с распахнутой пастью, с обвисшими слизистыми мешками щек. Марина вбивает палку прямо в пустую глазницу – зомби рушится куда-то вниз, унося с собой ее оружие.

– Дайте еще! – кричит Марина, и Лёва из темноты кидает изогнутый обломок спинки.

Марина принимается орудовать им, как серпом. Руки, пальцы, головы, глаза, рты, язвы, кровь, слизь, гной... Она не чувствует времени. Опять и опять ругается на мертвом языке Майк, издает боевой клич Гоша, что-то кричит Ника. Хрюканье, визг, стоны – все звуки сливаются в кошмарный гомон.

Зомби падают под ударами, но щель становится все шире. Пот заливает глаза. Марина хочет сбросить куртку, но некогда – зомби все лезут и лезут, тела все рушатся и рушатся.

Майк сказал, что он меня любит, некстати думает Марина. Мертвые такие странные.

Ломается кусок спинки, Ника подает какую-то новую деревяшку, рука Марины поднимается и опускается – механически, как во сне. При каждом ударе хлопает мертвая плоть зомби.

Вдруг все прекращается.

Марина переводит дыхание и сбрасывает окровавленную куртку. Недвижные тела почти полностью закрывают проход – возможно поэтому зомби остановились.

– Хотел бы я увидеть это в кино, – говорит Лёва.

– Эй, пацан, покажи класс! – переводя дыхание, говорит Гоша, и все смеются.

– Вы не поняли, – объясняет Лёва, – я бы хотел, чтобы про нас сняли кино. Мы же – герои!

– Я – нет, – говорит сокрушенно Ника, – я жуткая трусиха.

– Мы – герои, – повторяет Марина и, вспомнив слова Майка, добавляет: – Мы самые лучшие на свете!

– Они вернутся, – говорит Аннабель, – они всегда возвращаются. Что мы будем делать? У нас почти не осталось оружия.

– Давайте посмотрим, – предлагает Гоша, – может, еще что-нибудь найдем?

Марина нагибается и начинает шарить по залитому кровью и слизью полу.

– Черт, ничего не видно!

– Подожди, – говорит Майк и вытаскивает из кармана айпо.

В слабом свете маленького экрана Марина различает лица своих друзей: растрепанные, грязные, окровавленные, они смотрят друг на друга и нервно улыбаются.

– Когда мы станем мертвые, – говорит Ника, – мы же все равно останемся друзьями, правда?

– Ну, до этого еще далеко, – говорит Марина, – не дрейфь.

Нас наверняка уже ищут.

– Вряд ли нас ищут здесь, – говорит Лёва, – мы же никому про этот дом не говорили.

– Ну, все равно, – отвечает Марина, – будем держаться, пока есть силы. Не сдаваться же нам, верно?

И тут они снова слышат, как приближаются шаркающие шаги, плотоядное похрюкивание, взвизги...

– За дело! – говорит Марина.

И вдруг понимает: в комнате кто-то есть.

Странное, необъяснимое чувство – будто в дальнем углу что-то зашевелилось, зашуршало. Может, крыса?

– Посвети туда! – командует она Майку, тот поднимает айпо, и в тусклом свете Марина различает в углу высокую закутанную фигуру. Человек делает шаг вперед, он стоит совсем

близко, теперь уже все видят его. Забыв о приближающихся зомби, они смотрят на незнакомца – и тут он сбрасывает плащ. На нем что-то вроде формы, в полумраке трудно различить – какой. Мужчина смотрит на Майку и говорит со слабой улыбкой:

– Привет, племяш! – и добавляет: – Похоже, я чуть было не опоздал.

А потом он выбрасывает руки вперед, они словно вырастают, словно удлиняются на глазах, ладони вспыхивают серебром – и расцветают яркими, слепящими вспышками.

Марина отскакивает, Майк роняет айпо – но комната и так освещена белым пламенем, толчками вырывающимся из двух серебряных пистолетов в руках незнакомца. Неподвижные тела, загораживающие проход в комнату, разлетаются, объятые огнем. Мужчина одним ударом ноги отбрасывает сундук – рушатся остатки двери, открывается проход.

Озаренная серебристым сиянием выстрелов фигура вырастает в дверном проеме.

– Что, узнали меня? – кричит мужчина, и тьма отвечает паническим воем, отчаянным стоном, ором, лаем. – Узнали? Ну тогда – встречайте!

И сполохи огня уносятся в темноту.

От грохота у Марины закладывает уши – и вдруг обрушивается тишина, опустевшие магазины со стуком падают на пол.

Незнакомец поворачивается к Майку:

– Познакомишь меня со своими друзьями, племяш?

– Конечно, дядя, – Майк показывает на стоящих вокруг ребят: – Ника, Лёва, Гоша, Аннабель, а это – Марина.

– Очень приятно, – говорит мужчина. – Вы молодцы, ребята. Вижу, хорошо сражались. Наверно, даже без меня справились бы, а?

Он смеется, и Марина вспоминает: десять минут назад она была уверена, что все кончено, – и улыбается в ответ.

– Майк, как всегда, забыл меня представить, – говорит мужчина. – Я – дядя Ард, майор Ард Алурин.

– Ух ты! – говорит на этот раз Лёва.

13

– Они только отступили, – говорит Алурин, – у нас есть минут десять до следующей атаки. У вас есть серебряные ножи?

– Только у меня, – с гордостью говорит Аннабель.

– Плохо, – качает головой Алурин.

Он сидит на поваленном сундуке, в ногах – зажженный фонарь. Ребята столпились вокруг, на самой границе света и тьмы. Лицо Алурина в тени, хорошо видны только руки, один за другим вставляющие патроны в магазины, – и два больших серебряных пистолета.

Гоша осторожно тянется к пистолету и кончиками пальцев касается серебристой рифленной рукоятки.

– Так и просится в руку, да? – улыбается Алурин. – Лучшее оружие, какое только можно достать по обе стороны Границы. «Хирошингу-2001», сорок пятый калибр, магазин на двадцать патронов, специальная модель с увеличенной убойной силой. Разносит зомби на части с пятидесяти метров. Хочешь взять?

Гоша заворуженно кивает и бережно сжимает пистолет в потной ладони.

– Легко взять – трудно выпустить, – усмехается Алурин. – Дай-ка его сюда.

– Скажите, дядя Ард, – вернув пистолет, спрашивает Гоша, – почему, если Граница проходит внутри дома, зомби атакуют нас снаружи? Как они проникли в город? Может, не в доме дело?

В Гошином голосе звучит легкая обида: он так полюбил этот дом, считал его своим даже больше, чем родительскую квартиру, – а вот на тебе!

– Это называется «эффект решето», – объясняет Алурин. – Иногда вокруг свежей бреши в Границе образуется множество новых ходов. Вы открыли один проход здесь, внутри дома – им прошел Майк, – а несколько десятков дыр возникло снаружи: оттуда и потянулись зомби. Такое ощущение, что они стояли наготове, не одиночные ромерос, а целая зомби-команда – уж больно слажено действовали. Возможно, твой отец, – и Ард кивает Майку, – подготовился заранее.

Алурин говорит уверенно и спокойно. Слабые щелчки патронов, встающих на свои места, словно аккомпанируют ему.

– Мой брат Орлок – опасный и злой человек. Когда мы оба были живыми, я не подозревал, что он работает на мертвых, но теперь понимаю – Орлок всегда хотел власти. Вскоре после Проведения Границ мой брат стал ведущим сотрудником секретной лаборатории Министерства по делам Заграничья. Считалось, что доктор Алурин изучает, как повелители подчиняют себе упырей, – но на самом деле Орлок искал способ подчинить своей воле живых, используя тот же самый механизм. Он действительно был талантливый ученый – так, по ходу дела он открыл принцип ограничения... его еще называют принципом свободы воли. Вы, наверно, проходили его в школе?

– Нет, – говорит Марина, – папа упоминал его однажды, но я не поняла, что это.

Ника вдруг задумывается о своем отце: вот майор Алурин, мертвый, пришел и спас их, а теперь сидит, разговаривает. Может быть, он встречал где-то ее папу? Должны же хорошие мертвые знать друг друга?

– На самом деле, это очень просто. Вы знаете, у мертвых есть Знание, а у живых его нет. Зато у них – у вас – есть свобода воли, возможность выбирать между добром и злом.

– А мертвые разве не могут выбирать? – спрашивает Ника.

– Мертвые уже выбрали, – говорит Алурин, – еще при жизни. Или в момент смерти. Или – в одном из промежуточных миров. Очень часто им стыдно за свой выбор – говорят, поэтому они не могут вспомнить, кем они были, пока были живыми. Это очень тяжело, быть мертвым.

Алурин вздыхает, и Ника думает: неужели даже такой великий герой, как Ард Алурин, стыдится того, что делал, пока был живым? Интересно, он знает, что в школах детям до сих пор рассказывают о его подвигах?

– Свобода воли позволила живым воздвигнуть Границу – и она же дает им возможность делать в ней бреши и проходы. Мертвые могут только активировать эти дыры, если они плохо заделаны, – вот почему вы все живете в безопасности, в спокойном и счастливом мире. И эта же свобода воли не позволяет превращать живых в упырей – сначала их надо убить. Орлок понял это довольно быстро – он сделал доклад на Президиуме Министерства, на него посыпались награды, его лаборатории ни в чем не было отказа, какое бы оборудование он ни попросил и какой бы эксперимент ни задумал. Тогда-то он и стал вызывать мертвых, подчинять их своей воле и после этого отправлять в промежуточные миры, где они пребывали в каком-то подобии анабиоза, ожидая, пока Орлок вызовет их снова. Вероятно, мой брат хотел собрать большую армию. Он не довел свой план до конца: один из вызванных им мертвых оказался полковником мертвой контрразведки и сумел завербовать Орлока, прежде чем мой брат превратил его в упыря и отправил в резерв. Спустя некоторое время Орлок активировал полученные от полковника контакты с командованием мертвых – причем в одной из самых милитаристских и жестоких областей Заграничья. Он рассчитывал получить от них необходимые для работы Знания, но в какой-то момент понял, что сам стал пешкой в чужой игре. По плану генералитета здесь, в вашем мире, армия упырей Орлока должна была стать авангардом вторжения мертвых. Орлок понял, что война неизбежна, и решил заранее перейти на сторону тех,

кого считал победителями. Он оформил себе командировку в Заграницье – с его влиянием и славой это было проще простого, – а потом стал невозвращенцем.

Алурин снова вздыхает. Наверное, он жалеет, что не остановил брата, думает Ника, не догадался, что с ним происходит.

– Для меня это стало потрясением. Мой старший брат, которым я всегда так восхищался, – и вдруг невозвращенец. Не просто невозвращенец – глава особого отдела «черных отрядов», командир огромной мертвой орды, ждущей только возможности напасть на живых... Возможно, поэтому я и пошел в армию: я хотел искупить вину своей семьи... А потом началась война.

Ника помнит, что было дальше. Ей становится жалко майора Алурина: он не смог остановить брата, спасти жену и дочь. Там, в Заграницье, он, наверное, совсем один.

Она подвигается поближе к Арду Алурина и спрашивает:

– Скажите, а там, в Заграницье, есть другие мертвые, которые как вы... которые на стопе живых?

Алурин проводит тяжелой рукой по взлохмаченным Никиным волосам.

– Да, конечно. Мертвые разные, как и живые – разные. Если честно, большинству из нас нет дела до живых. Своих забот хватает. Преступность, перенаселенность, безработица, инфляция, голод... ну, вам в школе должны были рассказывать. У мертвых – своя жизнь. Это я сохранил память, сохранил верность тому, во что верил, пока был жив, – но даже я все равно мертвый. Мертвые и живые должны быть разделены – неслучайно мертвые не могут долго находиться в мире живых: с кого-то слезает слоями кожа, кто-то сходит с ума...

– А вы? – спрашивает Лёва.

– Я мгновенно сгораю на солнце, – отвечает Алурин, – ну, на живом солнце, конечно.

– Отец говорил: ему нечего бояться в мире живых, – замечает Майк.

– Да, Орлок очень силен, – кивает Алурин. – Он использовал свою свободу воли, чтобы стать невозвращенцем. В отличие от большинства из нас, мертвых, он перешел на эту сторону добровольно – и мог как следует подготовиться. Он в самом деле не боится дневного света – это важно для него, потому что он не оставил идеи вернуться сюда и захватить власть над живыми. Поэтому я и говорю твоим друзьям: остерегайтесь моего брата. Он что-то замыслил – и, судя по всему, вы нужны ему для его плана. Будьте осторожны.

– Да, – говорит Марина, – мы уже поняли. Мы будем остерегаться.

– Вы с Орлоком продолжаете враждовать? – спрашивает Лёва.

– Да, все эти годы, – усмехается Алурин. – Или столетия. У нас там сложно со временем, вы же знаете.

– Дядя Ард, – говорит Лёва, – я давно хотел спросить: а что происходит с мертвыми, когда их убивают? Серебряной пулей или как-нибудь еще. Куда они попадают?

– Не знаю, – отвечает Алурин. – Есть граница между мертвыми и дважды мертвыми – и куда как крепче вашей Границы. Говорят, в некоторых мертвых областях есть люди, которые заглядывали на ту сторону, видели дважды мертвых. По мне, так это только бабьи рассказы. Когда мертвых уничтожают, от них ничего не остается. Я, во всяком случае, так думаю.

Вот что такое – быть мертвым, думает Ника. Знать, что если ты снова умрешь, то уже не будет ничего. Все закончится.

Она поднимает голову и тихо говорит Алурина:

– Спасибо, что вы пришли. Я очень боялась.

– Ну что ты, – отвечает Алурин, – на самом деле ты смелая девочка. Любой бы на твоём месте испугался.

– Скажите, – спрашивает Ника, – вы не встречали там, в Заграницье, моих маму и папу? Их зовут Мария и Степан Логиновы, они попали туда два года назад.

– Прости, – Алурин встает, – если и встречал, то они не помнили своих имен. Но я попробую их найти, если хочешь.

– Да, – говорит Ника, – да, пожалуйста. Мне это очень важно. Передайте им, что я их люблю и помню до сих пор и что я уверена – они остались добрыми, хорошими людьми.

– Да, – говорит Алурин, – я передам.

Он гладит Нику по голове, слезы наворачиваются ей на глаза. На секунду она представляет: это папа вернулся, чтобы еще раз сказать – он любит ее.

– Тебя зовут Ника, правильно? – спрашивает Алурин.

Девочка кивает.

– У меня была дочка, – говорит он. – Когда Орлок сделал ее мертвой, она была как раз твоих лет.

Павел Васильевич говорил, она была похожа на меня, вспоминает Ника, но ничего не говорит.

– Вы видите с ней сейчас? – спрашивает Лёва, но Алурин не отвечает. Медленно он поднимает длинный белый палец и шепотом говорит:

– Тише!

Майк и Марина, о чем-то шептавшиеся в темноте, замолкают, и теперь все слышат глухой далекий рокот.

– Идут, – говорит Алурин и встает. – Держитесь все вместе, старайтесь от меня не отрываться. В бой не лезьте – вы уже сегодня повоевали.

– У меня есть нож! – говорит Аннабель.

– Побереги его для следующего раза, – усмехается Алурин. – Сегодня мой праздник, не лишай меня удовольствия.

Он распахивает заслонку фонаря, и луч света освещает коридор.

Два десятка зомби медленно приближаются, покачиваясь из стороны в сторону.

– И это все? – говорит Алурин. – Даже скучно.

Он вскидывает пистолеты – каскад вспышек, грохот выстрелов. Ника видит лицо майора Алурина: в нем нет ни следа той нежности, которая чувствовалась всего несколько минут назад, – только радость, только ярость, только слепое упоение битвой.

Зомби падают на пол, превращаются в бесформенную груды, растекаются зеленоватыми лужами гноя. Алурин перезаряжает пистолеты – и в этот момент что-то круглое, вертящееся вылетает из полумрака. С треском снаряд разрывается у Никиных ног, желто-зеленые брызги летят во все стороны, несколько капель попадают на руку – и Ника кричит от неожиданной боли.

– Мертвые головы! – кричит Алурин. – Они выпустили мертвые головы! Назад, все назад!

Лёва подхватывает Нику и тащит ее в чулан. Еще один череп разрывается прямо перед ними. За спиной один за другим грохочут выстрелы.

– Вот вы как! – кричит Алурин. – Ну, ладно, посмотрим, кто кого!

Пульсирующая боль все сильнее. Нике кажется, что вся левая кисть превратилась в одну сплошную рану. Обернувшись, она видит: мертвые головы раскалываются в воздухе, разорванные серебряными пулями. Ард Алурин стоит, освещенный вспышками выстрелов, пугающий и прекрасный.

Теперь Ника замечает: мертвые головы вылетают из третьей комнаты, где окопались несколько ромерос, прячась за повеленными шкафами. Шаг за шагом Алурин приближается к ним.

– Что это такое? – шепотом спрашивает Гоша Майка.

– Мертвые головы, – отвечает тот, – черепа погибших в битвах, наполненные химически модифицированным гноем. Новая разработка, в прошлую войну таких еще не было. Оружие

избирательного действия: поражает только живых. Хорошо, что они только сейчас их подвезли. Бросили бы сразу пару таких в чулан – и всем вам конец.

– Но Алурина они ведь не страшны? – спрашивает Ника.

– Ни капельки, – говорит Майк, – он же мертвый.

Выглядывая из-за поваленного сундука, Ника видит: майор Алурин достиг третьей комнаты. Яркие вспышки огня, грохот, утробный вой – и внезапная тишина.

– Идиоты, – говорит Алурин, – они что, не понимают, что меня этим не пронять?

Ника выходит из укрытия и, осторожно обходя желто-зеленые пятна, идет к нему. Ей кажется, что она сама пошатывается, словно зомби. На пороге третьей комнаты она хватается за косяк.

– У меня что-то с рукой, – шепчет она.

От боли кажется, что стены дома движутся, колышутся, дрожат. Алурин поворачивается к ней, медленно, словно движется в воде.

– Тебе надо к врачу, – доносится до нее голос, и вдруг что-то падает сверху, ярко-красное, как сгусток крови, Алурин снова начинает стрелять, и Ника видит: стены в самом деле шевелятся – с них один за другим падают какие-то крупные пауки, алые, пятипалые...

– Беги! – кричит Алурин. – Это тинги, беги!

Но Ника не может тронуться с места и только слышит, как бежит по коридору Лёва, зовет ее по имени, кричит: *Сюда! Сюда!* – а майор Алурин стоит в ореоле выстрелов, в обрамлении падающих горящих комков, непобедимый, неуязвимый.

Лёва хватается за плечи – и в этот момент обрушивается потолок, но там, наверху, вместо чердака и крыши, – голубое небо и яркое солнце, почти такое же яркое, как ослепительная вспышка в центре комнаты, как пламенеющий шар на том месте, где секунду назад стоял майор Ард Алурин.

– Нееееет! – кричит Ника. – Нееееееет!

Она делает еще два шага и падает.

Пламя гаснет – в горке обгоревшего тряпья сверкают два серебряных пистолета и россыпь нерасстрелянных патронов.

И больше ничего.

[Интермедия]

Здесь нет времени

Милая Марина, я пишу тебе это письмо, хотя ты никогда не прочтешь его. Я пишу письмо, потому что все равно говорю только с тобой и думаю только о тебе. Когда мне холодно – я вспоминаю, как замерз, когда первый раз попал к вам. Когда жарко – вспоминаю тепло твоих губ, когда поцеловал тебя на прощанье. Когда мне грустно – мне теперь почти всегда грустно, – я вспоминаю, как ты грустила. Когда весело – вспоминаю, как ты смеялась. Я вспоминаю твой смех, я думаю, что никогда тебя больше не увижу, – и мне хочется плакать. Поэтому я редко смеюсь последнее время, редко и очень недолго.

Мне хочется плакать, но я не плачу. Не потому, что это якобы недостойно мужчины. Нет. Просто если я заплачу – я вспомню, как слезы текли по твоим щекам, когда ты стояла над горсткой пепла, что осталась от дяди Арда.

Я не хочу об этом вспоминать, Марина, не хочу. Пусть лучше у меня в памяти останутся только наши счастливые встречи.

Помнишь, я рассказывал тебе о нашем мире, о мертвом мире? Поверь мне, на самом деле в нем нет ничего интересного. Для меня во всяком случае. Особенно с тех пор, как я впервые тебя увидел.

Здесь нет ничего интересного – ведь здесь нет тебя. И никогда не будет.

Понимаешь, Марина, у нас ничего не меняется. Каждый день я иду в школу, в один и тот же класс. Одни и те же учителя, одни и те же одноклассники. И все они ведут себя так, словно верят: в школе можно чему-нибудь научиться. Можно перейти в другой класс. Можно вырасти, можно измениться.

Ты знаешь, Марина, это неправда. Мы изучаем мертвые технологии, узнаем все больше и больше бессмысленных, мертвых деталей. Горы мертвой информации громоздятся у нас в головах, горы мертвых знаний. Сколько бы мы ни узнавали нового – эти знания не меняют нас.

Мы навечно застряли в этом классе. Мы никогда не окончим школу, никогда не станем старше.

Здесь ничего не меняется, Марина. Разве только – погода. Иногда дождь, а иногда – солнце. Но снега почти не бывает. Учитель географии говорит, у нас мягкий климат.

Сегодня в нашем городе идет дождь. Я стою у окна и вижу, как неоновые огни реклам отражаются в лужах, как фары высвечивают одиноких промокших прохожих, как дождевая вода стекает по стеклам витрин.

Идет дождь, и во всем этом огромном мире нет тебя.

Здесь ничего не меняется, Марина. Ничего, кроме песен по ящику, кроме рекламных роликов, кроме одежды на манекенах, – ничего, кроме моды. Мы гонимся за модой, мы словно пытаемся убедить себя, что время все-таки существует, что завтрашний день хотя бы чем-то отличается от сегодняшнего.

Если бы мы знали, что когда-нибудь вырастем, мы бы не тратили время на эту ерунду.

Но мы не вырастаем. Нам вечно будет пятнадцать лет.

На два года больше, чем было тебе, когда мы встретились.

Здесь нет времени – и мне трудно представить, что оно есть хотя бы где-то.

Я пишу тебе письмо, которое ты никогда не прочтешь, и представляю ту девочку, которую видел последний раз: каштановая прядка, голубые глаза. Никакой косметики, никаких украшений. Такой я представляю тебя – а ты, должно быть, давно уже выросла, закончила школу, вышла замуж, родила детей... мальчика и девочку... может, даже назвала мальчика в мою честь, Майком. То есть Мишей. У вас ведь нет имени Майк.

А у нас нет имени Марина.

Есть Марианна, Мэри-Энн, Мария, Мэри... много имен, но Марины нет.

Марины нет.

Здесь нет тебя, понимаешь? И это – самое страшное.

Я бы хотел забыть о тебе. Я бы хотел влюбиться в обычную мертвую девушку, в какую-нибудь Машу или Соню, раз уж мне так нравятся живые имена. Я бы обжимался с ней на переменах, целовался всасос, тискался на школьных дискотеках... был бы как все.

Но так получилось, что я влюбился в живую девочку на два года младше меня. В девочку, которая даже не умеет целоваться. Которая, наверное, даже не понимает, что это такое – влюбиться. Которой, может быть, сейчас уже больше лет, чем мне, больше лет, чем моему отцу.

Я пишу это письмо, а ты, быть может, сморщенной старушкой лежишь в кровати, не в силах подняться без посторонней помощи, – и во всем огромном мире живых нет ни одного человека, который помнил бы тебя такой, как помню я: маленькой девочкой, еще не осознающей своей красоты.

Когда мы прощались, я сказал, что мертвым нельзя любить живых – потому что у мертвых нет времени. Ты вырастешь, сказал я, а вот я навсегда останусь пятнадцатилетним.

И это значит – мы никогда больше не увидимся. Даже когда ты уйдешь, когда пересечешь Границу – ты будешь совсем другой, ты все забудешь, не узнаешь меня, и, наверно, я не узнаю тебя.

Здесь нет времени, я не могу представить, как время делает из девочки – девушку, потом – женщину, а потом – старуху.

Я не могу представить тебя иной, чем видел в тот, последний, раз. Для меня ты всегда останешься семиклассницей, юной и прекрасной. И я прошу тебя: не спеши. Проживи свою жизнь до конца, до глубокой старости. Выйди замуж, роди детей, дождись внуков. Может быть, кто-нибудь из них будет похож на тебя. Может быть, когда там, у вас, пройдет много лет, твоя внучка, пиная ногой красные листья, пойдет в седьмой класс теми же улицами, какими когда-то ходила ты. Дай бог, чтобы она была похожа на тебя.

Вряд ли я увижу ее. Вряд ли рискну еще раз пересечь Границу: гибель дяди Арда оказалась слишком дорогой ценой за подобные путешествия.

Я не хочу рисковать. Я боюсь за тебя, Марина. Я хорошо помню, как мой дядя предостерегал тебя и твоих друзей.

Поэтому я не отправлю это письмо. Я сотру эти слова из компьютера, вычищу ему память, чтобы мой отец не мог их прочитать. Не хочу напоминать ему о тебе – но, боюсь, он и так слишком хорошо тебя помнит.

Ты знаешь, Марина, тебя в самом деле нельзя забыть.

Я – никогда не забуду. И, хотя ты не прочтешь это письмо, я хочу, чтобы ты знала: я влюбился в тебя навсегда, влюбился на всю смерть.

Видишь, Марина, какое у меня получилось грустное письмо. Честное слово, я не хотел. Я бы с радостью рассказал что-нибудь смешное, новую шутку, анекдот – но у нас почему-то не бывает свежих анекдотов.

Но все равно – из далекого Заграничья, из мест, куда ты еще не скоро попадешь, я прошу тебя: улыбнись! Улыбнись мне, Марина, и, может быть, я смогу улыбнуться в ответ, смогу больше не сдерживать слезы.

Я снова прощаюсь и снова целую тебя – целую еще раз, целую и люблю всем сердцем.

Твой

Майк Алурин.

Часть третья

Тайны живых

1

Весенний ветер раскачивает над улицей праздничный транспорант, надувает, словно парус, морской рябью морщинит голубое полотнище, серебряные буквы переливаются, словно пена на гребне волны.

Слов не разобрать, но Лёва и так знает – там написано: *Живые женщины – свободные женщины!* – классический апрельский лозунг, старый, еще до Проведения Границ, с тех времен, когда живые женщины боролись против притеснения. Какое там было притеснение, сейчас толком никто не говорит. Лёва где-то читал, что когда мужчина становился мертвым, его жена должна была последовать за ним. Но если подумать: что значит «последовать»? Ведь тогда еще не было Границы – значит, можно было последовать, а потом вернуться? Какое же это притеснение?

В летнем лагере кто-то рассказывал, что до Мая мертвые держали специальные гаремы с живыми женщинами – мол, против этого женщины и восставали. Лёва даже спросил об этом папу, но папа только фыркнул: гаремы? тоже придумаешь! романтик! – и больше об этом не заговаривал.

Вчера Лёва с папой купили букет гвоздик – ездили специально на рынок: двадцать второго апреля цветы можно найти только там, и цены на них ого-го какие! Букет они спрятали у Лёвы в комнате и утром вдвоем подарили маме. Получился, вроде как один подарок на двоих, но тут уж ничего не поделаешь.

Вечная морока с этими подарками! Пока был маленький, все было просто: картинку нарисовал или стишок наизусть выучил – вот и подарок. А теперь – седьмой класс, вроде как несерьезно стишок да картинка. А что дарить – непонятно. Купить он ничего не может, сделать сам – ну что он сделает?

В прошлом году попробовал сделать вечный календарь. Нашел на помойке пластмассовый ящик, вырезал оттуда пластинок, написал на них цифры, дни недели и месяцы. Вбил гвозди в дощечку, надел пластинки на гвозди – всё, как задумал. Получилось ужасно, стыдно вспомнить. Мама, конечно, умилилась, сказала «спасибо», бабушка Роза так даже восхитилась, воскликнула: *Какая красота!* – но что-то больше Лёва этого календаря не видел.

Может быть, поэтому Лёва в этом году совсем не радуется первому весеннему празднику. В детстве всегда его любил – всюду цветы, лозунги, солнце светит, – а сейчас никакого праздничного настроения, сам не знает почему.

Ветер задувает под куртку. Куртка живая, холодная, на пуговицах. Мертвые куртки все давно на молнии – но откуда у Левиных родителей деньги на мертвую куртку?

Лёва ежится. Вроде и солнце светит, и желтые одуванчики начали появляться в зазеленевших газонах, а вот ветер подул – и холодно. Может, дело в том, что он сидит здесь уже битых полчаса? Пойти, что ли, в школу, подождать в раздевалке?

Нет, не пойдет.

Ведь какая была мысль – как бы случайно прийти сюда. Вроде как пойти в праздничный день погулять, присесть погреться на солнышке, почитать книжку – и как бы случайно встретить Нику, возвращающуюся с Олимпиады.

А в раздевалке – какое же это «случайно»? Сразу понятно, что он там делает!

Кстати, а чего вообще Лёва конспирируется? Почему не сказать Нике, что вот, пришел ее встретить, узнать, как Олимпиада? Почему утром сказал маме, что идет гулять с Гошей? Никогда раньше маме не врал – а тут на тебе!

Наверное, это из-за Олимпиады. Мама и так огорчилась, когда узнала, что Лёва не прошел в финал. Не мог же он объяснить, что на отборочном туре он прятался в шкафу и читал файлы Гошиной мамы! А тут и папа стал говорить, что Лёва совсем мало времени уделяет учебе, еще и летом собирается в какой-то дурацкий поход на Белое море, тогда как надо больше заниматься, ведь старшие классы – самые важные, а потом стал рассказывать истории про своих одноклассников, которые в пятом-шестом классе были отличниками, а потом все забросили, даже в институт не поступили... Слушая его, Лёва вдруг подумал: а что, если ответить папе: *Ну и что, что не поступили! Может у них-то все и получше сложилось, чем у тебя!* – и тут же ему стало противно, хотя он, конечно, ничего не сказал, только подумал. Разве можно так о папе? Конечно, денег у них немного, но зато родители – заслуженные учителя, все их уважают.

И библиотека у Лёвы самая большая в классе.

Вот только куртка старая и холодная. Но ведь вещи – это не главное, верно?

Двери школы открываются, оттуда выходят парень с девушкой – наверное, десятиклассники. У девушки в руках букет гвоздик, ветер развеивает светлые волосы, у парня на плече – две сумки.

Лёва знает: когда мальчик гуляет с девочкой, он должен нести ее сумку. Не потому, что сумка тяжелая или девушки – слабые, нет, это для того, чтобы девочка понимала: он за ней ухаживает.

Ухаживать – это значит ходить вместе, носить сумку, братья за руки, дарить цветы. Потом – поцеловаться, но это еще очень не сразу.

Лёва никогда ни за кем не ухаживал. Ну, то есть он ходил вместе с девочками – и с Мариной, и с Никой, и с другими девчонками, если было по пути, – но за руку не брал, цветов не дарил и даже сумку не предлагал понести. Как это так? На ровном месте взять – и предложить понести сумку?

А ведь можно было сегодня подарить Нике цветы, думает Лёва. Вроде ничего особенного, праздник, двадцать второе апреля, День живых женщин. Но это надо было еще вчера купить, денег у папы попросить, объяснять что-то... Нет, конечно, какие уж тут цветы!

А вот этот парень, с двумя сумками, – он девушке цветы подарил. Ну, так он уже десятиклассник, совсем другое дело! В десятом классе Лёва тоже будет Нике дарить цветы, там уже можно будет не стесняться.

Лёва пытается представить: вот он взрослый, высокий – и Ника тоже, повзрослевшая, другая... какими они будут? Нет, ничего не получается. Проще представить себя военным разведчиком, королевским мушкетером, охотником за мальтийской птицей – но невозможно представить в десятом классе ни себя, ни Нику. И тем более невозможно представить, как они идут рядом: две сумки у него на плече, букет цветов у нее в руках.

Разве девочки влюбляются в рыжих очкариков? Да такого ни в одной книжке не вычитаешь!

– Вот ты где! – кричит Гоша. – А я к тебе зашел, а твоя мама сказала, что ты со мной гуляешь! Я подумал: может, ты к Маринке пошел, я – к ней, а она сразу догадалась, что ты Нику ждешь!

– Никого я не жду, – буркает Лёва, – так просто сижу, греюсь на солнышке.

Гоша плюхается рядом, Марина трогает скамейку рукой и остается стоять. На ней – белые джинсы, те самые, мертвые. Ну и куртка, конечно, тоже мертвая, теплая, на молнии.

– С праздником тебя! – говорит Лёва.

Марина улыбается в ответ:

– Спасибо.

Чего они все набегали? – с неожиданным раздражением думает Лёва. Хорошо еще, что я в самом деле цветов не принес!

Марина тем временем начинает рассказывать, как она объясняла маме, почему ей так нужно отправиться на Белое море, хотя мама отлично знает, что Марина терпеть не может Дэдэ, да и походы не слишком любит.

– Ну, я-то папу даже и не спрашивал, – говорит Гоша, – просто сказал, что мы едем в поход, он и кивнул. У него сейчас своих забот полно. Его с работы выгнали, он пытается куда-нибудь еще устроиться. Говорит: если не получится, пойдет работать истопником или дворником.

– Ника сказала, что со своей тетей она уже договорилась, – говорит Марина, и тут как раз появляется Ника.

Она сбегает со школьного крыльца – в клетчатом пальто, вязанный шарф развеивается от быстрого движения. А с ней рядом – надо же, Лёва даже не сразу узнал ее! – Аннабель. На этот раз – без всяких высоких ботинок, молний и сердец. Обычная девчачья куртка, не то белая, не то розовая, туфли на небольшом каблуке, сережки спрятаны под аккуратной прической.

– Привет, ребята, – говорит она, – как дела?

– Ну, ты же знаешь, – отвечает Марина, – на Белое море летом собираемся, готовимся.

– Клево, – говорит Аннабель. – Кстати, Ник, рука-то зажила, да?

– Целый месяц лечили, – кивает Ника. – Самое трудное было врать, что это я кипятком обварилась. Но сейчас, слава богу, даже шрама не осталось.

– А ты на Белое с нами не надумала? – спрашивает Лёва.

Аннабель пожимает плечами:

– Ну, я же объяснила уже: я никак не могу. У меня об-гру лагерь, подготовка к областным соревнованиям. И еще летняя школа по математике, она дает преимущества при поступлении.

– А ты куда поступаешь? – спрашивает Ника.

– В Университет, конечно, – отвечает Аннабель.

Лёва тоже собирается в Университет – лучший институт во всем городе, во всей стране. Но у него еще есть время: седьмой класс, поступать только через три года.

– А что это ты сегодня так скучно одета? – спрашивает Марина.

– Ну, так получилось, – отвечает Аннабель, – я вечером с родителями в гости иду, вот и оделась сразу, чтобы домой не заезжать.

– Ну, тогда хорошо тебе в гости сходить! – говорит Марина.

– Ага, – кивает Аннабель, – увидимся еще!

Она машет рукой, уходит, но вдруг возвращается. Нагнувшись к ребятам, она говорит громким шепотом:

– Слушайте, мне обещали принести кассету с той самой группой!

– Какой? – спрашивает Ника.

– Ну, про которую ты говорила... то есть Майк говорил... «Живые могут танцевать». Говорят, у одного парня есть, ему кто-то из Заграничья привез. Говорит: мировая музыка! Я вам перепишу обязательно.

– Здорово! – говорит Ника.

Аннабель снова машет рукой и на этот раз в самом деле уходит, убегает – розовая куртка скрывается за оградой школьного двора.

– А что она тут делала? – спрашивает Марина.

– У девятого класса тоже Олимпиада, – объясняет Ника, – ну и она тоже была в финале.

– Понятно, – кивает Марина и, помолчав, говорит: – Мне всегда казалось, что она врушка.

– Почему – врушка? – спрашивает Лёва. – Думаешь, она соврала насчет кассеты?

Марина смеется – резким, отрывистым смехом, так не похожим на ее обычный смех.

– При чем тут кассета? Это Аннабель... Лёля... она – врушка, потому что изображает из себя такую крутую смертницу, а на самом деле – обычная маменькина дочка, девочка из приличной семьи. Поиграет-поиграет – и пойдет с родителями в гости, одетая как положено. А потом – в лагерь тренироваться и в летнюю школу, чтобы легче в Университет поступить!

– Университет – дело хорошее, – говорит Лёва. Ему почему-то хочется заступиться за Аннабель – может быть, он вспомнил, как дымился в ее руке серебряный нож и разлетались под ударами головы зомби.

– Ага, – говорит Марина, – отличное. Просто пока она будет тренироваться и заниматься, мы будем спасать Гошину маму – вот и всё. И вот еще... Знаешь, почему она с нами не едет? Не потому что занятия или там тренировки. Она боится!

– Мертвых боится? – спрашивает Лёва. – Не слишком-то она их боялась – там, в доме!

– Нет, – говорит Марина, – мертвых она боится не больше нашего. Она другого боится. Если мы в самом деле найдем там Гошину маму – что тогда? Ведь Гошина мама – в сто раз круче! Никаких сердец, молний, сережек, никаких тебе разговоров «Ах, мы смертники, нам нечего терять!» – а просто пошла и стала рушить Границу. Как будто ей нет разницы – мертвые, живые. Вот это – по-настоящему круто! А Аннабель что может сказать – что новую мертвую кассету записала? Вот я и говорю: врушка.

– Жалко, – замечает Ника, – она мне всегда очень нравилась. Я даже когда-то хотела быть на нее похожей.

– Она слишком взрослая, – уже спокойней говорит Марина, – как наши родители. Как учителя. Мы не можем на нее рассчитывать, ты же видишь.

– Ой, – вдруг спохватывается Ника, – вы знаете, что Зиночка мне сказала? Что у Павла Васильевича в ту пятницу был сердечный приступ, увезли по скорой, он в больнице теперь.

– Пойдем его навестим? – предлагает Гоша, и Лёва понимает, что это первые слова, которые тот сказал после появления Аннабель.

– Пока к нему нельзя, – отвечает Ника, – может, в конце недели.

– Как Олимпиада-то? – говорит Гоша.

– Да вроде нормально, – говорит Ника.

– Задачи покажешь? – спрашивает Лёва и как бы между делом добавляет: – Кстати, с праздником тебя!

– Разве это праздник? – Ника пожимает плечами. – День живых женщин – тоже мне большое дело!

И в самом деле, думает Лёва, глупость одна. Пора уже взрослеть, не до праздников теперь! У нас – дела поважнее: Белое море, Гошина мама, живые, мертвые, Граница и Загранице.

2

Первая мысль: как он постарел! Неужели всего за месяц можно так постареть? Еще совсем недавно – Марина помнит – он стоял, опираясь на учительский стол, подняв голову в ореоле седых волос, и голос его, обычно тихий, разносился по классу. Павел Васильевич читал: *Сзади Нарвские были ворота – впереди была только смерть...*

Был урок внеклассного чтения. Тема самая банальная: стихи о войне. Оля отгарабанила какую-то героическую балладу, с должным пафосом, но без чувства – по большому счету как и все остальные отвечавшие. Только Ника приготовила грустное стихотворение о том, как хочется вернуться в до войны и предупредить тех, кто должен погибнуть: *Мне вон тому сказать необходимо: Иди сюда – и смерть промчится мимо*, – но до нее очередь не дошла. Павел Васильевич устал слушать и, махнув рукой стоявшему у доски Васе Кузину – мол, садись, хватит уже, – стал читать свое любимое: *Вот о них и напишут книжки: «Жизнь свою за други своя».*

Марина знала это стихотворение, и следующее тоже знала, слушала вполслуха. Она вообще не слишком любила стихи, тем более если они каждый год одни и те же, пусть даже и про войну, и читает их Павел Васильевич. Марина почти не слушала, думала про будущий поход на Белое море, про то, как улизнуть от Дэдэ, как найти правильное место, – но внезапно Павел Васильевич опустил на стул, грустно посмотрел на присмиривший класс и совсем другим голосом начал читать незнакомые стихи о том, как холодно и высоко гудят рельсы, как спасаются беженцы, как идет война и проходит молодость, – и почему-то эти стихи Марина слушала внимательно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.